

ОГОНЁК

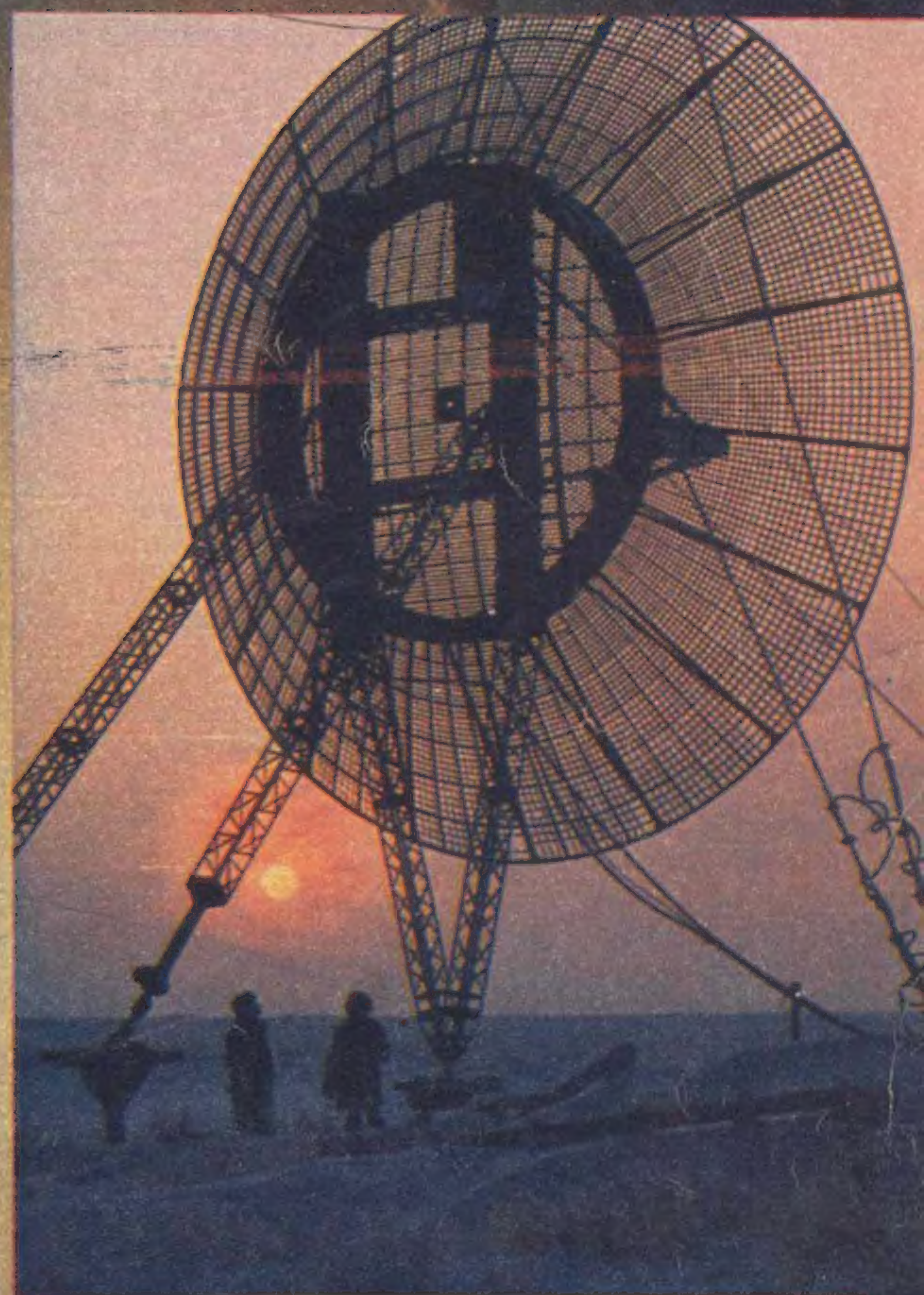
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 2 ЯНВАРЬ 1984

•
**ЗА УРЕНГОЕМ—
ЯМБУРГ**

•
**Чингиз Айтматов.
ЖИЗНЬ И ПАМЯТЬ**

•
**Эдуардас Межелайтис
СТИХИ**

НОВОГОДНЕЕ ПОЗДРАВЛЕНИЕ СОВЕТСКОМУ НАРОДУ

Дорогие товарищи, друзья!

Уходит в историю 1983 год. Он займет достойное место в летописи славных свершений советского народа.

Наша страна заметно продвинулась вперед на всех направлениях хозяйственного и культурного строительства. Ускорились темпы роста общественного производства, повысилась производительность труда, неуклонно решаются социальные задачи. Выполняя Продовольственную программу, труженики агропромышленного комплекса произвели больше, чем в предыдущем году, продукции земледелия и животноводства. Введены в действие сотни новых предприятий. Широким фронтом идет освоение природных богатств Сибири и Дальнего Востока, завершается строительство Байкало-Амурской магистрали, досрочно сооружен гигантский газопровод Уренгой—Помары—Ужгород. Крупными открытиями порадовали советские ученые, замечательные победы одержаны в освоении космического пространства. Наша многонациональная культура обогатилась новыми значительными произведениями литературы и искусства.

Все это — результат напряженного, плодотворного труда советских людей, последовательного осуществления курса партии на более эффективное использование возможностей и преимуществ развитого социализма, на укрепление дисциплины и организованности во всех сферах жизни общества.

Центральный Комитет КПСС, Президиум Верховного Совета СССР, Совет Министров СССР выражают сердечную благодарность всем, кто с полной отдачей сил трудится на общее благо, приумножает материальные и духовные ценности социалистической Родины!

Достигнутые в минувшем году успехи бесспорны. Но нам предстоит выйти на еще более высокие рубежи, активнее решать масштабные задачи, которые определены XXVI съездом партии, последующими Пленумами ЦК КПСС.

На днях Пленум Центрального Комитета КПСС одобрил Государственный план экономического и социального развития СССР на четвертый год пятилетки. Верховный Совет на очередной сессии обсудил и утвердил этот план. Он отвечает генеральной линии партии, служит коренным интересам народа. Центральный Комитет КПСС, Президиум Верховного Совета СССР, Совет Министров СССР уверены, что трудящиеся страны развернут всенародное социалистическое соревнование за его успешное выполнение и перевыполнение, ознаменуют 1984 год ударным, высокопроизводительным трудом.

У Коммунистической партии и Советского государства нет выше заботы, чем забота о благе народа. Чтобы советские люди жили все лучше, полнее удовлетворяли свои материальные и духовные потребности, путь один: добросовестный труд на любом участке социалистического созидания — у заводского станка и в шахте, на транспорте и хлебной ниве, в научной лаборатории и на строительной площадке.

Страна идет навстречу выборам в Верховный Совет СССР. Это важное политическое событие в жизни нашего общества, несомненно, станет еще одним свидетельством расцвета социалистической демократии, демонстрацией нерушимого единства партии и народа, их монолитной сплоченности вокруг ленинского Центрального Комитета КПСС, Политбюро ЦК во главе с товарищем Юрием Владимировичем Андроповым.

Товарищи! Уходящий год, к сожалению, не принес ослабления международной напряженности. По вине империализма обстановка в мире обострилась. Администрация США, следуя милитаристским, авантюристическим курсом, развернула невиданную по масштабам гонку ракетно-ядерного вооружения, стала на путь грубого вмешательства во внутренние дела других государств и открытой агрессии против ряда стран.

В этих условиях Советский Союз, страны социалистического содружества принимают все необходимые меры, чтобы предотвратить ядерную войну, сохранить мир для нынешних и грядущих поколений. Международная обстановка требует от советских людей высочайшей бдительности, выдержки, организованности, самоотверженного труда во имя укрепления экономической мощи и обороноспособности страны. Безопасностью своей Родины, наших союзников и друзей мы не поступимся!

Встречая Новый год, мы горячо поздравляем народы братских стран социализма, дружественных государств, трудящихся всего мира! Шлем наш новогодний привет всем людям доброй воли и призываем миролюбивые силы планеты еще теснее сплотить ряды в борьбе против зловещих планов империализма.

Дорогие товарищи, друзья!

Радостный праздник приходит в наши дома. Советские люди встречают его с оптимизмом, полные светлых надежд, уверенные в своем будущем.

Горячо поздравляем с наступающим Новым годом героический рабочий класс, колхозное крестьянство, советскую интеллигенцию!

Наилучшие пожелания ветеранам партии, войны и труда — испытанным бойцам за дело коммунизма, передающим новым поколениям свою идейную убежденность, огромный жизненный опыт, стойкость и силу духа!

Сердечные поздравления нашим замечательным женщинам, славной молодежи!

Боевой новогодний привет доблестным советским воинам — надежным защитникам социалистического Отечества!

Поздравляем тех, кто в эту ночь находится на трудовом и воинском посту, кто работает вдали от Родины!

Желаем всем советским людям крепкого здоровья, больших успехов в труде, учебе, творчестве!

С Новым годом, с новым счастьем, дорогие товарищи!

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ КПСС

ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

СОВЕТ МИНИСТРОВ СССР

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан

1 апреля

1923 года

№ 2 (2947)

7 ЯНВАРЯ 1984

© Издательство «Правда», «Огонек», 1984

В НОМЕРЕ:

Самые достойные, наиболее авторитетные и уважаемые представители рабочего класса, колхозного крестьянства и народной интеллигенции выдвинуты в высший орган государственной власти.

Стр. 2—3.

«Наша современность поистине занимает особое место на всем протяжении истории человечества».

Публицистические раздумья писателя Чингиза Айтматова.

Стр. 18—19.

Геологи, буровики, строители уходят все дальше на Север, в Заполярье, встречая на своем пути немало трудностей и проблем.

Об этом очерк А. Попова, Стр. 22—23 и цветная фотовкладка Г. Копосова.

«Время двери мои открыло». Цикл стихов поэта Эдуардаса Межелайтиса.

Стр. 20.

«Дух коллективизма помогает раскрытию отдельной личности, создается атмосфера истинно творческой доброжелательности, в которой и дышится легко и увлеченно работается».

Фоторепортаж С. Калиничева и Н. Козловского «Город — одна семья». Стр. 14—16 и цветная вкладка.

ГОРИЗОНТЫ СОЗИДАНИЯ

Актуальные проблемы экономического и социального развития нашей страны были в центре внимания девятой сессии Верховного Совета СССР десятого созыва. Работа ее проходила 28 и 29 декабря в Большом Кремлевском дворце.

В работе сессии приняли участие товарищи Г. А. Алиев, В. И. Воронников, М. С. Горбачев, В. В. Гришин, А. А. Громыко, Д. А. Кунаев, Г. В. Романов, М. С. Соломенцев, Н. А. Тихонов, Д. Ф. Устинов, К. У. Черненко, В. В. Щербицкий, П. Н. Демичев, В. И. Долгих, В. В. Кузнецов, Б. Н. Пономарев, В. М. Чебриков, Э. А. Шеварднадзе, М. В. Зимянин, И. В. Капитонов, Е. К. Лигачев, К. В. Русаков, Н. И. Рыжков.

Депутаты единодушно утвердили повестку дня сессии и порядок ее работы. На обсуждение были вынесены вопросы:

1. О Государственном плане экономического и социального развития СССР на 1984 год и о выполнении Государственного плана экономического и социального развития СССР в 1983 году.

2. О Государственном бюджете СССР на 1984 год и об исполнении Государственного бюджета СССР за 1982 год.

3. Об утверждении Указов Президиума Верховного Совета СССР. С докладом по первому пункту повестки дня выступил заместитель Председателя Совета Министров СССР, председатель Госплана СССР депутат Н. К. Байбаков.

С докладом о Государственном бюджете СССР на 1984 год и об исполнении Государственного бюджета СССР за 1982 год выступил министр финансов СССР депутат В. Ф. Гарбузов.

Сессия приняла Законы о Государственном плане экономического и социального развития СССР на 1984 год и о Государственном бюджете на 1984 год.

Сессия единогласно приняла постановление Верховного Совета СССР «О международном положении и внешней политике Советского государства».

В зале заседания.

Фото Дм. Бальтерманца и А. Гостева

НАЗЫВАЮТ ИМЕНА ДОСТОЙНЫХ

1984 год — год выборов в Верховный Совет СССР. Это большое политическое событие в жизни нашего общества. В избирательной кампании наступил важный этап: выдвижение кандидатов в депутаты. С большим подъемом повсеместно проходят собрания трудовых коллективов.

С приподнятым настроением пришли на собрание труженики Московского автозавода имени И. А. Лихачева.

Слово предоставляется кузнецу-штамповщику главного кузнечного цеха Герою Социалистического Труда К. Н. Малину. Он, в частности, сказал:

— 4 марта 1984 года мы будем избирать Верховный Совет СССР — высший орган власти нашей великой страны. Лучших, достойнейших называет народ своими кандидатами в депутаты. Я предлагаю от нашего многотысячного коллектива автозаводцев, от имени коммунистов и беспартийных, молодежи и ветеранов выдвинуть кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР по Пролетарскому избирательному округу № 18 города Москвы Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР товарища Юрия Владимировича Андропова.

Бурными, долго не смолкающими аплодисментами участники собрания выразили одобрение этому предложению.

Кандидатура товарища Ю. В. Андропова единодушно выдвинута на собраниях трудовых коллективов во многих республиках, краях и областях.

В числе первых кандидатов в депутаты Верховного Совета СССР на собраниях единодушно называют руководителей Коммунистической партии и Советского государства.

В высший орган государственной власти на этих собраниях выдвигают самых достойных, наиболее авторитетных и уважаемых представителей рабочего класса, колхозного крестьянства и народной интеллигенции. Среди них — старший агломератчик Костомукшского горно-обогатительного комбината имени 60-летия СССР беспартийный В. Э. Сычевский, звеньевая колхоза имени 60-летия Советской Украины Тернопольской области Герой Социалистического Труда У. В. Лендюк, народная артистка СССР Т. И. Синявская и многие другие.

На всех собраниях советские люди говорят о горячей поддержке внутренней и внешней политики КПСС, нерушимом единстве партии и народа, о торжестве социалистической демократии, о своем стремлении успешно выполнить и перевыполнить намеченные планы.

На снимках: во время собрания на автозаводе имени И. А. Лихачева; выступает кузнец-штамповщик, Герой Социалистического Труда К. Н. Малин.

Фото В. Соболева (ТАСС)

С хорошим настроением приступают к работе на стане вальцовщик Н. Коваленко, операторы С. Кравченко и И. Веселов.

ПРАЗДНИК ПЕРВОГ

Не охватить ни взором, ни объективом всю панораму почти двухкилометрового цеха, где установлен стан-гигант.

ХОРОШИЙ СТАРТ

Новый трудовой год начинается в сложной международной обстановке, когда ядерные маньяки угрожают превратить весь мир в атомный костер. Но мы не дрогнем, нас не запугать. Мы ответим на их происки еще более вдохновенным трудом во имя могущества Родины, во имя мира на Земле. Решения декабрьского (1983 г.) Пленума Центрального Комитета КПСС, текст выступления Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Ю. В. Андропова наметили конструктивные пути дальнейшего интенсивного развития народного хозяйства СССР. Говорилось, в частности, о конкретной задаче добиться сверхпланового повышения производительности труда на один процент и снизить себестоимость продукции дополнительно на 0,5 процента.

Невелики вроде бы цифры, но если попытаться представить хотя бы мысленно всю нашу страну, всю нашу многоотраслевую экономику, то можно понять, какой будет колоссальный экономический эффект, какой огромный вклад в копилку пятилетки, какой удар по амбициям атомных маньяков. На общезаводском митинге, посвященном решениям декабрьского Пленума ЦК КПСС и награждению Алма-Аты орденом Ленина, рабочие нашего предприятия единодушно решили: выполнить план четырех лет к 10 декабря 1984 года. Производительность труда коллектив перевыполнил на один процент, обеспечив снижение себестоимости продукции на полпроцента. Мы решили продолжить соревнование за достижение таких показателей в новом году. Между прочим, эти полпроцента стоят только на нашем заводе многие десятки тысяч рублей. За счет чего же мы достигнем намеченного? Прежде всего за счет технического перевооружения некоторых важнейших участков — инструментального, холодной штамповки, линии сварки, сборочного конвейера. Предусмотрены также дальнейшая механизация ручного труда, выпуск новой продукции, экономия тепловой и электрической энергии, металлов, пластмасс и других материалов, повышение коэффициента сменности оборудования...

Большое значение придаем внедрению некоторых научных разработок в производство. Например, прямое прессование пластмасс будет заменяться и уже заменяется на более прогрессивное литье. Словом, путей для решения конкретной задачи, поставленной партией, очень много. Причем задача эта открывает большой простор для творчества как рабочих, так и инженерно-технического персонала. Особое внимание мы уделяем бригадной организации труда, считая ее основой для достижения самых высоких целей. До конца 1984 года 80 процентов всех рабочих перейдут на бригадный подряд.

У всего коллектива нашего завода добрый трудовой настрой. С первых дней нового года в цехах взят хороший старт.

Б. ЧЕЧЕЛЕВ,
главный инженер завода
низковольтной аппаратуры

Алма-Ата.

За нашу Советскую Родину!
КРАСНАЯ ЗВЕЗДА
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ОРГАН МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР

«КРАСНОЙ ЗВЕЗДЕ» — ШЕСТЬДЕСЯТИ

Четырежды орденоносной газете, центральному органу Министерства обороны СССР «Красной звезде», 60 лет! С первых номеров «Красная звезда» повела борьбу за воплощение в жизнь ленинских принципов строительства армии социалистического типа, превращение ее в оплот свободы и безопасности народов СССР.

Со статьями по коренным проблемам военного строительства в газете выступали многие политические и военные деятели — М. В. Фрунзе, К. Е. Ворошилов, С. М. Буденный, С. С. Каменев, М. Н. Тухачевский и другие.

В годы Великой Отечественной войны «Красная звезда» была боевым помощником партии в мобилизации средств и сил народа на полный разгром немецко-фашистских агрессоров. За годы войны вышло 1200 номеров «Красной звезды». Они составляют летопись массового героизма на фронте и в тылу. На заключительных этапах войны «Красная звезда» освещала освободительную, интернациональную миссию Советской Армии, ее историческую роль в освобождении народов стран Европы от гитлеровского ига. В пору войны в газете выступали со своими очерками, статьями Михаил Шолохов, Алексей Толстой, Всеволод Вишневский, Николай Тихонов, Петр Павленко, Илья Эренбург, Ванда Васильевна, Алексей Сурков, Константин Симонов и другие видные советские писатели.

В послевоенный период «Красная звезда» пропагандирует опыт минувшей войны, выступает организатором внедрения в жизнь ленинские методы обучения и воспитания личного состава, мобилизует воинов на поддержание постоянной боеготовности, бдительности, на отличное овладение техникой и оружием.

На всех этапах развития и совершенствования военной организации Советского государства «Красная звезда» проводит в жизнь ленинское положение о том, что основой основ советского военного строительства является руководство Коммунистической партии Вооруженными Силами, усиление роли и влияния партийных организаций в армии и на флоте. Газета вносит заметный вклад в воспитание нашего народа, особенно молодежи, в духе советского патриотизма, пролетарского интернационализма и постоянной готовности к защите социализма.

И вот сбылось! В канун Нового, 1984 года на Ждановском металлургическом заводе имени Ильича вступил в строй действующих стан-гигант «3000» — одна из крупнейших новостроек пятилетки.

...Директор завода Николай Алексеевич Гуров (опытный руководитель, которому не привыкать иметь дело со станами-гигантами!) наклонился к начальнику цеха Анатолию Ефимовичу Рудневу (тоже, кстати, человеку с весьма солидным послужным списком за плечами, в котором значились должности от вальцовщика до начальника соседнего листопркатного стана «1700» и главного прокатчика завода):

— Если все готово, давайте начинать.

На мгновение воцарилась тишина — скорее воображаемая, нежели реальная. По селектору разнесся многократно усиленный голос начальника стана:

— Внимание, на печном! Приготовиться к приемке сляба... Внимание, склад! Прошу выдать заготовку на рольганг!

«Азовсталь» — в пределах 4700 тонн, на других и того меньше) — позволяют валкам обходиться с металлом любой прочности, будто с пластилином.

Искрится на рольгангах розовосиний слиток. Вперед — назад, вперед — назад! Сминается, хукает на глазах, растягивается, словно длинный кусок красной резины. От жары, а скорее от напряжения лицо оператора покрылось капельками пота. А когда все было готово, селектор донес его голос:

— Черновой докладывает на главный пост чистовой клети: стальная полоса прокатана без отклонений. Направляется к вам!

И вновь сверхкрепкие объятия валков... От прежних очертаний сляба ничего не осталось, он стал листом проката, а точнее, штрипсом, заготовкой для труб большого диаметра.

Огромный лист грузится на празднично украшенную платформу тепловоза. Символический пробег по рельсам... Бурлит тысячеликая толпа. Вокруг — праздник,

торжественный митинг, приветственные слова.

А еще спустя короткое время с соседнего Харцизского трубного завода (Донецкая область) на стан «3000» пришла лаконичная телеграмма: «Из вашего штрипса прокатана первая труба большого диаметра. Адрес поставки — трасса газопровода «Уренгой — Центр»!»

Пуск стана-гиганта совпал с горячим обсуждением на сменных собраниях в заводских цехах текста выступления Юрия Владимировича Андропова на декабрьском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС.

— Прошли такие собрания и в нашем листопркатном цехе, — говорит А. Е. Руднев. — Операторы, мастера, инженеры, одобряя внутреннюю и внешнюю политику Коммунистической партии, выражали готовность трудиться еще производительнее, вскрывать новые резервы экономии металла, труда и средств.

Мы, металлурги, еще пока в долгу перед страной и поэтому особенно близко к сердцу приняли слова Юрия Владимировича Андропова и о соблюдении договорных обязательств по поставкам продукции, и о сверхплановом повышении производительности труда, и снижении себестоимости.

Понимая, как нужен наш металл стране, решили как можно скорее освоить проектную мощность стана.

М. БЕРЕЖНОЙ.
Фото А. ГОСТЕВА

О ЛИСТА

Могучий желтополосый мостовой кран шутя подхватывает толстенный, синевато-сизый сляб и осторожно укладывает его на тележку.

Ему предстоит пройти семь нагревательных зон, чтобы равномерно, по всему сечению достичь тысячеградусной (в строгих пределах!) температуры. А пока можно полюбоваться уникальной печью с ее шагающим подом, который в отличие от своих предшественников не оставляет на металле отметин и царапин, приводивших порой к травмам будущего листа. Можно увидеть огромный котел и мощные турбины, сквозь которые пролегал теперь путь отработанных газов, можно вплотную познакомиться с первой в стране ТУС — тепловой утилизационной станцией на прокатном стане, которая на отходах его тепла вырабатывает электричество и возвращает заводу свыше сорока процентов энергии...

А в это время по селектору уже разносится возбужденный голос нагревательщика И. Федоренко:

— Дело сделано! Передаю нагретый сляб на «черновик» (так меж собой прокатчики называют черновую клеть).

И вслед за этим раскаленная до полупрозрачной синевы глыба металла выскочила из печи на рольганг главной линии.

А сляб уже ныряет в пространство меж сверхмощных валков. Их объятия невиданной доселе силы — в семь тысяч тонн (для сравнения на стане «3600» завода

СПАСТИ ПЛАНЕТУ ОТ ЯДЕРНОЙ КАТАСТРОФЫ

Джеймс ОЛДРИДЖ

В тот день, когда крылатые ракеты прибыли в Англию, в тот роковой и страшный для нас день, приблизивший Европу к пропасти ядерной катастрофы, я оказался на Трафальгарской площади, расположенной в самом центре Лондона. И как-то невольно вспомнил, что по горькой иронии судьбы нахожусь на той самой площади, где в сентябре 1938 года меня чуть не затерли колонны демонстрантов, протестовавших против решения Англии и Франции преподнести Гитлеру значительную часть Чехословакии, другими словами, против бесславного Мюнхенского соглашения.

Это были ужасные дни. Дни позора, обмана, предательства. Большинство людей ошибочно считали Мюнхенскую сделку предательством лишь одной Чехословакии. Глубокое заблуждение, за которое человечество дорого заплатило. В конечном итоге это было предательство бог знает скольких миллионов людей, погибших во второй мировой войне.

Мы знали уже тогда, и позже история это подтвердила, что подлинной целью Мюнхенского сговора было повернуть гитлеровские полчища в сторону Востока, против Советского Союза. И тогда в ответ на вполне очевидные планы завоевания нацистами всего европейского континента Советский Союз предложил Великобритании и Франции дать совместный отпор фашистской Германии. Великобритания и Франция отказались заключить такое соглашение. К чему это привело, известно: началась вторая мировая война.

Есть смысл оглянуться сейчас назад. Между нынешними опасными событиями и тем, что произошло в 1938-м, можно провести известную параллель. Советский Союз как тогда, так и сейчас предпринимал и предпринимает попытки спасти человечество от гибели. СССР внес столько предложений ограничить развертывание ядерного оружия, что все их я даже не могу упомянуть. Я знаю о последних важных предложениях Ю. В. Андропова. При разумном подходе Запада они могли бы способствовать заключению соглашения. Истинный смысл советских предложений заключается в призыве к западному миру подумать о судьбе цивилизации, посчитать за интересами всего человечества. Американские же игроки в ядерный покер хотят поставить на карту саму жизнь на нашей планете.

Об этом приходится повторять все время. Нельзя не думать о том, что представляет из себя ядерная угроза в действительности. И нет такой страны в Западной Европе, где бы не было растущего движения против ядерного безумия, против различных ракет, против построенных на песке авантюристических планов

ограниченной ядерной войны, милитаризации космоса, военных пактов воинствующих держав, ядерного шантажа, политического лицемерия и коррупции духовной жизни. Идеологи империализма изображают многотысячные демонстрации борцов за мир как следствие «советской пропаганды». А все те, кто обеспокоен страшной опасностью, которую представляют собой «Першинги» и крылатые ракеты, объявляются простофилями, играющими «на руку русским». Любому человеку, указывающему на авантюризм политики США, снабжается ярлыком «советский агент». Но люди моего поколения помнят, что те же самые ярлыки были пущены в ход и тогда, когда мы пытались открыть глаза на опасность, исходящую от фашистской Германии.

Правда заключается в том, что гнев, негодование, протесты людей против ядерного безумия не являются следствием «советской пропаганды», это — следствие американской политики. 1983 год можно назвать годом, когда со всей отчетливостью проявилось пренебрежение Америки по отношению к своим собственным союзникам, годом, в течение которого США не просто дважды или трижды навлекли на себя проклятия людей всех континентов, но подвергались этому непрерывно.

Возьмите вторжение США в Гренаду. С какой отчетливостью оно продемонстрировало жителям Великобритании безрассудность и высокомерность политики Белого дома! Ведь эта страна была тесно связана с Великобританией. Американские морские пехотинцы высаживаются там, поливая все вокруг огнем пушек и автоматов. И никто даже не посчитал нужным сообщить английскому правительству об этих кровавых планах. Между тем администрация США пытается уверить нас в том, что, хотя она и держит палец на ядерном спусковом крючке крылатых ракет, расположенных в Англии, она, мол, вежливо попросит разрешения у английского правительства нажать на этот спусковой крючок, когда придет тот грозный час. После Гренады в Англии не многие верят хотя бы одному слову Белого дома.

Недавно мы стали свидетелями того, как американское командование начало бомбежку сирийских войск в Ливане, не считая нужным хотя бы уведомить о своих намерениях союзников по так называемым «многонациональным силам по поддержанию мира» в этой стране. Могут ли при этом союзники США доверять американскому пальцу на спусковом крючке? Предполагается, что Соединенные Штаты находятся в Ливане для того, чтобы коллективно, вместе с Англией, Францией и Италией сохранить там мир и порядок при помощи так называемых «сил по поддержанию мира». Это слова. А дела? США не просто выступают здесь против арабов, они открыто заключили стратегическое военное соглашение с Израилем, которое, как пи-

шет лондонская «Таймс», рассматривается в качестве «предупреждения» Сирии и Советскому Союзу. По существу, речь идет об американском плане установления господства США в этом регионе.

Приходится удивляться, как эту позорную, отвратительную роль США молчаливо одобряют «ответственные» государственные деятели Великобритании, Франции и Италии, неужели нет у них никакого чувства собственного достоинства?

Но забудем на миг об этом мире, напичканном ядерным оружием. Давайте вспомним о... спорте. Состоятся ли в 1984 году Олимпийские игры в Лос-Анджелесе? Казалось бы, что вопрос риторический. Какие могут тут быть сомнения? Но я читаю в английских газетах тревожные сообщения о том, что Олимпийские игры хотят превратить в грандиозное коммерческое предприятие, о том, что это окажет влияние на весь ход спортивных состязаний. Если в основу всех видов деятельности, связанных со спортивными состязаниями, будет положен принцип грести как можно больше долларов из карманов миллионов болельщиков на Играх, то под угрозу будет поставлена сама сущность Олимпийских игр. Должна ли идея Олимпиады иметь в своей основе задачу извлечения прибыли? Хозяева Лос-Анджелеса считают, что именно так и должно быть. Что касается меня, то я хочу надеяться на торжество истинного спорта, истинно Олимпийских игр. Еще и потому, что знаю: американцы любят спорт, настоящие спортивные состязания. Знаю, что большинство американцев — это дружелюбные и гостеприимные люди. Но, увы, хозяин там, в США, — капитал. Еще до того, как спортсмены попадут в США, заполняя анкету для получения визы, они должны будут ответить на имеющий политическую подкладку маккартистский вопрос: «Являетесь ли вы членом коммунистической партии?» В США не спрашивают, являетесь ли вы членом фашистской партии или консервативной, партии христианских демократов или расистской партии. Их это не интересует. Их волнует, является ли спортсмен членом компартии. Я читал в лондонских газетах, что атлеты из ГДР выразили резкий протест по поводу этого дискриминационного вопроса. Какое отношение имеет он к бегу или прыжкам? Уроки, которые могут и должны быть извлечены из московских Олимпийских игр, в которых американцы не участвовали, конечно, не отличаются новизной. Но кое-кому следовало бы призадуматься над ними — они напоминают, на каких принципах должны проводиться Олимпийские игры.

В заключение я хочу сказать: на основании длительных связей с Советским Союзом, наблюдая его на протяжении многих и многих лет, во времена трудные и добрые, хорошие времена, я обрел уверенность, что среди всех сообществ в мире — это то, где учат детей считать мир правом, данным им от рождения, учат молодежь истинному интернационализму как настоящей необходимости, учат всех граждан уважению к другим нациям. Здесь люди твердо верят, что в конце концов разум восторжествует, что планета будет спасена от ядерной катастрофы, люди будут жить в мире.

Лондон.

АПН специально для «Огонька».

ГОЛОС ТРУДОВОЙ ПРАГИ

Корреспондент чехословацкого журнала «Кветы» Владимир ЛЕНСКИЙ обратился по просьбе «Огонька» с вопросом к пражанам в связи с начавшимся развертыванием новых американских ядерных ракет в Западной Европе.

Йозеф ВОРЛИЧЕК, слесарь металлургического комбината «ЧКД»: — Администрация США во главе с Рейганом, их союзники в ФРГ и некоторых других странах

НАТО слишком зарвались, ошибочно думая, будто миролюбивая политика социалистических стран — проявление слабости. Мирная политика — это органичная основа социализма. Но мы никогда не допустим, чтобы какие-то авантюристы превратили наши дома в пепел. Вот почему я и мои товарищи по работе горячо приветствуем Заявление товарища Ю. В. Андропова. В нем четко сказано: «Если США и другие страны НАТО проявят готовность вернуться к положению, существовавшему до начала размещения в Евро-

пе американских ракет средней дальности, Советский Союз будет также готов сделать это». Разум должен победить!

Зденек ЧЕШКА, ректор Карлова университета, член-корреспондент Чехословацкой Академии наук:

— Европа находится в опасности. Граждане Чехословакии присоединяются ко всем прогрессивным силам мира, активно борющимся за сохранение мира на нашей голубой планете. Однако, отстаивая мир, мы не должны забы-

вать о необходимых мерах безопасности. Студенты и преподаватели университета поддерживают Заявление Ю. В. Андропова, в котором говорится об ускорении начатых некоторое время назад подготовительных работ по размещению оперативно-тактических ракет повышенной дальности на нашей территории. Этого требует не только сохранение равновесия сил между НАТО и Варшавским Договором, но и жизненные интересы обороны нашей страны, всего социалистического сотрудничества.

Связь крепка коллег из НАТО —
Крепко их связали Штаты.

Ему оружие нужно позарез:
Урезать надо взносы в ЕЭС.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

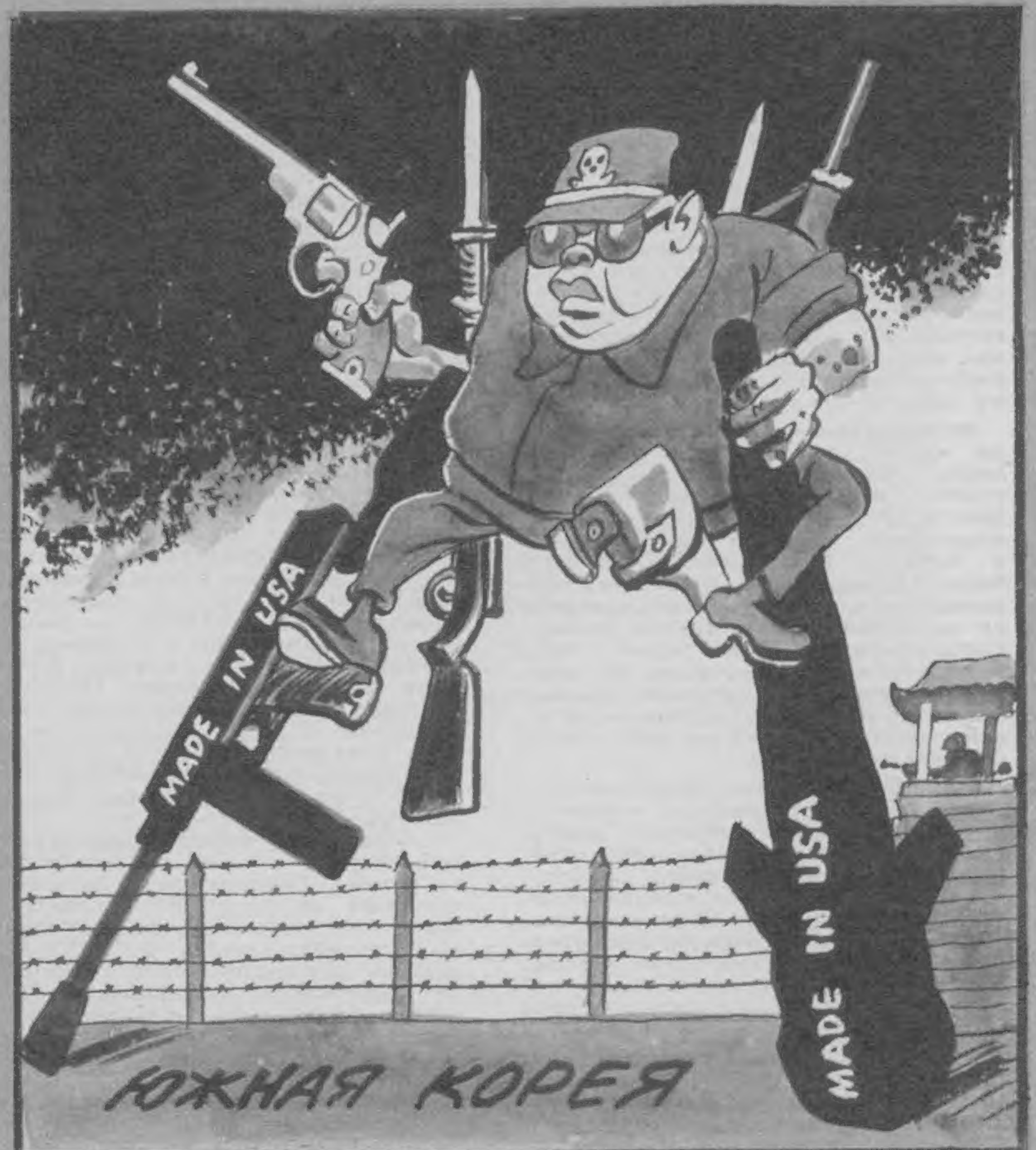
Рисунки Бор. ЕФИМОВА

Стихи Ник. ЭНТЕЛИСА

Готов из ЮНЕСКО уйти без смущенья —
Ракеты для босса важней просвещенья.

Тюрьма, расправа, провокация.
В Сеуле — «демократизация».

МОЛОДОСТЬ НАРОДНОЙ КАМПУЧИИ

Этот снимок я сделал в одном из интернатов, где находятся дети, родители которых погибли от рук кровавых полпотовских палачей. Их много, таких интернатов, по всей стране. Чудовищные, незалечиваемые травмы остались в сердцах миллионов жителей Кампучии, но правительство республики делает все возможное, чтобы дети ходили бы в школы, чтобы поля приносили обильные урожаи, чтобы фабрики и заводы, разрушенные полпотовцами, давали бы столь нужную стране промышленную продукцию. Идет процесс возрождения нации, строится практически заново вся страна.

Конечно, задача эта потребует еще немало времени и усилий. Начинать приходилось практически с нулевой отметки. Но народ полон энтузиазма, полон уверенности в завтрашнем дне. Одна из главных проблем — это обеспечение населения продуктами сельского хозяйства. Планы намечены большие. К концу 1985 года посевные площади должны быть доведены до 2,3—2,5 миллиона гектаров. поголовье скота должно увеличиться до 1,4—1,5 миллиона голов. В стране принята программа кооперативного движения на селе, с которой связаны большие надежды. Постоянно растет количество бригад солидарного труда. Их число по всей стране составляет бо-

лее 100 тысяч. В каждой бригаде, как правило, 10—15 семей, а в общей сложности в них объединилось подавляющее количество сельского населения республики. Урожаи риса — основной для Кампучии сельскохозяйственной культуры — растут из года в год. И страна скоро сможет сама себя обеспечивать продовольствием.

Одна из характерных особенностей современной жизни в Кампучии — это большое количество ребятни всех возрастов. Семь-восемь детей в семье — обычное явление. Когда кончаются занятия в школах, улицы Пномпеня заполняются толпами опрятных школьников с сумками и книгами в руках. Это — будущее страны. Молодежь обеспечивает главный приток новой рабочей силы и в сельское хозяйство, и в промышленность, и в другие отрасли народного хозяйства. За время, прошедшее после краха полпотовского режима, население Кампучии увеличилось на 2,5—3 миллиона человек.

Процесс возрождения страны продолжается, и этим детям, сидящим сейчас за партами в одной из пномпеньских школ, не нужно беспокоиться за свою судьбу. О них заботится государство.

Ю. ПОПОВ
Фото автора

Владимир КОВАЛЕВ

ШПИОНСКИЙ ШАБАШ В НЕБЕСАХ

...Пятый год действует американская правительственная организация — национальный совет по советским и восточноевропейским исследованиям. Из кожи вон лезут функционеры этого совета, осуществляя и настоящему времени 90 самых различных «проектов» по профилю ведомства. При детальном рассмотрении они в основном сводятся к сбору шпионских сведений о политике, экономике, оборонном потенциале Советского Союза и других социалистических стран, в первую очередь европейских. Так стоит ли удивляться тому, что, объявляя в Вашингтоне о проведении очередной пятилетней шпионской программы, направленной против СССР, ее реализацию поручили именно этому совету?

Исполнитель воли хозяев взялся за «дело» с присущим ему рвением. Был приложен максимум усилий, чтобы минимум информации о деталях крупномасштабной подрывной акции проскользнул в печать. Помощник директора бюро разведки и исследований госдепартамента П. Кук, попытавшийся со страниц «Вашингтон таймс» разъяснить детали новой программы, намеренно ушел от многих вопросов. Он скромно признавал затем «...изучением государственного и политического строя Советского Союза».

Наивно, конечно, предполагать, будто девяносто первый «проект» изучения нашей страны одним только подразделением необходим для более реалистичного подхода к международным отношениям. И вряд ли получат, наконец, граждане США объективную информацию о жизни в Советском Союзе, о тех усилиях, которые он прилагает для сохранения мира на планете.

Разведывательные самолеты США, базирующиеся в Японии, Южной Корее и на Аляске, постоянно совершают полеты в районе советских границ, признает со-

трудник Вашингтонского института изучения политики профессор Уильям Аркин в итальянском журнале «Экспрессо». В непосредственной близости от СССР американские корабли и подводные лодки регулярно выполняют шпионские миссии. Спутники KH-2, «Райзлайт», «Шале», «Ферретс» и «Биг Бэрд» фотографируют советские военные базы, следят за электронными системами, занимаются радиоперехватом. По авторитетному свидетельству профессора, занимающего важный пост директора программы исследований в области ядерных вооружений, практически вдоль всей дальневосточной границы СССР протянулись базы США со специальной разведывательной аппаратурой. Сухопутные базы дополняются шпионскими устройствами, установленными на самолетах и кораблях, которые могут гораздо ближе подойти к советским границам. Разведывательные самолеты SR-71 «Блэкберд» и Y-2 «Блэк Уиндоу» занимаются сбором стратегической информации о Советском Союзе, Китае и КНДР. Кроме того, с военно-воздушной базы в Кадене, на Окинаве, регулярно, как и с аэродрома острова Шемья в группе Алеутских островов, взлетают столь известные теперь разведывательные самолеты RC-135. Окинавская же база обслуживает еще и «Боинги», оснащенные системой АВАКС.

Об этой системе стоит рассказать особо. ...Обширный район в нескольких километрах от западногерманского города Гейленкирхен огорожен колючей проволокой. Написки на щитах не рекомендуют посторонним приближаться к ограде и контролировать пропускным пунктам во избежание инцидентов. Днем ничто, кроме шума изредка проезжающих мимо автомашин, не нарушает покой. Зато по ночам наступает сущий ад: над окрестностями, не давая покоя жителям, разносится вой двигателей гигантских «Боингов». Оживает «осиное

гнездо», из которого взмывают в небо самолеты-разведчики системы АВАКС. Задание для всех самолетов примерно одинаковое: барражируя вдоль границ социалистических стран, собрать максимальное количество шпионских данных о «противнике».

К настоящему времени Североатлантический пакт располагает пятью «летающими радарами» системы АВАКС. Экипаж каждого самолета, напичканного современной электронной техникой, состоит из 17 человек. Кроме них, на борту постоянно находятся полтора десятка специалистов по обслуживанию огромного количества приборов, главным из которых является возвышающаяся над задней частью фюзеляжа «Боинга» антенна радиолокатора. Прежде всего воздушный шпион охотится за радиопереговорами. Но в его функции входит и отслеживание целей, их фотографирование, а при необходимости — постановка помех как военным, так и гражданским службам связи на территории предполагаемого противника.

База в районе Гейленкирхена — это главный европейский центр по обеспечению операций самолетов системы АВАКС, признала западногерманская газета «Генераль-анцайгер». В опубликованной ею статье говорится о координации усилий специальных служб США, ФРГ и других стран НАТО, направленных на организацию широкой системы шпионажа за странами Восточной Европы. Разведслужбы Западной Германии специализируются, в частности, на наблюдениях за передвижениями по железным и шоссейным дорогам Германской Демократической Республики. Втайне от собственных граждан и с помощью профессиональных диверсантов из США и Великобритании разведывательные ведомства ФРГ соорудили вдоль границы с ГДР, а также в Западном Берлине целую систему технических устройств для подслушивания радиопереговоров в со-

циалистических странах. В систему тотального шпионажа втянуты специально созданные подразделения западногерманского бундесвера.

Особое внимание уделяется сбору шпионских сведений о Польше. Самолеты с опознавательными знаками государств НАТО совершают провокационные полеты вблизи государственной границы ПНР. Получаемая информация прямо с борта воздушного разведчика передается наземным станциям, где ее тут же обрабатывают с помощью ЭВМ. Эксперты из комитета военного планирования НАТО заняты скрупулезным анализом и оценкой добытых таким способом сведений о военных и гражданских объектах на польской территории, а также обо всех перехваченных радиопереговорах. Все это происходит под надзорным контролем панелей вещающих на Польшу западных радиостанций. Контрреволюционное подполье открыто призывается к мятежу против народной власти с целью насильственно отколоть страну от социалистического лагеря.

Самолетами АВАКС пополнился недавно и южный фланг НАТО. В Турцию на третью авиабазу национальных ВВС в Конье прибыли первые два самолета из пяти и немедленно приступили к освоению воздушного пространства над турецкой территорией. Несомненно, в поле зрения «Боингов»-шпионов попадает и советская территория и территория стран балканского региона. Их действия будут координироваться с группировкой американских войск в Ливане и 6-м флотом США, базирующимся в Средиземном море.

Все это лишь малая толика глобального «крестового похода» против социализма, порождение рейгановской Америки. Вселить всему миру страх перед русскими, а заодно и напугать наращиванием своей военной мощи — такова цель заокеанских «стратегов».

В. Борисов-Мусатов. 1870—1905. ДАМА.

Омский музей изобразительных искусств.

Г. Семирадский. 1843—1902. РИМ. ДЕРЕВЬЯ.

Омский музей изобразительных искусств.

Иван СТАДНЮК

РОМАН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

МОСКВА, 41-й

Вскоре после того, как в Москве, на Кировской, 37, опустел кабинет Верховного Главнокомандующего и все участники и свидетели игры на картах с чувством облегчения разъехались по своим «присутственным местам», в ставке Гитлера и в некоторых военных резиденциях Берлина нарастало радостное напряжение. Довольно широкому кругу высокопоставленных военных и невоенных лиц стало известно: Геринг доложил фюреру, что, согласно его приказу, генерал-фельдмаршал Кессельринг готов поднять в воздух свою особую авиационную группу для нанесения неотразимого бомбового удара по советской столице в ночь с 21 на 22 июля 1941 года, ровно через месяц после вторжения немецко-фашистских войск на советскую территорию. Москва, по замыслу заправил фашистского рейха, должна была превратиться в груды развалин и сплошное пепелище.

В конце этого дня Геббельс лично отдал распоряжение всем редакторам берлинских газет, выходящих утром, оставить на первых полосах места для важного экстренного сообщения. Приготовились для поздней работы дикторы берлинского радио...

В ставке Гитлера как бы сконцентрировалось чувство нетерпеливого и злорадного ожидания всей неметчины. Стыли в серебряных ведерках со льдом бутылки французского шампанского, официанты раскладывали на блюда-подносы бутерброды с икрой, ветчиной, семгой... Разливался в рюмки шнапс — водка, коньяк, ром, виски, джин, ликеры, смешивались в шекерах яркие разноцветные коктейли: еще пока сыто жила Германия за счет ограбленной Европы... Сочинялись спичи и тосты в честь Гитлера, Геринга и люфтваффе, готовились поздравительная телеграмма генерал-фельдмаршалу Кессельрингу и награды отличившимся в первом налете, печатались благодарственные письма их родственникам... А стальной фашистский молот уже взметнулся в поднебесье для удара по Москве: с аэродромов в районах Бреста, Барановичей, Бобруйска, Дубинской в назначенное время взлетели эскадрильи новейших тяжелых бомбардировщиков с фугасными, зажигательными и осветительными бомбами на борту. Они устремились к цели четырьмя эшелонами, разделенными на группы. Ориентируясь по зажженным кострам, сигнальным прожекторным лучам, а на нашей территории — по указаниям ракетчиков-диверсантов и по дорожным магистралям, ведущим к Москве, эшелон за эшелонам следовал через 30—40 минут. У всех был один маршрут: Минск, Орша, Смоленск, Вязьма, Москва. Все группы имели задачу: при подходе к Москве изменить курс полета, проникнуть к городу с разных направлений и ударить по намеченным целям...

Первый эшелон, состоявший из пяти групп общей численностью в семьдесят самолетов, засекли наши посты ВНОС на линии Ржев — Сычевка — в двухстах десяти километрах от столицы...

В десять часов вечера сержант Ф. И. Буланов, красноармейцы П. И. Щербаков и И. В. Смирнов донесли на главный пост ВНОС об обнаружении ими воздушного противника... А сто восемьдесят немецких бомбардировщиков, летевших пошелонно сзади, еще предстояло обнаружить...

Когда в Москве послышался из репродукторов сдержанно-суровый голос диктора Левитана: «Внимание! Внимание! Граждане, воздушная тревога!..» — и вслед за этим над городом взвыли звуки сирен, безоблачное небо над столицей, в котором только начали проклевываться звезды, вдруг стало для всех зловещим. Все, кажется, и ждали этого часа, были внутренне готовы к нему, а при сигналах воздушной тревоги будто ощутили шокосое состояние. От пронзительного воя, утопившего в себе все другие шумы города, сердце заходило тоскливой болью, холодело, и этот холодок быстрой волной катился к ногам, отчего они делались непослушными, а бомбоубежища или противопожарные посты слишком далекими.

Все, у кого остались не вывезенными из Москвы дети, в первые же мгновения тревоги со страхом подумали о них...

Весь город на какие-то минуты оцепенел. Замерли постовые милиционеры с фонарями в руках, позабыв, что надо регулировать движение. Замерли машины на перекрестках. Пешеходы на тротуарах тоже остановились или замедлили шаг, каждый решая вопрос: куда устремляться — домой или в ближайшее бомбоубежище, адреса которых указывались в объявлениях, расклеенных на тумбах, витринах, заборах.

Но тут же шокосое состояние исчезло, и улицы стали выглядеть, как в кино при ускоренной съемке. На тротуарах уже все куда-то бежали, у переходов через улицы визжали тормоза автомобилей. Слышались резкие свистки милиционеров, в сирены воздушной тревоги вплетался вой красных пожарных машин, уже мчавшихся к закрепленным за пожарными командами объектам. У подъездов, у ворот появились люди в брезентовых рукавицах и с огромными железными клещами, вышли дворники в белых фартуках и с красными повязками на рукавах; одни из них объясняли непонятливым, где находятся бомбоубежища, другие воевали с ватагами мальчишек, пытавшихся по наружным пожарным лестницам забраться на крыши домов.

И все-таки большинству людей казалось, что эта тревога ненастоящая. Многим думалось: до бомбежки не допустят, на то и Москва...

Александр Сергеевич Щербаков собрался на ночь глядя ехать в Можайск и ждал звонка заместителя председателя Моссовета Яснова. Это было еще до объявления воздушной тревоги.

И вот звонок. Взяв трубку, услышал голос не Яснова, а генерала Громадина — командующего Московской зоной ПВО:

— Александр Сергеевич, идут! — В голосе Громадина чувствовалось сдерживаемое волнение.

— Кто идет? — не понял Щербаков.

— Немецкие бомбардировщики. Массированный налет. Я скоординировал войскам ПВО положение номер один.

— Почему же не объявляете воздушную тревогу? — Щербаков словно увидел сейчас Москву с птичьего полета, ощутил близящуюся грозную опасность родному городу; беспокойство тугой волной захлестнуло ему грудь, и сердце будто придавило плитой.

— Александр Сергеевич, я поэтому и звоню: по положению, воздушную тревогу должен объявлять товарищ Пронин как начальник местной противовоздушной обороны. А он на каком-то заводе, сейчас ему звонят туда.

— Объявляйте без него.

— Слушаюсь!

Щербаков положил трубку и тут же позвонил Сталину. Начал докладывать, что войскам ПВО приведены в боевое состояние, но Сталин спокойно перебил Александра Сергеевича:

— А мы уже знаем, товарищ Щербаков. Нам звонил товарищ Пронин. Так что езжайте на командный пункт и наблюдайте, как они там будут отбиваться от немцев. Мы сейчас закончим тут разговор и тоже приедем... Ведь бомбоубежище у нас в Кремле до сих пор не готово?..

Александр Сергеевич почувствовал в последних словах Сталина упрек себе лично, однако ответить ничего не успел: Сталин положил трубку.

Приехал Щербаков на командный пункт как раз в тот момент, когда над затемненным городом раздались первые сигналы воздушной тревоги.

Сколько раз в этом году Александр Сергеевич уже спускался лифтом в это подземное обиталище, находившееся на глубине пятидесяти метров под новым многоэтажным домом, в котором размещался штаб корпуса! Еще когда завершался монтаж сложнейшей техники управления, он бывал здесь с маршалом Буденным, командовавшим тогда Московским военным округом, потом с генералом Артемьевым, который сменил на этом посту Буденного. Затем не единожды сопровождал Сталина, членов Политбюро, высшее армейское начальство — Тимошенко, Шапошникова, Жукова...

И дом и командный пункт под ним всем нравились, хотя кое-кто из высокопоставленных «ревизоров», увидев в главном зале — в пункте управления командира корпуса ПВО — мягкую мебель, покрытый огромным ковром пол, обитые бархатом (для приглушения звука) стены, изумленно вскидывал брови или недоуменно улыбался: зачем, мол, такая роскошь под землей? Да еще сифоны с газированной водой на тумбочках... Но вслух никто не выражал этой мысли. Может, потому, что внимание всех тут же переключалось на оборудование — пульты, координатные сетки, карты, светопланы, различные приборы и приспособления. Внушал почтение даже один возвышавшийся среди зала стол; иных брала оторопь, когда узнавали, что, сидя за этим столом, можно было мгновенно связываться со штабами всех войсковых частей и подразделений зоны ПВО, с начальниками родов войск, правитель-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 50—52 за 1983 г. и № 1 с. г.

ственными учреждениями да и с любым телефоном города... Из этого подземелья как бы просматривалось и прослушивалось небо над Москвой и вокруг нее в радиусе двухсот пятидесяти километров, разумеется, с помощью постов ВНОС.

Никто из дежуривших здесь не чувствовал себя оторванным от мира. И в то же время это был обособленный мирок со своим климатом, уютом и всем необходимым для отдыха и работы — спальнями, столовой, душевыми, кислородным оборудованием, салоном для собраний... Была и своя автономная электростанция на случай, если городская электросеть окажется разрушенной.

Когда на нижнем этаже лифт остановился и Щербаков вышел в небольшой вестибюль командного пункта, его встретил дежурный — старший лейтенант с красной повязкой на рукаве и с противогазом на боку. Он начал докладывать, что командный пункт приступил к боевой работе по отражению воздушного противника, но Александр Сергеевич взмахом руки прервал его и зашагал по ковровой дорожке вдоль коридора, с левой стороны которого выстроились в ряд многочисленные двери. За каждой — чье-то командное хозяйство со своей особой спецификой и четко определенными задачами.

Зашел в просторное помещение оперативной группы и увидел на возвышении за столом генерала Журавлева в окружении нескольких штабных командиров. Журавлев, каким-то чутьем уловив момент появления Щербакова, оторвал глаза от планшета воздушной обстановки, распрямился на подвижном кресле, хотел встать, но Александр Сергеевич упродил его:

— Меня здесь нет. Работайте.

Командный пункт действительно работал. Это уже была боевая работа. Щербаков, прохаживаясь по свободному пространству зала, наблюдал за ней.

Все вокруг выглядело не совсем реально — как во сне после прочтения научно-фантастического романа. Планшет воздушной обстановки, над которым колдовал генерал Журавлев, со стороны казался Щербакову опрокинутым небом, укрытым фигурками немецких бомбардировщиков и наших истребителей, а вблизи — землей, видимой из поднебесья; она хорошо просматривалась сквозь огромный и прозрачный целлулоидный лист с подвижной координатной сеткой. Рядом — приборы для вычисления координат обнаруженных целей.

А цели уже были обнаружены — много целей! На картах и на светоплане можно было увидеть, как в световых полях вступили в бой посты ВНОС, летчики-истребители и прожектористы, как появлялись все новые и новые вражеские бомбардировщики и наши ночные истребители.

Александр Сергеевичу в какое-то время почудилось, что присутствует он на каком-то удивительном спектакле, где главные роли исполняли хорошо знакомые ему люди. Действие же спектакля происходило в этом зале, в смежных комнатах и этажом выше, где находились главный пост ВНОС и командный пункт прожекторной службы. Полковник Глазер с группой командиров — мозговой аппарат главного поста ВНОС. Каждая цель, ее высота и маршрут, о которых докладывали посты, без промедления наносилась здесь на карту и записывалась в журнале. Из множества целей надо было выделить самые опасные и по внутренней системе связи передать находившемуся рядом с генералом Журавлевым начальнику оперативного отдела полковнику Курьянову, который тут же переданное наносил на сводную карту.

У полковника Глазера память, как движущаяся в съемочном аппарате киноплёнка, прочно фиксировала все, попадавшее в его слуховой объектив. И, отбирая главное из запечатленного на ней, ее можно было мгновенно прокручивать взад-вперед, дабы не ошибиться в выборе целей... Удивительная память!

Выбранные цели ложились на карту в местах их нахождения в данную минуту в виде миниатюрных свинцовых самолетиков-макетиков. Они будто прилипали к карте и, обозначив собой авиагруппы, начинали двигаться вдоль шоссе и железных дорог к Москве. На сводной карте командира корпуса их число непрерывно увеличивалось...

Полковник Курьянов спокойно и деловито прокладывал боевой курс каждой группы немецких самолетов, точно угадывая ее задачу. А генерал Журавлев, как-то буднично восседая в своем кресле, со сдержанным спокойствием оценивал обстановку и нажатием кнопки на своем пульте зажигал красные лампочки на пультах начальников служб. Это значило, что все переговоры в сети мгновенно прекращались, и тогда звучал знакомый всем генеральский голос, отдававший приказ...

Истребительная авиация и зенитная артиллерия — две могучие карающие силы — взмывали в дальнее и ближнее поднебесье по приказам командира 1-го корпуса ПВО генерала Журавлева.

Справа от зала главного пункта управления находилась комната, где размещался командный пункт командира 6-го авиационного корпуса полковника Климова; слева — комната, откуда управлял полками зенитной артиллерии полковник Лавринович. Сюда и поступали приказы Журавлева. Оперативная же группа прожектористов во главе с начальником прожекторной службы полковником Сарбуновым командовала своим огромным свето-лучевым хозяйством, находясь по соседству с главным постом ВНОС — на втором этаже.

Щербаков замечал, что по мере увеличения числа немецких самолетов и приближения их к Москве ритм работы на командном пункте убыстрался и росло напряжение людей. Порой в чьем-то всплеске голоса, в надрывном шепоте, резко в движении или нетерпеливом взгляде прорывалась нервозность. Но дело спорилось...

На светоплане и на картах было видно, что некоторые бомбардировщики, не долетев до цели, ложились на обратный курс: можно было предположить, что наши ночные истребители вынудили их преждевременно освободиться от смертоносного груза. И стало совершенно очевидным, что к зоне действий зенитной артиллерии группы немецких самолетов подходили уже расстроенными.

Куда бы ни устремлял свое внимание Александр Сергеевич, пытаясь вникнуть во все происходящее в этом зале — в доклады, команды, приказы, шуршание карт, щелканье приборов и аппаратуры связи, — его все больше тревожила мысль:

«Почему нет Сталина и других членов Политбюро?.. Ведь было точно условлено: пока не достроят бомбоубежище в Кремле, местом укрытия и работы Политбюро во время воздушных налетов будет командный пункт ПВО. Где же они?..»

Вначале успокаивал себя тем, что, судя по обстановке на картах, немецкие самолеты только приближались к воздушным границам Москвы... Но вот стало видно, что отдельные из них прорвались сквозь заградительный огонь зенитной артиллерии и рыщут над окраинами города. По ним уже ведут огонь зенитчики, боевые позиции которых — в центре Москвы.

На какое-то время отвлекли первые сведения о сбитых немецких самолетах. Потом они стали пополняться. На карте все больше появлялось красных кружочков с черными крестиками внутри...

«Но где же товарищ Сталин?» — Щербаков не выдержал и вышел в коридор...

10

Первое крупнейшее ночное сражение в небе Подмосквы и Москвы не прекращалось в течение пяти часов. В пятичасовом массированном налете на советскую столицу участвовало до 250 немецких бомбардировщиков новейших типов. Какая же это масса металла была поднята в поднебесье, какая сила моторов, изобретенных разумом человека, вращала лопасти воздушных винтов! И каждый самолет нес в себе от двух до четырех тысяч килограммов железа, начиненного огромной силой взрывчаткой и адскими зажигательными смесями. Их разрушительная мощь была способна одним ударом превратить огромный город с многомиллионным населением в груды развалин и необозримое кладбище.

С начала второй мировой войны, как уже известно, ни одна столица государства европейского континента, подвергшаяся нападению немецко-фашистской авиации, не сумела за-

щитить себя. Это вселяло в заправил фашистского рейха уверенность, что не устоит под фугасками гитлеровской люфтваффе и Москва. Более того, Москва, согласно приказу Гитлера, была приговорена к полному уничтожению, ибо являлась большевистской столицей.

Итак, борьба двух миров, двух социальных систем перенеслась в небо. На дальних подступах к Москве наперехват воздушному врагу первыми ринулись советские истребители. Из всех летчиков, участвовавших в тех воздушных боях, только каждый пятый или шестой были подготовлены к действиям в ночных условиях.

Как только Виктор Рублев уместился в кабине истребителя, сразу же ощутил духоту и бензиновый запах, смешанный с горьковатым ароматом увядающей березы. Трепеща потрепанными влажностью листьями, березовые ветки заглядывали лейтенанту Рублеву прямо в лицо, косо вздыбившись с земли на фюзеляж и на крылья самолета для маскировки. Рядом — слева и справа — притаились в кустах зелени истребители соседнего полка; создавалось впечатление, что это выбежал из недалекого сосняка, подступившего к аэродрому, подлесок и сгрудился в тесные хороводы.

Между замаскированными истребителями пробежал, гулко топя тяжелыми сапожниками, кто-то из команды аэродромного обслуживания и хриплым, прокуренным голосом прокричал, чтоб летчики дежурных звеньев обоих базировавшихся здесь полков сейчас же присоединили к своим шлемофонам телефонные шлейфы. Виктор торопливо взял свисавший в кабину жилистый скруток проводов с трехрогим штепсельком на конце, соединил его с розеткой на своем шлемофоне и будто окунулся в новый неведомый мир, полный приглушенных мужских и женских голосов, чьих-то команд, щелканья тумблерами; в иных голосах улавливалась сердитость, в других — сдержанное спокойствие или напряженность. Это слышалась предбоевая подготовка командных пунктов авиационного корпуса ПВО, находящегося где-то в Москве, и двух истребительных полков. Чувствовалось, что вот-вот последует команда дежурным звеньям подняться в воздух и идти наперехват врагу. И сейчас, когда присоединены телефонные шлейфы, командирам полков уже не надо будет зря тратить время и дублировать экипажам приказ командира корпуса: выстрелами из ракетниц подадут сигнал к действию, а после взлета истребителей уточнят им по радио задачи — кому и в какой зоне перехватывать немецкие бомбардировщики. Правда, самолет лейтенанта Рублева, как и другие только вчера прилетевшие сюда «ястребки», или, как их еще называли, «ишачки» — истребители И-16, — не оборудован радиоаппаратурой. Поэтому боевая задача им поставлена заранее. Виктору, например, надо будет устремлять свой истребитель в световое поле над Солнечногорском.

Многоголосие, шум и потрескивание в наушниках растворяли внимание Виктора, повергали в забытие, как легкий прибрежный шум морской волны. Мысли, словно телята на обширном пастбище, разбредались в разные стороны, и он, не проследив до конца ни за одной, устремлялся к другой. Почему-то больше всего думалось о вчерашнем дне, когда в составе эскадрильи перелетел на этот аэродром из-за Волги; там, на военном заводе, вместе с другими «безлошадными» летчиками он получил новый самолет, именуемый авиационным людом «ишачком», а наземным — «ястребком». Да, это был истребитель И-16 — точно такой же, с какого Виктор Рублев выбросился на парашюте в небе Западной Белоруссии, где в первых воздушных боях сбил двух «юнкерсов», одного «мессера», а затем был сбит сам. Попав в окружение, удачно вышел из него вместе с войсковой группой генерал-майора Чумакова.

При воспоминании о генерале Чумакове его мысль мгновенно, как искра на ветру, перенеслась к Ирине Чумаковой, хотя ему и в голову не приходило, что она дочь Федора Ксенофонтовича. Всегда размышлял о ней с нежностью, шептал про себя устремленные к ней ласковые слова; написал и отправил в Ленинград до востребования несколько писем, в которых изливал горячую любовь к ней, рассказывал о своем житье-бытье фронтового летчика... Но вот беда: не было у Виктора фо-

тографической карточки Ирины, и он ловил себя на ощущении, что в его памяти блекнет ее образ. Ну, может, не блекнет, а теряет четкость, будто видится сквозь замутненное стекло. Всей силой памяти он старался удержать черты ее милого лица, ее улыбку, прищур глаз, цвет которых ему вспоминался то синим, то серым. В общем, в его сознании и сердце продолжала жить красивая девушка — реальная и воображенная, которую он страстно любил, но которая неудержимо отдалялась от него, не переставая быть необыкновенно привлекательной.

Мысли Виктора Рублева прервала внезапно наступившая в наушниках шлемофона тишина. Он не мог знать, что где-то на далеком командном пункте ПВО Московской зоны генерал Журавлев нажал кнопку для циркулярной передачи и загоревшиеся красные сигнальные лампочки на пультах начальников служб мгновенно заставили всех на линиях связи умолкнуть. И тут же услышал твердый, с напускным спокойствием голос:

— Частям корпуса — положение номер один!

У Виктора даже холодок пробежал по спине. Он представил себе, как в Москве и на огромных пространствах вокруг Москвы приводится в боевое состояние противовоздушная оборона: слетают чехлы с капотов самолетных моторов, падают на землю маскировочные ветки (при этой мысли он тут же крик-

нул, будто кукарекнув, своему механику: «Сбросить маскировку!»), вздыбливаются стволы зенитных орудий, расцехляются прожекторы и разворачиваются в сторону нарастающего гула самолетов противника, возносятся в небо аэростаты заграждения...

И опять в наушниках тот же повелевающий голос:

— Товарищ Климов, поднимите из Ржева две пары в зону семь.

Виктор догадался, что приказ этот относится к какому-то авиационному командиру. И тут же услышал новое распоряжение:

— Товарищ Сарбунов, организуйте прием истребителей в седьмом световом прожекторном поле. — Это уже приказ начальнику прожекторной службы.

На какую-то минуту в наушники вновь ворвалась разногласица переговоров — приглушенных и громких, но тут же опять внезапно ударила по нервам наступившая тишина, будто оборвалась сама жизнь на земле. Но нет, жизнь тут же воскресла — чеканно и значительно прозвучал очередной приказ генерала Журавлева:

— Товарищ Климов, прикажите Стефановскому поднять две эскадрильи с Кубинки и встретить врага в световых прожекторных полях Солнечногорск — Голицыно...

В ту же минуту с опушки леса молнией пронзила небо красная стрела. В вышине, ка-

жется, под самыми звездами, она замедлила лет, плавно изогнулась в дугу и, разгоревшись ярким кровавым светом, стала медленно падать на землю брызжащим искрами клубком...

Красная ракета — сигнал для взлета первой девятки соседнего полка во главе с капитаном Титенковым Константином Николаевичем.

За Титенковым уже утвердилась слава опытного воздушного аса и толкового командира эскадрильи. Да и его ладная фигура, порывистые и энергичные движения, лицо, светящееся зрелой молодостью, силой и веселым задором, располагали к себе, рождали симпатии. Виктор Рублев, только со стороны наблюдая за капитаном, чувствовал, что ему хочется чем-то быть похожим на него — внешнеюстью и в делах. Он даже шлем начал носить, как Титенков, чуть сдвигая его на затылок.

Пока прогревался мотор, Рублев в эту бесконечно длинную перед взлетом минуту с завистью размышлял о том, что и ему хотелось бы летать на более скоростном, вооруженном пушкой истребителе Як-1. Но там, на заводском заводе, выбирать было не из чего. Впрочем, Виктор долго и не печалился: «ишак» так «ишак» — ну, тупорылый, с одним пулеметом, зато послушный, увертливый; не зря его ласково называют и «ястребком». Сам Чкалов летал на таком самолете!

Огорчало другое: пришлось распрощаться с родным полком. Когда получили на заводе

новые самолеты, каждому летчику вручили предписание и карту с проложенным маршрутом: надо лететь в Подмосковье, на Кубинский аэродром, пополнить один из полков 6-го авиационного корпуса Московской зоны противовоздушной обороны... И вот лейтенант Виктор Рублев превратился из фронтового летчика в «тыловика». Правда, стоять на защите столицы — это, пожалуй, не всякому так повезет...

Увлечшись размышлениями, Рублев позабыл отсоединить от шлемофона телефонный шлейф, и, когда после зеленой ракеты начал выкручивать на старт, почувствовал, что с головы начало сдирать шлем. Это отвлекло его внимание на несколько секунд, и он, к превеликой своей досаде, взлетел последним из звена истребителей И-16, замыкавших строй эскадрильи Як-1 их полка.

Впрочем, это уже не имело значения. Ночное небо будто поглотило эскадрилью. И только если внимательно присмотреться, можно было кое-где заметить впереди трепещущие лоскутки синего пламени, вырывавшиеся из патрубков самолетных моторов.

Виктор вдруг ощутил тревогу. Ведь он впервые летит ночью! Нет возможности сверить карту с земными ориентирами. Сразу после взлета надо было взять курс на Солнечногорск — это почти строго на север. При этой мысли напряженно впился глазами в ролик компаса на приборном щитке, доворачивая самолет в нужном направлении.

Беспокоило и то обстоятельство, что истребитель был почти не обкатан, если не считать вчерашнего перегона с завода с двумя посадками по маршруту для заправки. В кабине новой машины Виктор чувствовал себя, как в необношенном, сковывающем тело костюме. Казалось, рули работают не совсем послушно, мотор тянет неровно и в его гуде не слышится чего-то привычного для слуха.

Мотор потерянного в Западной Белоруссии «ишачка» был для лейтенанта Рублева будто живым, близким существом со знакомым характером, повадками, привычками. Вслушиваясь в ритм его работы, Виктор как бы видел его нутро, начиненное умным железом, частями и приборами, зависящими друг от друга, дающими друг другу энергию, смысл движения — жизнь. И все казалось там на удивление простым, целесообразным, да и весь самолет ощущался как нечто единое с его, Виктора, телом; рули и педали управления машиной будто были продолжением его рук и ног.

Но так все воспринималось, когда летишь днем, видишь вокруг себя необъятную ширь неба и земли... А сейчас кажется, что ты застрял в густой черной мгле, и если б не звезды, то не знал бы, где земля, а где небо. Даже оторопь брала от ощущения неподвижности и оттого, сколь была непроглядной бездна под ним. И только когда самолет развернулся на север, Виктор увидел светящиеся столбы прожекторных лучей. Одни из них бесновались, мечась из стороны в сторону или описывая круги, другие осторожно ощупывали небо, словно хотели прогреть его черную бездонность, третьи застыли в неподвижности, и мнилось, что они ниспадали с высоты на землю. Это и было световое поле в районе Солнечногорска.

Виктора охватила тревога и какое-то злое нетерпение. На фоне освещенного и исполосованного прожекторами неба он увидел темные точки своих самолетов, которые звеньями расходились в стороны и продолжали набирать высоту. Чтобы не потерять из виду хоть часть эскадрильи, Виктор прибавил газу и потянул руль высоты на себя; истребитель послушно задрал нос так, что все звездное небо будто опрокинулось набок. Когда отметка высотомера сравнялась с цифрой пять тысяч метров, опять выровнял самолет, уже оказавшись рядом со световым полем, мерцающая яркость которого нарастала с каждой секундой. И сразу же увидел густой косяк немецких бомбардировщиков, шедших километра на два ниже его самолета. Они плыли в сторону Москвы и сверху были похожи на черные крестики, спаянные все вместе какой-то невидимой силой, образуя большущий ромб. Неужели целая эскадра?..

Продолжение следует.

Наталья ШИШКИНА

ДОРОГОЙ ЛЮБВИ И ТРЕВОГ

Время берет свое. Быстротечно катит волны-годы. На их гребень поднимаются новые люди. К ним надо примериваться взглядом, узнавать и постигать, чтобы после, в строке, приблизить к себе или отринуть...

В очерке Анатолия Калинина «Пухляковское утро» из четвертого тома собрания сочинений есть такие строки: «Сразу стоит напомнить, что казачий хутор — это не то, что, скажем, одна-единственная усадьба где-нибудь в Прибалтике, а сотня, две сотни и больше усадеб с виноградными и фруктовыми садами, сползающими к воде с суглинистых склонов, тысяча, полторы и две тысячи, как в нашем хуторе, жителей. Правда, теперь уже и нельзя назвать его казачьим в строгом смысле слова. Как водами Дона, год за годом смыкает с его берега коренных жителей и намыкает на берег новых».

«Малой родиной» стал этот старый хутор для писателя. Сгуртовались разновысотные дома у подножия покатых склонов, окнами смотрят на реку. Хутор Вербный моложе по возрасту Пухляковского, вот уже около четырех десятков лет он доводится родиной героям послевоенных книг писателя. Со временем ширились его границы, заселялись добротные дома, обживались хозяевами.

Гордые, памятливые на добро и зло, отзывчивые на единственную, выстраданную сердцем любовь, бескомпромиссные в борьбе за лучшую долю для народа идут они твердой поступью, голова к голове, по земле калининской прозы. Их судьбы с крутыми перепадами оставили свой след и на ими обетованной земле и в душах современников — столь частых гостей в хуторе Вербном. Иначе белые стаи писем-откликов не слетались бы так густо на донской берег и не глянулись бы так запоминающе лица калининских героев с кинотелеэкрана, с театральных подмостков страны.

На бурную реку жизни Андрея Сошникова и цыгана Будулая, Клавдии Пухляковой и Антонины Кашириной, Дарьи Сошниковой и Наташи Луговой, Еремина и Егорова пришлось много излучин. Но они на веслах. Не страшна высокая волна и встречное течение. Им не по сердцу праздное любованье всем тем, что доступно открытому взору.

Крепко держит перо рука писателя. Не убывает его сила, когда так велики излучины тревог за судьбы жителей хутора Вербного. А ведь, кажется, совсем еще недавно он прошел по дорогам войны с удостоверением корреспондента «Комсомольской правды». Отмеренный войной, долгий и тяжелый путь был пройден

Калинин А. Собрание сочинений в 4-х томах. Изд-во «Советская Россия», 1982—1983 годы.

А. Калининым до конца, до Австрийских Альп.

Война незаживающими рубцами отметила героев калининской прозы. «Прочь, идиллия!» — говорит писатель Михайлов из романа Калинина «Суровое поле». Под этими словами могли бы подписаться многие герои его книг. «Вряд ли еще где была и такая устойчивая полная тишина, когда каждый легкий звук, отраженный водой, как выстрел», — обнаруживает писатель Михайлов, поселяясь в хуторе Вербном. Велико искушение вчерашнего солдата, вернувшегося к мирной жизни, расслабиться, отдохнуть за многие годы войны. Но его заждались виноградная лоза, сенокос, жатва, и он спешит с зарей в родные поля. Спешит, не торопясь в строке, к своему белому полю листа и Анатолий Калинин. В короткие часы передышки он уходит в степь, на полевой стан, в правление колхоза. В мезонине дощатого дома лежат нераспакованные чемоданы с рукописями военных лет, ждут своего часа...

Долг солдата обязывал Анатолия Калинина рассказать о товарищах по оружию. Заделы для большой работы на военную тему были — опубликованы романы «На юге», «Красное знамя». Лишь в 1958 году выходит его роман «Суровое поле», где на высокой ноте звучит тема минувшей битвы. Что это, отход от главного направления, отступ от того, чем переполнено сердце солдата? Долг гражданина, земляка вчерашних воинов обязывал еще на полном скаку врываться в ряды «неверовщинных» и обнажать ее вредоносные корни. След в след появляются очерки писателя «На среднем уровне» (1953) и «Лунные ночи» (1955), получившие признание читателя и высокую оценку критики. Они о мирной жизни, но на ее берегах идет борьба с теми, кто тормозит поступательное движение вперед. Неверову и Молчанову, приверженцам существования на среднем уровне, заступают дорогу секретарь райкома Еремин, агроном Иван Кольцов, председатель колхоза Морозов, колхозница Дарья Сошникова. Уже первые послевоенные очерки писателя свидетельствуют: автору чужда полуправда и радужность палитры, размытость повествования. Сильным людям отданы его чувства. Неразлучно с ними писатель — близкими по духу людьми, коммунистами с большой буквы.

Переступив порог домов, где живут герои не только очерковых произведений, убеждаешься: вполздох и вполдела жить они не могут. Делит их земные заботы и писатель. Свидетельство тому — и его многочисленные очерки, ранее вошедшие в книгу «Две тетради». А написанные на перевале 60—80-х годов («Земля и гроздь», «Кормилица», «Хлеб и песня» и др.) поднимают важные проблемы, связанные с судьбой грядущего дня не только донской стороны. И если уговориться, что все творчество А. Калинина подобно полю, а перо — плуг в его руках, то вспашка на глубину у него равна и добросовестна и на больших площадях — в романах, повестях и на малых — в статьях, очерках...

«Иногда, бывает, и малейшего желания нет заглядывать в чужую жизнь — она сама толкается в

дверь», — читаем в «Суровом поле». Секретарь райкома партии Еремин («Лунные ночи») невольно становится свидетелем разговора Дарьи Сошниковой и агронома Кольцова, испытывает неловкое чувство третьего лишнего в этом интимном разговоре. Другой секретарь райкома, Егоров («Возврата нет»), не считает дозволенным вмешиваться в личную жизнь Антонины Кашириной и Никитина. Можно продолжить примеры, когда герои калининской прозы не прибегают к силе закона и волевых решений, коль речь идет о сугубо личной жизни. И сказывается тут, безусловно, не растерянность автора, поставившего героя или героиню в экстремальные условия, из которых не знает выхода. Он полностью солидарен с Коротковой: «А за Каширину нам беспокоиться нечего. Одного человека такое убивает, а другого... может и возвысит» (повесть «Возврата нет»). Счастье непредсказуемо, подчеркивает писатель, границы его не означены раз и навсегда. «Выше любви ничего не может быть», — говорит Антонина Каширина. Автор вторит ей всем своим творчеством: нет ничего выше борьбы за счастье, сопряженной с многократным преодолением крутых уступов. Не мила калининским героям краденая любовь, любовь из-под кнута. Отблески истаявшего чувства: не выбивают из седла, не лишают уверенности и душевного покоя. Секретари райкомов Еремин и Егоров сворачивают с дороги любви Дарьи Сошниковой и Антонины Кашириной, ведь та дорога для двоих. У цыгана Будулая война отняла жену. Сына, Ваню, выходила и вырастила Клавдия Пухлякова. В хуторе Вербном Будулай нашел сына, но не отыскается ему, уезжает. «И ничто отныне не должно будет омрачать ее покой и счастье. Она их заслужила. Было бы чудовищно, если бы он отблагодарил ее подобным образом за все то, за что он будет благодарен ей до конца жизни».

От закраин хутора Вербного расходится много дорог. От своего порога, уже неподвластные автору, его хозяева идут по одной из них в большой читательский мир. Но одна дорога — непрерывный поиск пути к своему счастью пролег и на суровом поле творчества писателя и по родной земле его героев. И эта своеобразная планета людей, открытая писателем, видна далеко окрест. На ее обитателей читатель не смотрит, как на чужаков. Они плоть от плоти той земли, что окружает писателя вот уже около сорока лет. Они в движении, жизнь их продолжается и после того, как захлопнется податливая дверь-страница, через которую читатель вошел в многоцветный, с глубинными ключами реальный мир героев калининской прозы.

Перекрестье дорог — предтеча нового свидания, в иной дороге, проложенной на карте творчества. Ключи к ее расшифровке до срока знает лишь писатель: «Сколько раз уже было; что-то копошится в тебе, беспокоит, накапливается, будит по ночам, и вдруг приходит человек со своей историей, и оказывается, что ее-то и не хватало, чтобы все осветилось».

Пухляковские внешние дни... Располневшее от нагонной воды, нахолодавшее в зиму, упругое тело реки разводит плечи берегов. Свежую тишину простреливает уханье подмытых талой водой деревьев. Влажные стволы тяжело ударяются о тело реки. Корни же все еще крепко держатся за кромку обрывистого берега. Жилые, с уродливыми наростами, они сопротивляются силе реки, но

в конце концов верх берет река...

«Другой дороги здесь нет» — такими словами заканчивается повесть «Эхо войны». Мимо дома Варвары Табунщиковой пролегал тропы свидания старенькой учительницы с могилами сыновей-разведчиков.

Чадит последними днями мрачная жизнь Варвары Табунщиковой, выдавшей немцам двух советских солдат. Как и все произведения А. Калинина (за исключением четырехчастного романа «Цыган»), повесть «Эхо войны»¹ маломерна по площади. Автор предельно сжат в строке. Повествование динамично и плотно. Василий Шукшин в книге «Нравственность есть правда» писал: «Произведение искусства — это когда что-то случилось в стране, с человеком, в твоей судьбе». С Варварой Табунщиковой случилось страшное и непоправимое: женщина и мать стала предательницей. «Жить можно и теперь. Это только к Советской власти нельзя было приспособиться ни с какого бока» — таков лейтмотив всей жизни Табунщиковой. Но не только ради исследования этого человеческого типа, не ради проследивания ее кривой жизненной стези писатель взялся за перо. Неумолчно эхо предательства. Жизнь Варвары Табунщиковой отлетает в прошлое. По заслугам наказаны оба ее сына-полицая, Павел и Жорка. Под одной крышей с угасающей Табунщиковой живет ее дочь, Ольга: «С того дня как (Табунщикова. — Н. Ш.) вернулась в хутор, как будто остановилась в годах. Была одинаковая, не старая и не молодая, кожа на лице не морщилась... и только нос со временем как будто удлинялся, а небольшие карие глаза уходили под брови. Губы смыкались прямой складкой. Тогда только и разжимались они в скупой улыбке, когда, взглядывая на детей, убеждалась, что, кажется, не обманывают они ее надежды. Особенно сыновья, потому что о дочери не только чужим людям, но и ей самой в пору было иногда спросить себя: а Табунщиковой ли она породила? Тревога за судьбы детей таких вот табунщико-вых гнездится в сердце писателя. Нет ничего выше ответственности матерей за настоящее и будущее дочерей и сыновей. И нет такой меры расплаты, какой можно было бы заплатить за вину Варвары Табунщиковой перед дочерью. Перед всем людским миром, не дрогнувшим в годы испытаний.

Природное, естественное течение реки жизни напрочь лишает земной тверди корни существа, которое и жило-то на отшибе, в одиночку тщась удержаться на краю неотвратимой бездны. Как уродливую карчужку², отталкивают от своего берега Варвару Табунщикову герои калининской прозы.

...Планета внешних, жинестойких людей. Ее «Колумб» чутко и шорохом и запахам земных трав. В чистых озерах этой планеты

¹ За повести «Эхо войны» и «Возврата нет» А. Калинин удостоен звания лауреата Государственной премии РСФСР имени М. Горького.

² Карча — коряга.

отражена жизнь большого мира действительности со всеми его насущными заботами. Судьбы героев творчества А. Калинина — это и судьба народа, и долгожительство их на страницах книг и в памяти читателя объясняется не только самобытностью характеров и резко очерченной индивидуальностью, мастерством писателя, умением «остановить мгновение», когда оно ядро события или факта окружающей жизни. Современны и значимы по идейно-художественной направленности все произведения писателя, сколько бы лет ни составляла их жизнь со дня появления на свет. В строку нынешнего времени вписываются и эти слова из «Сурового поля»: «Ни твой хлеб ему не нужен, ни твое вино, ни твои холмы и курганы — у него свои стоят берега: Волги, Днепра и Дона». И поэтические — из стихотворения «Когда над спящим и непрочным Над миром, выстрадавшим мир...». А если поколесеит извилистой дорогой цыгана Будулая, то почувствуешь еще и его тревогу за судьбы цыганских детей во все времена и эпохи: «Увозя соплеменников Будулая, беззвучно натились брички по травянистой дороге. Молодые цыганки, выпростав из кофт груди, кормили на солнышке своих смуглых младенцев. А головки других их детей шляпками подсолнухов свешивались из-за бортов бричек, и прощальный блеск их глаз осыпался на сердце Будулая пеплом необъяснимой печали. Чего они ищут? ...С этих черноголовых подсолнушков ветром времени будут вылучиваться семена, из которых опять будут вырастать, прямо на дорогах все такие же неизлечимые бродяги. Как будто за чем-то гонятся или же кто-то гонится за ними».

Густа пряжа дорог по земле калининской прозы. Щедро на тугие узлы. Агроном Луговой (роман «Гремите, колокола!») как бы вновь переживает рождение повзрослевшей дочери Наташи. Она и возвращает его в страну юности и напоминает: запоздалое узвание родителями своих детей может лечь пропастью между поколениями. Антонина Каширина устранилась от общественной жизни, жертвует своей председательской должностью в пользу Никитина, полюбившего дружку. Цыган Будулай осуждает кочевье цыган, а сам странствует по степи: «Его счастье проносилось мимо него, а у него не осталось сил, чтобы протянуть руку и взять его».

«Не обещаю я «беспорных вещей» и в будущем. Ибо сама жизнь есть постоянный спор. В большом и в малом», — признается Анатолий Калинин.

«Да, но всегда легче выбиться из борозды, чем потом опять в нее вернуться», — читаем в романе «Суровое поле». Человек и его дело. Анатолий Калинин — писатель и Калинин — активный участник преобразований на пухляковской и усть-донецкой земле. Плуг-перо выпущен из рук, прервалась нить, связывающая писателя с миром, где он живет до времени один на один со своими героями. К воротам подъезжают машины — с партийными работниками района и области, с избирателями. В дверь стучится бедой одинокая старушка. Письмо директора пухляковского винсовхоза-техникума просит о помощи в постройке жилого дома. Депутат Верховного Совета РСФСР Анатолий Калинин ведет большую общественную работу, не считаясь

со временем, поступаясь часами свиданий с новым героем...

И снова — восхождение по крутым ступеням, ведущим в мезонин дощатого дома. И снова вскидывает он на плечи походный ранец. Писатель идет по следам своих героев, не расстается с ними, когда они съезжают с донского берега. Вот и в поэме А. Калинина «В саду Саида» мы вновь встречаемся с Ереминым. Из прозы он шагнул в поэтический мир. На новом месте познакомил писателя со своими товарищами. На берегах Суры А. Калинин узнал Панина. Его гибель в схватке с огнем, пожирающим леса, оставила глубокий след в поэтическом творчестве писателя. И в поэзии и в поэме А. Калинин верен своей теме — теме фронтового братства и верности. Он «грешен» стихами еще с давней, военной поры, она высвечивает его поэзию подобно сильному лучу прожектора, и в этом свечении ярко проступают лица прошлых встреч, фронтовых и мирных. Встреч с навсегда любимой степью, ее лазоревым цветом — тюльпаном. Представленные в собрании сочинений стихи — ода любви родному краю, близким людям, всему тому, что долгие годы окружает писателя, живительными родниками питает его творчество:

Коль о любви подумать строго,
Она — не в роще соловьи
И не подкова у порога,
Она — страданье и тревога,
И бесконечная дорога,
И красный цвет моей крови.

Особенно в романе «Цыган» ярко горят на небосклоне, опрокинутом над степью, зеленые звезды. Но, прочитав калининское «Время «Тихого Дона», видишь: еще с той, юношеской, поры по дороге в Вешенскую, когда мальчишкой будущий писатель был оboжжен шолоховской строкой, эти крупные звезды неотступно следовали за ним. Книга «Время «Тихого Дона» складывалась годами. В ней — и сыновья благодарности писателя к своему великому земляку, и звонкий резонанс от прикосновения к шолоховской прозе, и постоянное ощущение жажды по страницам «Донских рассказов», «Тихого Дона», «Поднятой целины»...

Время берет свое. Стремительно его течение. На стремнине времени живут хозяева хутора Вербного. Ждут новых соседей...

В день празднования своего юбилея Анатолий Калинин говорил о том, что с годами растет его долг перед земляками, прототипами героев повестей и романов. Долг и мужество состоят в кровном родстве. «Где же еще и заручиться этим мужеством, в молчаливом спокойствии рассмотреть то, что все время виделось, как сквозь багровую пленку и желтый дым, мельтешило перед глазами! Наверху, в мезонине дома, на глянцевого крышке стола белеет тетрадь, а перо ему всегда представлялось плугом на этом поле. Все спит. За светящейся лентой реки, за черной стеной леса — девственная залежь снега».

Дискотека была оформлена со вкусом и размахом. Просторная танцплощадка из полупрозрачного материала загадочно мерцала, подсвеченная изнутри. В полутьме за столиками сидела молодежь — здесь уютно и свободно смогли разместиться двести парней и девушек. Под

тихую музыку, что трепетно струилась «ниоткуда», ведущий рассказывал о творчестве Раймонда Паулса. Слушали с интересом. Диск-жокей включал фрагменты из произведений композитора.

— Где вы нашли такого интересного музыковеда? — спросил я у сидящей рядом девушки из заводского комитета комсомола.

— Это наш, Сережа Весельский, — ответила она, — работает слесарем-сборщиком.

Соседка была увлечена его рассказом и музыкой, поэтому поговорить с нею удалось позже, когда началась программа «танцуем без перерыва». Правда, чтобы услышать друг друга, нам пришлось выйти в фойе... В разговоре выяснилось, что на заводе «Электроприбор», как и прочие кружки, студии, собирается литературный клуб «Исток». Советуясь и помогая друг другу, здесь общаются люди, которые глубоко интересуются литературой и искусством. Они-то и готовят для дискотеки вечерние программы: о музыке советского кино, известных ансамблях — наших и зарубежных, о симфонджазе, по страницам классических оперетт и многие другие.

О заводских книголюбках надо говорить особым. К одному из них мы заглянули домой. В небольшой квартире было тесно от книг и гостей. Хозяин Владимир Леонтьевич Сикоренко растерянно поглядывал, куда бы нас пристроить. Но все образовалось само собой, как и в любом добром доме, где и позднему гостю находится место.

Зоя Ивановна, как и ее муж, вот уже почти двадцать лет работает шлифовщицей. Там же трудится и старший сын Игорь.

— У вас всегда так многолюдно? — спросил я хозяйку.

— Привыкла... — коротко ответила она. — Владимир руководит бригадой — каждый вечер кто-нибудь да заглянет. Они как родная семья, вот уже несколько лет на единый наряд работают. В заводской библиотеке на бригаду даже общая карточка заведена. У нас и дома — томов восемьсот. Заходят соседи, друзья, а своему заместителю, Ване Солярику, муж и ключ от квартиры отдает, если нас дома нет.

— А как успехи на заводе?

— У Владимира орден Трудовой славы двух степеней, другие награды... Нынешней осенью ему за трудовые достижения присуждена Государственная премия СССР.

Поговорив с Владимиром Леонтьевичем, Зоей Ивановной, их друзьями, невольно убеждаешься, что в наше время уровень культуры не измеряется близостью к столицам. В Каменце, скажем, или в Хацапетовке читают те же книги, смотрят те же фильмы, что в Москве и Киеве.

В Каменце-Подольском лишь один государственный музей — историко-архитектурный заповедник Старого города. Зато сколько интересных музеев на предприятиях, в школах... Никого не оставит равнодушным музей Матери, созданный в средней школе № 12 по инициативе заслуженной учительницы республики Нины Закиевны Горевой, или музей Никиты Годованца в шестнадцатой школе. Один из старейших украинских советских сатириков, Никита Годованец, большую часть жизни прожил в Каменце. Школьники собрали богатый материал о его творчестве, им на помощь пришла городская общественность. Нынешней осенью были проведены дни поэта-сатирика.

В Каменец съехались его собратья по перу со всей Украины, они выступали в цехах, заводских клубах, в школах. Эти дни стали событием в культурной жизни города, и теперь их решено устраивать ежегодно.

Каменец-Подольский невелик — это районный центр, в нем меньше ста тысяч жителей. И среди них пока лишь один член Союза художников СССР — Борис Михайлович Негода, но его известности в родном городе могут позавидовать многие мастера. Его приглашают на встречи с молодежью, регулярно устраиваются персональные выставки, с его работами можно познакомиться и в местной картинной галерее. Кстати, в ней собрано около трех тысяч работ, и весьма ценных.

Эстетическое, нравственное и идеологическое воспитание — единый процесс, это хорошо понимают в городском комитете партии, в исполкоме городского Совета. Секретарю горкома по идеологии Алле Ивановне Буданцевой не надо заглядывать в справочник, чтобы позвонить, скажем, в подростковый клуб при жэке или реставраторам Старой крепости, не нужен провожатый, чтобы зайти в мастерскую к народному умельцу. Среди ее ежедневных забот — и разговор с монтажниками, которые оборудуют планетарий в реставрированном здании старинной церкви, и устройство нового выставочного зала, и проводы в зарубежное турне самодеятельного ансамбля...

Во многом стараниями горкома партии и горисполкома идет реставрация памятников архитектуры — по их количеству небольшой Каменец занимает третье место в республике после Киева и Львова. Успешно и, что очень важно, грамотно растет город: здесь окончательно снята проблема устройства детей в садики, а все школы с нынешнего года работают в одну смену! Это облегчает планомерную внешкольную работу с юными техниками, спортсменами, музыкантами...

Конечно, большинство выпускников художественной школы не станут скульпторами или живописцами. Вполне понятно, что, скажем, из трехсот детей, посещающих танцевальные классы Дворца пионеров, не многие уйдут в профессиональные ансамбли. Юные техники, музыканты, краеведы-историки со временем взрослеют и приходят в рабочие коллективы автоагрегатного, «Электроприбора», кабельного и других заводов, активно влияя на культуру производства и человеческого общения.

Загляните в клуб кабельного завода, когда там проводится День открытых дверей одного из цехов. В фойе и коридорах — выставка «Мир наших увлечений». Чего на ней не увидишь! Чеканка и вышивки, коллекции старинных монет и открыток, картины и диновинные комнатные растения, электронные приборы собственной конструкции, стенд «Как учатся наши дети» и лучшие образцы стальных газет... Авторитетное жюри, сопровождаемое толпой заинтересованных, внимательно осматривает все это, делает пометки в блокнотах и направится в переполненный зал. Там руководитель цеха рассказывает обычно об успехах за год, и ни один доклад, пожалуй, не выслушивается с таким вниманием, как это короткое выступление. Потом на сцену выйдут плясуны и певцы, поэты и музыканты, акробаты и фокусники... И все — работники этого цеха. Тут никакие подставки, «фонусы» не проходят.

А через неделю проводится День открытых дверей другого цеха или подразделения. Их всего десять. Причем соперничество настолько остро, что в последние годы приходится приглашать членов жюри со стороны, не связанных с заводом, дабы не было обид на не объективность. Эти дни проводятся в течение зимы, а летом — заводской комсомольско-молодежный фестиваль. Для него любое помещение тесно, весь коллектив выезжает за город, где соревнуются команды цехов. Там идут состязания и в спорте, и в сноровке, и навыках на туристских маршрутах, и в юмористических композициях на злобу дня, а десять команд юсцов на лугах подшефного колхоза ставят рекорды по заготовке сена.

В конечном итоге наиболее важными оказываются не сами праздники, а подготовка к ним, когда каждый, болея за честь цеха, раскрывает свои творческие возможности. Дух коллективизма помогает раскрытию отдельной личности, создается атмосфера истинно творческой доброжелательности, в которой и дышится легко и увлеченно работает.

Хмельницкая обл.

ГОРОД-ОДНОУЧЕНИЙ

Учащиеся художественной школы на эстафете у старой крепости

Кабельный завод. Конвейер в цехе № 3. На переднем плане контролер ОТК Галина Каневская.

Мастер народного творчества Анатолий Михайлович Бедункевич. Он лауреат многих всесоюзных и республиканских выставок.

На квартире книголюб В. Л. Сикоренко. В. И. Близинок — шлифовщик кабельного завода, хозяин дома — Владимир Леснический, Сережа с мамой Валентиной Леонтьевной Солярик, работником Дома культуры.

Людмила Радун учится на четвертом курсе Каменец-Подольского строительного техникума.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Буровая переезжает * Владимир Тиношын — бригадир геологоразведочной партии в Антипаюте * В Газ-Сале живут геологи * Ямбург начинается * Доярки заповянной фермы Эмманда Нестерова, Ирина Калининиченко и Раиса Новоселова.

Фото Г. КОПОСОВА

Фольклорный ансамбль педагогического института. На переднем плане солист Михаил Сембрат.

Секция спортивной акробатики и гимнастики факультета физвоспитания педагогического института. На тренировке. Тренер М. Мельник, Нелли Терехова, Ирина Костенко, Ольга Жукова.

ЗА УР

ПЕРЕНГОЕМ – ЯМБУРГ

См. стр. 22.

**ЗДЕСЬ БУДЕТ
ЯМБУРГ**

«УЖЕЛЬ ТА САМАЯ ТАТЬЯНА?»

Галина ГОГОТИШВИЛИ

...Шла опера Верди «Трубадур». Прозрачно-легкий и ясный, трепетал под сводами старинного венецианского театра «Фениче» голос певицы... Зрительный зал внимательно вслушивался в каждую ноту знакомой музыки, — требовательность капризной итальянской публики общеизвестна, и даже самому именитому певцу никто не возьмется заранее предсказывать успех в Италии. Но в этот вечер уже после каватины Леоноры действие остановилось — зрители настойчиво требовали бисировать ее. Успех оказался столь большим, что дирекция «Фениче» пригласила советскую певицу Галину Калинину — именно она спела так блистательно в «Трубадуре» — в совместное турне с театром по ФРГ и ГДР.

Принято считать, что Калининой ближе всего оперы Верди, с этим трудно не согласиться. Она уверенно владеет секретами бельканто и музыку Верди поет с такой легкостью и естественностью, словно она создана композитором для нее. Но не будет преувеличением сказать об исполнительском универсализме Калининой: с таким же блеском она исполняет Чайковского, Рахманинова, Глинку, Пуччини, Вивальди (знаменитую «Глорию»), Стравинского (весьма трудный его цикл «Прибаутки»). С прекрасным органистом О. Янченко впервые в нашей стране певица исполнила ораторию Генделя «Радости, печали и горе». Именно такой вот контрастный репертуар и раскрывает наиболее полно артистическую индивидуальность Г. Калининой. Широкий диапазон, очень красивый тембр голоса, благодарная сценическая внешность, артистизм, — в старину сказали бы, что она рождена под счастливой звездой. Невозможно не восхищаться изяществом и блеском вокальной техники Калининой, но активную реакцию зрителей она вызывает, думается, не только этим. Главное в искусстве певицы — способность к сильному и искреннему переживанию на сцене, задушевность исполнения, то «искусство сердца», которое так ценил в артистах К. С. Станиславский. Эти качества певицы одинаково рельефно проявляются и в операх Верди, произнесенных сильными страстями, и в поэтическом лиризме русской классики.

В ноябре 1974 года стажер Большого театра, студентка Института имени Гнесиных Галина Калинина спела Татьяну в «Евгении Онегине». И спела так, что вызвала радостное удивление зрителей. «Ужель та самая Татьяна?..» Да, это была та самая, подлинно пушкинская Татьяна. Психологически тонко и глубоко раскрытые певицей переживания героини заставляли забыть об условности оперного искусства. Может быть, еще не скоро довелось бы Калининой спеть Татьяну (в стажерской группе она готовила трудную по вокалу и тесситуре партию Гориславы из «Руслана и Людмилы»), если бы не случай, который, как я заметила, играет в судьбе певицы не последнюю роль. Как-то Калинина ехала в лифте на верхнюю сцену с Борисом Покровским. Он спросил: «Вы Калинина?» «Да». «Сцену письма Татьяны знаете? Через две недели покажете». Калинина ахнула — она Татьяну никогда не пела. Однако выучила, но ко дню показа у нее заболело горло. Покровский попросил спеть немедленно, причем сидя. «Я запела — руки «полезли вверх», — вспоминает Калинина. «Положите руки на колени», — потребовал режиссер. Стараясь не помогать себе руками, она спела сцену письма, и, видимо, режиссер остался доволен: «Теперь можете работать над Татьяной».

Эта творческая победа Калининой стала точкой отсчета дальнейших удач: она спела Наташу Ростову в «Войне и мире», Лизу в опере «А зори здесь тихие», Елизавету в «Дон Карлосе»...

Кажется, так безоблачно на первый взгляд складывалась жизнь певицы, сплошные успехи, а давно ли она плакала возле Бетховенско-

го зала, в котором проходило прослушивание в стажерскую группу Большого театра? Калинина спела два тура и, по ее выражению, «слетела». Неизвестно, решилась бы она еще раз прийти сюда и что вообще было бы дальше с ней, если бы опять не случай. Из зала вышла член жюри Елена Образцова. Прославленная певица не смогла пройти мимо горько плачущей Калининой и предложила позаниматься с ней. С благодарностью Галина Калинина вспоминает о занятиях с Е. Образцовой. Я слушала ее и думала: как важно, когда еще не раскрывшийся талант заметят, поддержат, помогут ему укрепиться, выстоять. Тут достаточно иногда просто внимания. К примеру, когда Калинина вторично решила попробовать в стажерскую группу и репетировала перед прослушиванием, в комнату вошел Юрий Симонов, главный дирижер. Посидел, послушал, сделал несколько дельных замечаний певице и ушел. Кажется, немного. Но это, во-первых, вселило уверенность в Калинину, что для участника конкурса немаловажно, а во-вторых, его советы помогли ей избежать ошибок в исполнении. И есть здесь еще нравственный аспект — тот, кому помогли в начале пути, наверное, сам уже не сможет не помочь другому. Цепная реакция доброты...

В 1976 году Галине Калининой предложили поехать в Братиславу на конкурс молодых оперных певцов-интерпретаторов. Опыт сражения на конкурсных ристалищах у певицы уже имелся — в 1973 году она получила вторую премию (первая никому не присуждалась) на Международном конкурсе в Швейцарии, а в следующем году стала лауреатом V Международного конкурса имени Чайковского в Москве. Я хорошо помню Калинину на конкурсе — она буквально очаровала зрителей, и они предсказывали ей победу задолго до решения жюри, брали автографы. Но, как известно, публика и жюри судят по-разному: Калинина получила третью премию. Конечно, конкурс — это в какой-то мере игра случая. Но это еще и школа мастерства, ибо здесь исполняются труднейшие произведения мирового репертуара, считавшиеся совсем недавно уделом лишь отдельных мастеров. Да и, кроме всего, победа на конкурсе сразу привлекает к победителю внимание музыкальной общестственности, отечественной и зарубежной, открывая широкую дорогу на лучшие сцены мира.

...Из Братиславы Калинина привезла высшую награду конкурса — Гран при. Калинина без особого интереса относится к таким своим победам, так как не слишком озабочена поисками славы. И это не может не вызывать к ней симпатию, тем более что она человек открытый и по-детски искренний. Может быть, это и притягивает к ней людей...

Во время беседы с Калининой я невольно поглядывала на семерку троллей, забавных человечков, привезенных певицей из Дании (там в Королевской опере она пела Тоску). Не менее восхищенно, чем я, взирала на свое кровиночку и актриса, нежно поглажив по голове одного из них — старичка с добрым морщинистым лицом. И эта непосредственная радость от игрушек больше сказала мне о характере певицы, чем самый подробный разговор. И стала понятней душевная чистота ее героинь...

Галина Калинина сейчас в расцвете таланта. Ее чарующий голос звучит в самых прославленных театрах мира. В Большом театре она подготовила сложную, философски насыщенную партию Февронии в «Сказании о граде Китеже и деде Февронии» Н. Римского-Корсакова — еще один образ русской женщины, верной и любящей, готовой к самопожертвованию. Надеется Калинина спеть в этом сезоне и в «Тоске» Пуччини: ее дебют в этой опере состоялся в Лондоне, а так хочется спеть Тоску в родном театре.

К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
С. В. СМЕРНОВА

СЛОВО О ПОЭТЕ

Я говорю о человеке, я говорю о художнике слова, о большом советском поэте.

Сергею Васильевичу Смирнову исполнилось 70 лет.

Есть на что оглянуться, подытожить и порадоваться, так как сделано немало и талантливо. Есть и перспектива, есть и чему приложить руки, всю мощь дарования, как сам поэт говорит, «тряхнуть новизной».

Светлый и яркий облик этого поэта воспринимается как самобытный, кристально чистый, рожденный в гуще народа.

А он ведь герой настоящий. Я не всеу признаю эти слова. Жизненный и творческий пути Сергея Васильевича Смирнова воистину героичны.

Представить страшно: оставшись без матери, мальчик-сирота упал со скалы и повредил себе позвоночник. И на всю жизнь медицинское заключение, чего бы это ни касалось — работы ли, военной ли обязанности, — «не годен!».

Надо быть именно Сергеем Смирновым, только им, чтобы из этого убийственного «не годен!» прибавлением всего одного согласного звука придать выражению прямо противоположный смысл: «Нет, годен!»

И сделать это не только в слове, но и во всей жизни.

Талант и мужество соединились в этом человеке столь органично и под тяжестью нелегкой жизни спрессовались так крепко и неразделимо, что он не только не сник, не пал духом, но и достиг вершин в поэзии. Зовущая и ободряющая улыбка светится в каждой его строке, при этом в стихах Смирнова нет малейшего намека на ложный пафос и неискреннее чувство.

Его поэзия — источник радости и мужества. Об этом со времен начала строительства метро говорят метростроители, с которыми плечом к плечу поэт строил московскую подземку. Об этом свидетельствует многолетняя, со времен Великой Отечественной войны, дружба Сергея Васильевича с ветеранами гвардейской Панфиловской дивизии, в рядах которой он сражался. За проявленное мужество и вдохновенные поэтические строки Смирнов награжден орденом Красной Звезды.

В коллективном письме политработники-панфиловцы, которых не удивишь самым легендарным героизмом, называют его гвардии поэтом. Не знаю, бывает ли признание поэта более высоким, чем это.

Сергей Васильевич Смирнов своими учителями считает поэтов М. Светлова и В. Луговского. Очевидно, он взял лучшее в поэзии того и другого и возвел это в смирновское, что отмечено присуждением поэту-коммунисту звания лауреата Государственной премии РСФСР имени М. Горького, двумя орденами Трудового Красного Знамени, многими медалями и в отмечаемый юбилей — орденом Октябрьской Революции.

С. В. Смирнов мастер-новатор редчайшего в советской литературе жанра — короткой басни, жанра, требующего незаурядной точности, смелости, остроты таланта.

С юбилеем вас, доброго вам здоровья, новых творческих свершений, дорогой Сергей Васильевич.

ДМИТРИЙ ДЕМИН

Жизнь и память

как слово наше отзовется

Чингиз АЙТМАТОВ

— Существует одна интересная вещь — каждому поколению кажется, что настоящая история начинается только теперь, только сегодня — так велико для людей чувство сиюминутной действительности, ибо прошлое ушло, будущее — впереди и только настоящее с тобой в данный момент. Однако даже при этом мне представляется, что наша современность поистине занимает особое место на всем протяжении истории человечества. Homo Sapiens стал в некотором роде «самобогом», «богом» над самим собой — он способен даровать себе жизнь на Земле или уничтожить себя и все дышащее в результате всеобщего ядерного побоища. Все чаще и чаще мы повторяем сегодня слова «право на жизнь». Не думаю, что это право когда-либо прежде подвергалось сомнению. Потому хотя бы, что жизнь священна. И хотя сегодня тревога за будущее человечества и всего живого на земле стучит в наши сердца, она не должна порождать слепой страх и отчаяние, лишая нас, мыслящих людей, воли к жизни, заставить согласиться на роль суетливых потребителей. Не страх, а мужество мы должны противопоставить силам разрушения и зла. Я уверен, что человечество, цивилизация, разум в конечном счете победят...

Мы беседуем с известным советским писателем Чингизом Айтматовым. Так получилось, что наш разговор состоялся в день рождения писателя. Ему исполнилось пятьдесят пять лет, и со всех концов нашей страны и из-за рубежа приходили в этот день во Фрунзе, где живет Чингиз Айтматов, приветственные телеграммы. Они лежали на его рабочем столе, и в их лаконичных строках выражались любовь и уважение многих людей к творчеству замечательного писателя. В этот день юбилар узнал о том, что он избран академиком Европейской Академии наук, искусств и литературы в Париже. Еще одно признание творческих заслуг всемирно известного советского прозаика.

И хотя этот день был праздничным для Чингиза Торекуловича, он говорил о серьезных проблемах, которые волнуют его как писателя и человека.

— Роль литературы, искусства в жизни людей? Они, я считаю, исключительно ответственны, особенно в наше время. Объединять людей в их устремлении сохранить на Земле мир и разум, помогать людям верить в будущее. Эта мысль об объединении вписывается в наше время с тем большей

неотвратимостью, чем больше буржуазная пропаганда стремится разобщить народы. Утверждение общечеловеческих идеалов, соединение усилий всех народов и каждого человека в борьбе за мир, гуманизм и прогресс, в решении острых проблем повседневного порядка — все это поприще современной литературы.

Конечно, мне могут сказать, что и в прошлом выдающиеся умы человечества провозглашали человеколюбивые манифесты; писали книги, создавали произведения искусства, призывающие к добру и справедливости. Но войны и угнетение человека человеком все равно были.

Легче всего сказать, что и сегодня существуют силы зла, которые ни с чем не считаются. Им все равно, что были на земле Шекспир, Гете, Толстой, Чехов. Но когда начинается бойня, когда дается полная свобода агрессив-

но-разрушительным инстинктам, которые умышленно нагнетаются буржуазным искусством, прогрессивные художники должны противопоставить всему этому свое оружие. Надо найти такие средства воздействия на умы людей, наших современников, которые незамедлительно призывали бы к действию, к борьбе. Мы должны поддерживать дух любви к Человеку и Отечеству, чувство необходимости защитить его в роковые минуты, мы должны постоянно провозглашать идеи гуманизма. В конечном итоге я верю в то, что красота спасет мир, как сказал Достоевский.

Важно не замкнуться в себе, ведь самое страшное, когда каждый будет думать, что он мало значит, что он всего лишь песчинка на берегу бушующего океана.

— И ваши герои, Чингиз Торекулович, так не думают. Боролась за свою любовь и место под солнцем Джамия, обо всем челове-

стве думает в нелегкие минуты своей жизни Буранный Едигей, главный герой романа «И дольше века длится день...» («Буранный полустанок»). И тот и другой не песчинки на берегу бушующего океана жизни. Как актуален сегодня этот ваш последний роман! Ведь вы показали общую опасность для всех народов, государств перед лицом всеобщего уничтожения. И так показали, что читатели не могут оторваться от вашей книги. Значит, она необходима, значит, литература, слово достигли цели. Наверное, в этом и состоит сегодня его главное значение.

— Я заметил одну немаловажную особенность в восприятии читателем современной литературы: он, читатель, стал в последнее время мыслить иными, более, что ли, глубокими категориями. Думается, что постоянное напряжение общественно-политической атмосферы, каждодневные и каждочасные разговоры о войне и мире, о жизни и смерти изменили психологию человека, его отношение ко всем этим вечным проблемам стало более глубоким и более разумным. За последние пятнадцать — двадцать лет у нас необыкновенно возросло общественное самосознание. Исчезло, как мне кажется, приблизительное, равнодушное отношение к самому текущему литературному процессу, к тем или иным его проблемам. Когда я встречаюсь с читателями, то неизбежно начинается разговор о вещах серьезных, волнующих всех и вся, в разговоре этом затрагиваются поистине глобальные проблемы, без разрешения которых человечество не может спокойно спать.

Это говорит о том, что мы, литераторы, имеем сегодня благодарного читателя, благодатную почву для наших книг. Я уверен, что напиши «И дольше века длится день...» десятью годами раньше, он не был бы так воспринят, как воспринимается сейчас. Каждый день я получаю письма-отклики на эту книгу. И не только от читателей нашей страны, но и из-за рубежа, где она вышла во многих странах. Во Франции, например, четырежды изданиями, что само по себе является фактом много говорящим.

Здесь можно отвлечься и сказать, что Чингиз Айтматов — один из наиболее известных и самых читаемых в мире писателей современности. По данным ЮНЕСКО, общий тираж его книг, вышедших за рубежом, превышает 8 миллионов экземпляров. Они издавались около 150 раз на более чем пятидесяти языках народов мира.

— Значит, немаловажно, Чингиз Торекулович, для читательского успеха, чтобы книга вышла именно вовремя. Чтобы люди как бы ждали этой книги, чтобы именно она была необходима им сегодня.

Декабрь 1983 г.

Фото Дм. Бальтерманца

С таких позиций, мне кажется, почти все ваши произведения рождались в нужный момент. Вот, например, вы могли бы сегодня написать вещь, подобную «Джами-ле»?

— Во-первых, что понимать под «читательским успехом»? Во всяком случае, «читательский успех» не должен быть для писателя самоцелью. А что касается «Джами-ли», то сейчас меня волнуют другие вопросы, хотя проблема верности, любви, возвышающей человека, — это вечная проблема. Или взять другую мою небольшую повесть — «Лицом к лицу», о дезертире, написанную двадцать пять лет назад. Когда Валентин Распутин написал много позднее свою повесть «Живи и помни», тоже о дезертире, она воспринималась читателем уже как бы другим сознанием, с иным отношением к предмету повествования. К тому времени мы уже много прожили и на многое смотрели иначе.

Еще раз хочу подчеркнуть, что именно сегодня, когда литература, искусство да и средства массовой информации как бы подняли людей, дали им возможность быть ближе к самым животрепещущим проблемам бытия и превратились тем самым в могучую силу, художник, писатель, журналист должны работать, я бы сказал, на уровне современных нравственно-эстетических требований. И в первую очередь писать и говорить о том, что волнует людей особенно сейчас, в наше нелегкое время. В этих условиях писать так, как прежде мы писали, кажется мне недостаточным. Читателю важно увидеть в произведении того или иного писателя, известного или начинающего, такое осмысление жизни и применительно к этому осмысление частности к общему каждой отдельной жизни, каждой человеческой судьбы. Вспомните, как сравнительно недавно мы воспринимали все, что писалось о Великой Отечественной войне. Именно так: писалось о большой войне, а читатель воспринимал это общее применительно к своей судьбе. Потому что или он сам или кто-то из его близких участвовал в борьбе с фашизмом, злом из зол человечества.

Писатель должен уметь чувствовать эпоху не односторонне, а со всеми ее трудноуловимыми нюансами, поворотами. И во всем этом увидеть правду эпохи, правду судеб людских. А сказать правду нелегко. Если бы правда была таким легким делом, можно было бы не говорить о том, как человек борется за правду. Правда художественного творчества для меня — это правда реализма, жизнеутверждающая, мощная. Хорошо, что наши писатели стремятся сказать нам искренне и честно о том многом, что мешает движению вперед. Особенно это заметно в последнее время. Я, например, с интересом прочел роман И. Штермлера «Универмаг». Я не хочу давать ему безапелляционную оценку, наверное, не все удалось автору, но то, что он пытался быть правдивым, мужественным, вызывает к нему уваже-

ние. Такого рода литература — когда-то Блок назвал ее «деловой» — тоже должна бытовать. К тому же надо помнить, что существуют разные роды литературы, что одни вещи готовят появление других вещей. Может быть, со временем появится талант, который, отталкиваясь от таких вот, где-то приземленных, фактологических вещей, напишет новое «Преступление и наказание». Или нового «Идиота». Конечно, он не будет Достоевским, он будет другим, но принцип возникновения такого взгляда на жизнь, на современные проблемы, возможность в отдельных явлениях бытия увидеть многое — этот принцип в данном случае вполне действен. В том-то и величие Достоевского, что за частными судьбами своих героев он спрятал, а точнее, раскрыл огромный клубок общечеловеческих, общелюдских противоречий.

Пишущих сегодня много. И, наверное, когда мы беремся за перо, мы исходим из благих намерений. Но справедливо и то, что не все из напечатанного имеет отношение к настоящей литературе. Актуальность ли замысла, важность ли темы не должны быть сами по себе некой самоценностью, ради которой стоило бы написать книгу. Я об этом говорил неоднократно и повторяю снова, что нельзя выдавать мнимое за настоящее. Предмет искусства — не тема, внесенная в графу перспективного плана мероприятий. Когда мы заранее ставим себе целью что-то воспеть, приукрасить, то тем самым мы предполагаем лесть. А лесть порождает и особый стиль — высокопарный и примитивный одновременно, стиль лживой романтики.

Это, между прочим, касается и кино. Вы только вдумайтесь — сегодня все лучшее, что появляется в мировом кино, так или иначе связано с литературой, исходит из литературы, опирается на нее. Добавлю, с настоящей литературой. Кинематограф стал искусством мыслящим, он ведет зрителя к серьезным проблемам, призывает переживать и мыслить. Читатель воспитан на литературе высокого уровня, и потому он не хочет смотреть пустые, развлекательные ленты. А я считаю, что девяносто процентов картин неинтересны. Но зато есть истинные вершины. И, повторяю, большинство из удач в кинематографе основано на использовании материалов литературы.

Айтматов говорил об отражении современной жизни в литературе, а я думал о том, что все произведения писателя пронизывает тема памяти. Памяти о прошлом родного киргизского народа, памяти о погибших в битвах за правду и счастье людей, сознание того, что прошлое всегда с нами. Недаром в книгах Айтматова так злободневно звучат легенды и мифы прошлого. Настолько, что кажется: миф для писателя — это форма его мысли, и благодаря своему слиянию с современным бытием она незаменима. Память о прошлом для Айтматова — и в сути, содержании, «высоком» мифе. Ведь в повести «Белый пароход» мальчик — носитель мифопоэтического сознания — гибнет, когда побеждает потребительское отношение к явлениям бытия. Когда я спросил об этом, писатель ответил:

— Да, я пытаюсь внедрить в современную реалистическую прозу то, что является наследием прошлой культуры: миф, легенду, предание. Ведь и ранее люди пытались осмыслить мир в художественных образах минувшего, и это осмысление имело для каждого времени свою злободневность. С той поры много воды утекло, но я считаю, что элементы мифологического сознания мира можно приспособить, скажем так, к современному способу мышления. Конечно, если это для писателя не самоцель, а поиски новых средств выразительности.

Так что тема памяти для меня важна во многих смыслах. Но прежде всего надо осознать, что такое историческая память, именно она сегодня важна и художнику и читателю. Люди помнят все или должны помнить все. Кто-то верно заметил: тяжело тому, кто все помнит. Так вот, пусть нам будет тяжело, но мы должны не забывать уроков прошлого. И пусть эти уроки влияют на нас во всем: на наше поведение, на наше сознание, поступки. Влияют по-доброму, по-светлому. В связи с этим я мог бы порассуждать и о двух моментах нашей жизни: о воспитании молодежи и об уважении памяти тех, кому мы обязаны преобразованием нашей жизни.

Каждое поколение стоит перед лицом испытаний, перед необходимостью вхождения в жизнь, необходимостью трудиться. Но на рубеже этого вхождения в жизнь есть масса соблазнов, например, за счет других, за счет общества облегчить свою жизнь. Идти по легкому пути легко, и многие этим соблазняются. А когда эти явления начинают быть заметными и далеко не единичными — это уже тревожно. А ведь изначальные принципы воспитания — уважение к старшему, уважение к тому, что сделано для тебя. Уважение памяти. Мы иногда считаем, что овладение тайнами кибернетики равносильно нравственному совершенству. Это ошибочно. И какие бы реформы в образовании, в воспитательной работе мы ни проводили, нравственное совершенствование человека, молодежи остается главной целью. И эта проблема не менее важна, чем проблема постижения новых знаний. Человек должен быть прежде всего человеком, он должен жить в гармонии с подобными ему людьми, в гармонии с природой, он должен быть носителем высоких идеалов.

Меня это очень волнует. Я не случайно обратился в «Ранних журавлях» к выражению именно этих мыслей. А в повести «Пегий пес, бегущий краем моря» я хотел показать, в каких отношениях могут быть поколения людей, что память об отце, брате, деде, о прародителях неотторжима от всей жизни последующих поколений.

Недавно я видел один серьезный японский кинофильм, он шел у нас на Московском фестивале, там тоже страстно и ярко выражается эта проблема отношений между поколениями: в фильме показано, как пожилых людей относят на какую-то гору, чтобы они

не мешали молодым и умирали вдали от них. Фильм этот заставляет думать. Ведь это проблема нравственная, проблема отцов и детей, и она в той или иной форме присутствует и в нашей жизни.

И еще хочу сказать вот о чем. Нам нравится, когда мы видим красивое, добротное здание. Мы восхищаемся архитектором, создавшим его, но не знаем, кто строил этот дом, кому мы, люди, вселившиеся в него, должны быть благодарны. Когда дом строится, к нему не подойдешь, он окружен забором. А почему бы вместо табличек о том, что здание возводит такое-то СМУ или такая-то бригада, управление, не написать, что здание строит такой-то мастер со своими учениками. И указать его фамилию, имя, отчество. Пусть люди радуются заранее, что строительство доверено мастеру, наставнику, человеку, знающему свое дело, значит, дом будет прекрасным. Или наоборот, когда нас буквально на второй день после новоселья далеко не все радует, мы даже не знаем, к кому обращаться за помощью и с кого спрашивать за плохую работу.

В прежние времена возникли города, которыми мы гордимся сегодня. Они украшают землю и поныне. Так почему же мы не всегда делаем достойным внимания то, что должно украшать нашу сегодняшнюю цивилизацию, почему мы не думаем о Памяти потомков? Памяти о нас?

— Чингиз Торекулович, когда вы создавали образы Джамали или Едигея, был ли перед вами отблеск памяти о конкретных людях, ставших героями ваших произведений? Читателю это всегда интересно. Он любит конкретизировать героев своих любимых книг.

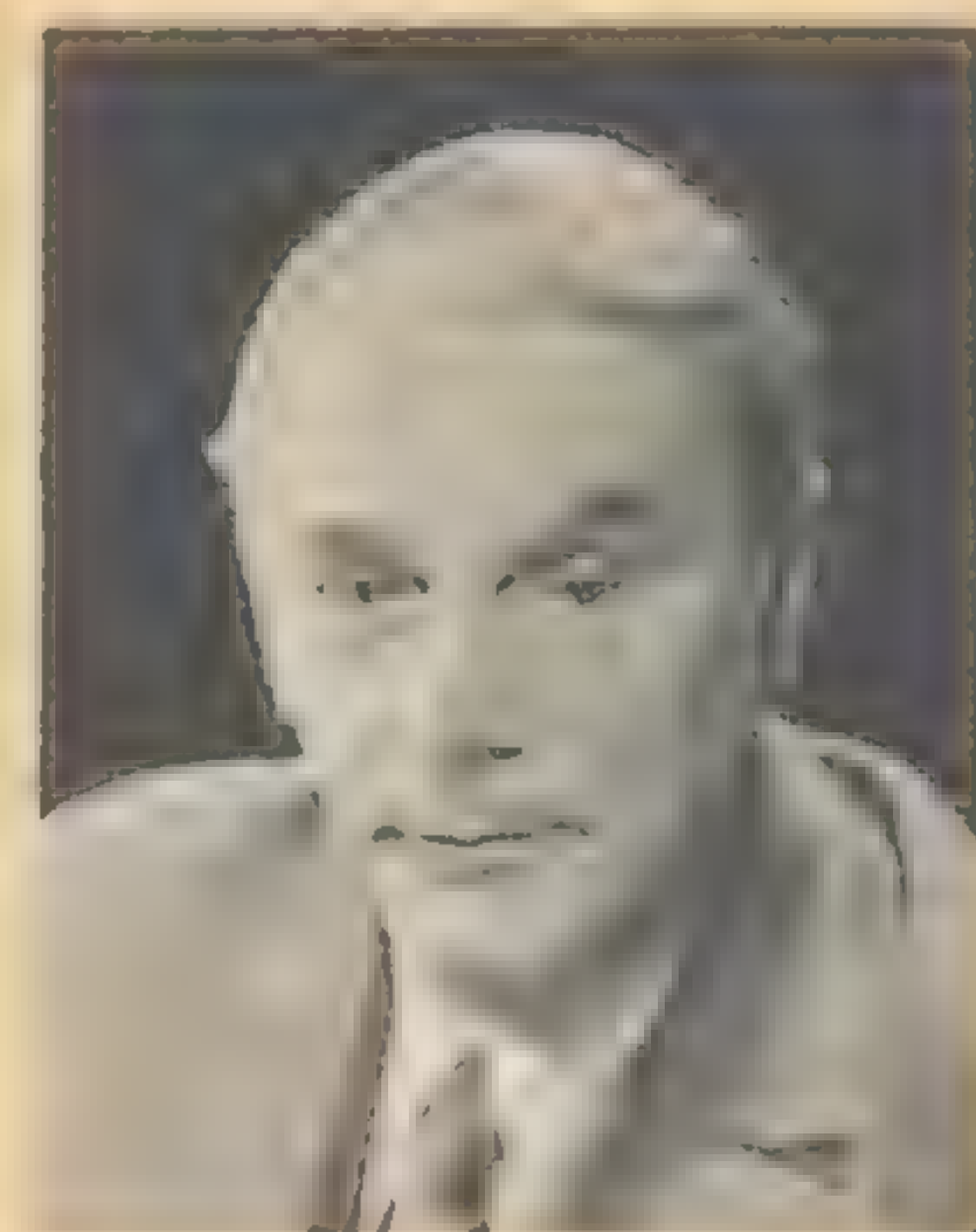
— Не могу сказать, что именно они были на самом деле. Но похожие были, близкие по духу, я их видел, слышал, наблюдал. Я уверен, что и в будущем встречу людей, которые станут героями моих книг, в судьбу которых я смогу вложить все, что мне хотелось бы сказать и о прошлом и о настоящем. Во всяком случае, постараюсь сделать так, чтобы мои герои не были безразличны читателю. И чтобы после прочтения романа или повести кто-то из них мог сказать: «С этим человеком я знаком». Хотя критики и говорят иногда о том, что я фантазирую, но я не фантаст, реализм для меня дороже всего.

Наш разговор затянулся. Чингиз Айтматов говорил о многом, близком ему как художнику, обществу деятелю: о современном кинематографе и проблемах учительства на селе, о театре юного зрителя, который, как считает писатель, должен быть в каждом большом и малом городе, и о творчестве современных киргизских писателей, самых насущных проблемах нашей повседневной действительности, и о французской литературе, о взаимовлиянии наших национальных литератур, и об искусстве будущего. Много Чингиз Айтматов говорил и о читателе, для которого он живет и пишет. О читателе, которого возвышает настоящая литература и которому должен доверять писатель. О читателе, с которым ему хочется встретиться еще и еще раз.

Беседу вел Феликс МЕДВЕДЕВ.

Фрунзе — Москва.

Время двери мои открыло

ЛИТОВКИ

Нет, они другие, нежели ундины
на полотнах гениев золотых времен.
Что-то есть медлительное в их походках
дивных,
как у деревенских деревянных мадонн.
Речи их по ритму — шелест листьев
слаженный,
гул дерев, языческая чистота.
Танцы их похожи на янтарное адажио.
В их узорах вышитых — дятлов пестрота.
Будит землю сонную выстрел утра — в небе
солнце перекачивается ядром.
И плывут литовки полем — словно лебеди,
попыхают щеки молодым огнем.

Опершись о грабли, станут в поле вместе.
Каждая мадонна — наклонна голова.
Какую бы печальную они ни пели песню —
на руках всегда у них качается Литва.
Ведь Литву литовские матери родили,
баловали дочку медом, молоком.
На руках качали, сказку говорили
о зеленой Эгле с игольчатым платком.
Вновь они, как лебеди, проплывают рожью.
Ждут их непогасшие очаги в домах.
Какая бы тяжелая им ни досталась ноша —
вечный огонь не тускнеет на щеках.
Это постоянство выткано ткачами
и кардиограммой вплетено в узор.
Шелестят высокие Эгле и качаются
трудовые Эгле — наш зеленый бор.
Рута, клевер, маки — их кардиограммы —
вытканы на лентах, потому что слов
нету, чтобы сердце выразить словами.
Сердце Эгле знает лишь язык цветов.
Деревянность некая в их руках медлительных,
как у деревенских тех, странных мадонн,
странных до того, что удивляются ундины
на полотнах гениев золотых времен...

ПЕНЗАЖ

Береза за окном, где зимний вихрь вьется,
дорогою пошла искать свое.
Она уйдет и больше не вернется
зеленым пламенем согреть мое жилье.

Оставила меня... Я мучаюсь и маюсь,
гляжу на снежный белый океан...
Жду — будет белый день — последний парус
последнему из могикан...

СЧАСТЬЕ

Солнце то скроется, то снова взойдет над
ясенем.
Счастье — то как не бывало, то снова придет
ниоткуда.

Но я никому не отдам одного счастья —
любить тебя, мою редчайшую руту...
Бывало... Бывало, мне счастье дарило,
встречая в пути, улыбку застенчивую и чистую.
Выпадало мне счастье, когда холмы и долины
отзывались зеленой улыбкой крику чибиса...
Бывало... Бывало, сосны, зиме не сдавшиеся,
белые крылья расправив, машут прощально
земле.

Выйду в поле, где идет битва Жальгириса —
бьются войска ветров. Я стою, обомлев...
Бывало... Бывало всякое... Но, окаменевая
до вечности,

вдруг время двери мои открыло и окнам
вернуло слух.
Слышу ночами, как седой, постаревший ветер
отечества
за дверью побрякивает, словно ночной
пастух...
И печаль одолевает. Грусть, необычайная
жалость.
И пустая, серая брешь начинает в сердце
зиять.
И в топкое болото будней молча я
погружаюсь,
хотя и знаю, что где-то большие звезды
горят...
Солнце то скроется, то снова взойдет над
ясенем,
счастье — то как не бывало, то снова придет
ниоткуда.
Но я никому не отдам одного счастья:
любить тебя — мою редчайшую руту...

КАМЕННАЯ ТИШИНА

В тишине каменной сосны жуют
хлеба ковригу — вечер черный.
И над крышей материнской, словно я плут
или преступник, меня месяц вздернул...
На подошвы налип асфальт, зато
держат за шляпу звезды, не бросают.
В чин космический я возведен — пальто
перьями певчей птицы обрастает...
Но не отпускает — как чертополох,
за меня цепляется — черемуха нежная.
И рукою деревянной литовский бог
мою руку крепко держит...
А над белым кладом стихов моих
вишни в саду смыкаются тесно.
Руки отпустить мои не могут ни на миг
молоко пьющие яблони детства...
Хватает меня за ноги, едва ступлю за дверь,
этот обворованный пыльный проселок.
Он меня пожертвовал далям, а теперь
бегаёт, петляя, ищет по селам...
Мой большак бежит — словно конь плывет
паводком садов, повсюду цветущих,
он бока крутые о летний снег трет,
о деревья старые, о кусты в пущах...
Я истосковался больше, чем дитя
по своей матушке... Отламываю тихо
кусочек большака... А сосны едят
черного вечера свежую ковригу...

МНОГОТОЧЬЕ

Весна полями солнце прикатила
и холст снегов забрызгала с обочин
издалека похожим на чернила
черно-зеленым многоточьем...
И стало непонятно — что такое,
чья копия, чей это беспорядок?
Махнуло солнце сказочно рукою,
и ветер необычно сладок...
И вырастают на холсте гурьбою
зеленые ростки, трава шальная.
Вновь, как и в старину, сама собою
даль открывается такая голубая...
Что остается мне? Весеннему рассвету
протягиваю руку через трассу,
как моему Каспарасу — соседу,
ведущему ремонт и перекраску...

ПОРТАЛЫ

За порталами старыми
суд над ночью идет...

Лжи наросты на яворе
ноябрь соскребет...
С этих яворов взыщется
сполна медяков...
Листопад — это пища
для поэм и стихов...
Если встречей ноябрь
нас с тобою сведет —
вскрикнути птицы на яворе,
вновь листва прорастет.
Ты прости одну вечную
мелочь — глаза.
Только без этой мелочи
ночь очистить нельзя...
Все, что ложью отравлено,
облетает, искря,
с этой черной, картавой
полночи ноября...

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Я маленьким был полон мечтаний безотчетных.

Играю, это ясно, царевича лесов:
царевич, это ясно, о царевне печется,
сулит гостинцев гору и, ясно, любовь.
Он ее в замок звездный отвезти клянется,
где голубю не страшно в трубе вить гнезда,
где воробьям и кошкам идилически живется,
где луны утопают в лужах слез...
Седые вишни замок обвили руками,
он яблонями старыми поработен.
Царевич заколдованный томится в замке
каменном,
печалась, что свободу добыть не может он.
И кочевые тучи и сокол над осокой
царевича с собою уже устали звать.
Но вновь приходит вечер — его тиран
жестокий,
заковывает в цепи — стихи молоть опять.
И лишь царевна с бантом от колдовства
дурного

освободить способна и жизни дать глоток.
Кота он оседлает, раз нету вороного,
помчатся они оба дорогой в городок...
Все... Улетела сказка... Была — как не бывало...
Где замок? Не увидеть — ни тебе, ни мне!
Засни-усни... Немного, конечно, опоздала...
Где замок? — говоришь ты. Остался там —
во сне...

СПАСИБО

«Спасибо» обронила ты
однажды невпопад,
чем очень удивила
вишневый старый сад...
Факиром огнедышащим
плыл в небе месяц, ал,
и сотни искр, тысячи
на землю извергал.
Ты не сумела просто
смолчать на этот раз?
Мне ветер льдинкой острой
поранил глаз...
Казалось — небо льдины
обрушит на людей.
Намылил мне щетину
мороз, как брадобрей.
Бегу быстрее волка...
И следом — полуночное
твое «спасибо» колкое,
как в письмах многоточие...

Перевел с литовского Петр ВЕГИН.

Как ни старался мальчонка со спичечной фабрики Вовка Зеболов быть потише, не сова- ться нуда не следует, все у него как-то не ладилось. Жили они с отцом и старшим братом Мишей полусиротами: мать умерла, когда они были совсем маленькими. А когда перешел в пятый класс, ребята позвали в ближний буерак поглядеть, как рванет сера, перемешанная с солью: рвануло так, что Вовку отвезли в больницу без кровинки в лице. А руки пришлось ампутировать...

Отец, Аким Демидович, сильно напился в тот день и побрел почивать к своим коням. Много лет состоял он при тягловой силе на фабрике «Ревпуть», ухаживал за вороными и чалыми, шил хомуты, поправлял шлеи. С утра возил на станцию ящики со спичками, оттуда — лес. Как мыслил себе глава семьи жизнь понале- ченного сына, допытываться было бесполезно, потому что удался конюх неразговорчивым. А пока что доверил воспитание мальчонки и уход за домом старшему сыну.

Михаил был рослым, догонял отца. Его избрали комсомольским секретарем на фабрике. Он успевал отлично учиться в школе, готовился на рабфак. В руках у него вечно какой-то недоделанный прибор, стамеска или разводной ключ. Мастерил парань ладно, а если не получалось, не стеснялся толкнуться со своими за- тейми к тем, у кого дело шло получше. Живя без матери, он был в доме и за прачку и за на- шевара, не позволял голодать ни отцу, ни бра- тишке. А однажды вечером написал Надежде Константиновне Крупской, рассказал об их жизни.

Весь поселок удивлялся ответу: младшего Зе- болова приглашали в Москву на обследование. Михаил повез брата в столицу. Тогда-то и про- явилась недетская стойкость в ребенке, пере- несшем несколько сложных операций подряд. Мальчик получил возможность выполнять без посторонней помощи кое-какие работы, возвра- тился к учебе. «Брат Миша — самая большая радость моего детства», — не раз вспоминал Владимир Акимович в кругу близких. Однако и эта последняя радость недолго согревала его жизнь. Началась война. Михаил окончил учи- лище и стал командиром. Уже после прорыва блокады Ленинграда во время разминирования одного из пригородов подорвался. Взрывы прес- ледовали семью Зеболовых. Посмертно Михаил был награжден орденом Отечественной войны I степени.

А Владимира война застала студентом Мос- ковского юридического института.

О дальнейшей говорят строки из «Истории Великой Отечественной войны»: «Комсомолец В. А. Зеболов — студент Московского юриди- ческого института — в результате несчастного случая лишился кистей обеих рук. В ЦК ВЛКСМ, куда Зеболов обратился с просьбой послать его в тыл врага, юноше сказали: «Но ведь в мире нигде, никто еще не прыгал в вашем положени- и с парашютом». «Но ведь в мире нигде, кро- ме нашей страны, нет и Советской власти!» — ответил Зеболов. Он был принят в партизан- ский отряд и стал хорошим разведчиком. Вот из таких замечательных, до конца преданных Родине людей, горевших желанием сражаться с врагом в его тылу, и формировались в при- фронтных и тыловых районах нашей страны партизанские группы и отряды».

Так случилось, что Володя попал в отряд Ковпана. Разведку там возглавлял Вершигора. В книге «Люди с чистой совестью» П. П. Вер- шигора много рассказывает о боях и походах, в которых принимал участие Володя Зеболов, о личном вкладе этого разведчика в успех от- ряда. Многие годы они были друзьями и после войны вдвоем написали книгу «Партизанские рейды».

— Сначала мне поручили доставить аккумуляторы к подпольной радиостанции в Во- рожбу, — вспоминает Владимир Акимович. — Это не только физический труд. Полторы сот- ни километров, обходя вражеские гарнизоны, я нес тяжелую коробку со свинцовыми пла- стинами, без которой нельзя было боевому отряду установить связь с Москвой. Шел но- чами. На день закапывал коробку в лесу, а сам шел разведывать путь. Возвращался, забирал коробку и нес дальше. Доставил в целости.

Непосредственный начальник Зеболова, командир разведгруппы И. И. Бережной, ныне полковник в отставке, рассказывает:

— Это случилось после форсирования Дне- пра. Мы поручили Зеболову охрану партизан- ского пункта связи. В то время радисткой у нас была Аня Маленькая. В ушанке и наушни- ках Аня ничего не слышала и не видела, что творилось вокруг. Внезапно дозорные боевого охранения заметили на проселочной дороге штабную легковушку оккупантов, а невдалеке грузовик с карателями. Мы пошли на сближе- ние с машинами, намереваясь отсечь легковуш- ку от грузовика и взять в плен офицера. Кара- тели после первых же выстрелов начали вы- скакивать из кузова автомобиля. Как выясни- лось после, они оказались выпускниками юн- керского училища. В разгар схватки мы как- то упустили из вида «оппель», юркнувший в кусты. Шофер гнал машину прямо на пункт связи. И было в той машине, кроме офицера,

еще двое гитлеровцев. Володя оставался возле радистки один. Он обстрелял машину. Метким огнем уложил всех троих. А потом кинулся нам на помощь.

Удивительные порой выпадают встречи на войне! Рейд С. А. Ковпака, начавшийся в Брян- ских лесах, огненной волной переметнулся на правый берег Днепра. Гибельным для врага смерчем возникали отряды партизан то на бе- регу Буга, то в отрогах Карпат. Основным за- данием Владимира Зеболова стало прощупы- вать маршрут впереди колонны. На тридцать, а случалось, и на сто километров опережал он основные силы. Шел через оккупированные села, возвращался, докладывал обстановку.

Однажды в лесу близ Ровно его остановил окрик часового. Потребовал пароль. Зеболов тут же отозвался. Когда привели в село, Зе- болова представили самому «бате», хозяину здешних лесов. Это был исхудавший высокий человек в кожанке, с чисто выбритым лицом.

— Так вы ковпаковец? — удивился коман- дир. — Не ждал вас так скоро.

Вслушиваясь в мягкую южную речь послан- ца от Ковпака, офицер уловил несколько слов, которые были в ходу лишь в Придеснянском краю. Осторожно спросил:

— Вы не брянский случайно?

— Злынковский, — уточнил Зеболов, улыба- ясь. Он уже догадался, кто перед ним. — Мы с вами земляки, Дмитрий Николаевич.

— Сейчас все земляки, кто бьет оккупан- тов, — подчеркнул Медведев. — Как там наша Бежица? Слышали что-нибудь?

Ковпаковец принялся торопливо рассказы- вать.

В. А. Зеболов.
Фото 1947 года.

...ПРОЯВИЛ СЕБЯ БОЙЦОМ

РАССКАЗ О ЧЕЛОВЕКЕ,
ВСЯ ЖИЗНЬ КОТОРОГО — ПОДВИГ

«Проговорили всю ночь, — вспоминал Вла- димир Акимович. — Медведеву было все инте- ресно, чем жили в те годы его земляки. Гла- за стали печальными, когда узнал о чудовищ- ных разрушениях в городе его юности».

Так, вдалеке от родных мест, на военной тро- пе познакомились два брянца, каждый из ко- торых внес весомый вклад в разгром врага. И после победы они не раз встречались. Как историк, Владимир Акимович много времени отдал сбору материалов о Дмитрие Медведе- ве, не раз о нем писал.

О Владимире Зеболове часто говорят как о соратнике Ковпака и Руднева. Он был близ- ким другом этих замечательных людей. В Ки- евском музее Великой Отечественной войны хранится документ за подписями двух парти- занских генералов. «За время пребывания в партизанском отряде тов. Зеболов принимал участие в ряде боев, где проявил себя смелым, самоотверженным бойцом. Неоднократно участ- вовал в дальних разведках, добывая ценные сведения не только для нашего отряда, но и для всей Красной Армии. За мужество и героизм, проявленные в боях с фашистами, тов. Зеболов представлен к правительственной на- граде». Подписи: С. А. Ковпак, командир соеди- нения; С. В. Руднев, комиссар.

А всего В. Зеболов был удостоен правитель- ственных наград восемь раз.

Кто из фронтовиков не помнит первых ме- сяцев после Победы? Четыре огненных года, казалось, состарили людей того поколения. Считал ли себя двадцатичетырехлетний Володя Зеболов юношей, начинающим жизнь? Едва ли. Но ему казалось, что от книг отошел на- всегда. В институте он не показывался и даже не напомнил о своем студенческом звании, о

праве на учебу. Поступил в техникум. Немно- го поработал в системе кооперации и понял, что он не хозяйственник. И тогда Зеболов сда- ет экзамены в пединститут.

То было интересное время: студента не от- личишь от преподавателя — все в гимнастер- ках, шинелях, бушлатах. На лекциях и коллок- виумах по новой истории гремели споры о том, что видели их участники совсем недавно, отстаивая и историю и право на жизнь всей страны. Вчерашний народный мститель Лаза- ренко преподавал историю древнего мира, то и дело обращаясь за героическими сопостав- лениями к героям Брянских лесов. Ему вто- рил исследователь недавних боев и тоже кад- ровый офицер Хонкин. Эти люди научили Владимира Зеболова методике научного ис- толкования фактов общественной жизни, чут- кому отношению ко всему, что сберег народ, пронесся через страдания.

Кроме курсовых работ и дипломной, Влади- мир Зеболов исподволь готовил ряд научных исследований. Одно из них, об организации рейдов по тылам врага, стало темой диссер- тации для соискания ученой степени кандида- та наук.

Мирная часть жизни Владимира Акимовича Зеболова столь же щедра на отдачу, как и военная. Помимо обучения и воспита- ния молодежи, доцент Зеболов вел разнооб- разную общественную работу. Он избирался кандидатом в члены обкома КПСС, в партий- ное бюро вуза, был делегатом XIV съезда профсоюзов. Лет пятнадцать возглавлял мето- дический совет при Новозыбковском педин- ституте.

Как-то в квартиру известного партизана и краеведа постучали гости из столицы парти- занского края — знаменитой Сечи: дружина юных следопытов просила у Владимира Аки- мовича разрешения носить его имя.

Преподаватель института В. А. Зеболов мно- го лет отдал систематизации трудов своих кол- лег. Немало сил ушло на участие в подготов- ке третьего тома «Истории Великой Отечествен- ной войны». Его перу принадлежит историогра- фия партизанского движения на Брянщине. По- мог ученый и Воениздату с выпуском докумен- тальных произведений «Партизанские были» и «На партизанских дорогах». Имя ученого-пат- риота значится под двумя исследованиями о польско-советских отношениях, написанными для зарубежной прессы. Давней мечтой В. А. Зе- болова было создание всеобъемлющей историо- графии о борьбе партизан и подпольщиков в годы гитлеровского нашествия. Во многом он преуспел и в этой работе.

И в шестьдесят он выглядел молодо. Широ- ко вышагивая, он рано утром обходил для разминки ближние кварталы города. Не за- ходя в дом, отправлялся на занятия в инсти- тут, стоящий от его жилища за несколько ки- лометров. Когда говорили о его бодрости, подтянутости, аккуратности, Владимир Акимо- вич отвечал древней притчей: «Проповедник должен быть сам благообразен».

На лекции или просто встречах с юными в образе этого не сдавшего годами невзгодам чело- века являлась как бы сама героика. В пример юношам, мечтающим о подвигах, безвремен- но ушедший от нас Владимир Акимович Зебо- лов был герой истинный, добившийся призна- ния и славы беспрестанным преодолением трудностей.

ЗА УРЕНГОЕМ — ЯМБУРГ

Александр ПОПОВ,
фото Геннадия КОПОСОВА,
специальные корреспонденты
«Огонька»

ЧТО ЕЩЕ МЕШАЕТ ОСВОЕНИЮ НОВОГО ГАЗОКОНДЕНСАТНОГО МЕСТОРОЖДЕНИЯ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

ПОЛЯРНАЯ ОЦЕНКА

Обычно Константинов крайне сдержанный человек. На этот раз он был просто в бешенстве. Ночью в Уренгое из-под носа троих сопровождающих украли контейнер с запчастями.

— Находятся же люди! — в сердцах вырвалось у Владимира Михайловича. — Тут работаешь, работаешь... Вся экспедиция выкладывается! И на тебе — такие сюрпризы. Расстояния у нас сумасшедшие. С доставкой, понятно, не балуют. Техники прорва... Каждому винтику рад! И вот... — Он развел руками. — Причем это не первый раз. И не только с нами... В семье не без урода.

Что можно было предпринять Константинову в этой неприятной истории. Обрушиться на сопровождающих? Но это значило просто сорвать на ком-то зло. Не спать же было им в уренгойском порту рядом с контейнером на морозе. Словом, начальнику Тазовской нефтегазоразведочной экспедиции оставалось только уповать на оперативную сметку милиции и считать разговор законченным.

— Я в здешних краях уже прилично... Скоро двадцать лет, — после небольшой паузы снова заговорил Константинов. — Много всякого люду приходилось встречать. Часто задумывался: кто приезжает и живет на Севере? И вот к какому выводу прихожу... Здесь есть две четко обозначенные группы людей. В одной вот такие флибустеры, что тащат, гребут под себя, нисколько не думая о том, что где-то в тундре буровая может остановиться, машина сломаться, что кому-то может стать плохо, кто-то может погибнуть, замерзнуть. Не говоря уже о том, что налаженное дело сотен людей пойдет насмарку. Ведь ту же буровую, если она остановится, неделю зимой не запустишь... Со знания у таких ни на грош. По Северу готовы карфагеном пройти: не щадят ни зверье, ни птицу, ни природу. Только чтоб самому было хорошо — сыто и богато. И есть здесь совсем иная разновидность людей, — продолжал Владимир Михайлович, — людей удивительных, просто замечательных. Надеюсь, вы еще познакомитесь с ними... Главное, что их отлича-

ет, — это бескорыстие. Не надо улыбаться... Бескорыстие не в том смысле, что они какие-то бесребреники. Конечно же, и они не даром здесь трудятся, в трудных северных условиях. Но они верно служат Северу, любят его, живут не ради того, чтобы взять отсюда все, что можно, а чтобы сделать здесь жизнь лучше, теплее. Они приходят сюда не на время, а навсегда. От этого, видимо, и живут тут подолгу, не думая сниматься на «материк». В чем конкретнее проявляется их характер? Да хотя бы в той же нашей повседневной работе.

Экспедиция оконтуривала и защитила Ямбургское месторождение по газу. Сейчас начинаем бурение на большие глубины. Думали, что, кроме газа, здесь ничего нет. А поглубже оказалось и нефти и газоконденсата прилично. Все дальше экспедиция уходит на Север, к новым месторождениям, на новые, необжитые места. Прodelать такую работу без любви к своему труду, без энтузиазма, думаю, было бы невозможно... Обустраиваясь здесь прочно, навсегда, такие люди приносят на Север многое, что изобретено цивилизацией. Взять, например, наш базовый поселок Газ-Сале. За последний десяток лет они сделали из заштатной геологической точки в Заполярье благоустроенный культурный центр. Пробурили рядом скважину и провели в дома газ. Теперь в наших квартирах, как в крупных городах, постоянно горячая вода. Построили спортивный зал, клуб, баню с сауной, магазины, гостиницу, детские сады, теплицу, ферму, наконец. Теперь наши дети круглый год пьют настоящее цельное молоко. А летом, когда надои повыше, оно продается свободно. И это только начало... Вот такие мысли вызывают иногда некоторые частные случаи, — улыбнулся Константинов, видимо, снова вспомнив о контейнере. — Завтра, если будет погода, слетаем в тундру, на буровую. Поговорите там с людьми... Навязывать свое мнение не хочу.

ДИАЛОГ НА БУРОВОЙ

Вот уже более часа наш вертолет болтается в полом пространстве огромного бело-голубого шара. Небо, понимаю, вверху. А о земле напоминает только солн-

це, низко катящееся по обручу горизонта, да длинные, спутанные, как разлетающиеся по ветру космы, многочисленные рукава рек. Ни следа, ни дымка. Да и кто, кажется, рискнет здесь жить, в этих диких ледяных пространствах... Но нет, мы летим к людям, и где-то впереди, в центре Тазовского полуострова, жилье, очаг, тепло.

И все же, как ни настраиваешь себя на теплую волну встречи с оазисом жизни в вымерзшей тундре, однако неожиданно мелькнувшие в иллюминаторе стройная елочка буровой и десяток вагончиков кажутся чем-то нереальным, бог весть откуда взявшимся в этой белой пустыне. Вертолет делает круг и зависает над посадочной площадкой... Он высаживает нас на 128-ю буровую, в бригаду Владимира Головченко, а сам улетает с грузом дальше, в другие партии. И обрывается связь с привычным, большим миром. Тоскливо сжимается сердце. Становится как-то не по себе.

— Ничего, вернется, — как бы читает мое настроение бригадир, — пурги не ожидается... Я в этих краях, считай, скоро на второй десяток пойду, а тоже все не могу привыкнуть к частым встречам-расставаниям.

...Мы сразу разговорились откровенно и по душам. Хотя мне намекали, что Головченко — человек замкнутый, слово из него щипцами тянуть надо... Но суть не в этом. Будем считать, что мне просто больше повезло.

Владимир — северянин уже второго поколения. Его отец, Борис Дмитриевич, пятнадцать лет работал здесь геологом. Он и на пенсию в 74-м уходил отсюда, из Тазовской экспедиции. И в тот же год прислал вместо себя сына. Володя к тому времени окончил нефтяной техникум. Думал стать нефтяником, как дед, но тут отец убедил попробовать Севера. Распробовал младший Головченко, вошел во вкус и сейчас, судя по всему, не тужит, что послушался батьку. Женится на Севере. Получил в Газ-Сале удобную квартиру. На Севере родились у него дочь и сын. Кто знает, может, и они пойдут в отца.

— А по дому, видно, скучаешь, — говорю я, вспоминая первые минуты знакомства. — В семье ведь не часто приходится бывать?

— Когда погода летная и дело движется, через девять дней на три выходных летаем на базу. А бывает, и месяцами у своих не появляешься.

— Но за вашей работой, наверное, в суете, горячке разлуку и не замечаешь?

— Не всегда... Иногда так прихватит! Хотя, конечно, в нашем деле, бывает, в такой аврал влепишь, что все на свете забываешь. Горячая работа! Буровая молотит круглосуточно. За ней глаз да глаз нужен, а не то беду наживешь. Вдруг выброс... Приходилось видеть, что это такое? Страшный столб огня на сотню метров. Вышка сгорает мгновенно. Но такое случается от большой халатности. А так бурение — это очень интересно. Каждая скважина имеет свой характер...

— А сколько их было на Ямбургском месторождении?

— Что-то около двадцати... За пять лет, что мы на этих площадях, все разве упомянешь... Быстро летит время. Кажется, еще совсем недавно здесь, кроме олешек да непуганого зверя, ничего не было. А теперь, слышал, Ямбург — целый город будут закладывать. Да и нашего брата, геолога, в тундре все прибавляется. Бурим все больше и глубже.

— Здесь, на этом месте, давно начали?

— Хорошо помню, седьмого ноября.

— В самый праздник! — невольно вырвалось у меня.

Головченко улыбнулся:

— Ничего не поделаешь... Служба такая. Темпы и еще раз темпы... Стране нужны наш газ и нефть. Так что бывает не до праздников. Вот сегодня минус сорок, хорошо, еще ветра нет, а работа продолжается. Лишь бы металл выдержал. А то, бывает, когда сильные морозы, стукнешь неаккуратно ломиком по трубе, а она, как сосулька, колется.

— А люди? Не разбегаются от такой работы?

— По-разному... Текучка в бригаде, чего греха таить, большая. Не каждый, конечно, выдержит в наших условиях. Но таких, чтоб кому-то был резок противопоставлен северный климат, к нам попадает крайне мало — единицы. Приходят и уходят по другим причинам. Тут дело в особой психологии этих перелетных птиц. Ведь собирают они вещи не сразу, а через два-три года. Когда взято все, что можно на этом месте, подчистую. О, это особые натуралы! И их, представьте себе, сразу видно. Ведь мы работаем в поле небольшим коллективом, где каждый как на ладони.

— Не понял... Что это за люди? И чем они отличны от других?

— Какой-то патологической страстью к деньгам. Приезжают сюда только за длинным рублем.

Набивают быстро мощну — платят здесь прилично, — и поминай как звали. Ничто их не волнует, кроме своей выгоды. Одно на уме: урвать, хапнуть побольше...

Головченко пристально, даже как-то чересчур пристально, посмотрел на меня:

— Страшный это народ! — выдохнул он. — Работы хорошей от них не жди. Не уследишь, обязательно схимчат: делу в ущерб, себе на пользу. Технику калечат, рвут... Трактор утопить в болоте — для них раз плюнуть, мол, Север все спишет. Ведут себя как варвары: сто раз другому скажешь ездить только по одной трассе, — колея в тундре не затягивается сто лет, — нет, обязательно срежет и попрет там, где ему удобнее. Летом бросить окурок в сухой ягель — пустячок! Подумаешь, сотня гектаров оленьих пастбищ выгорит: тундра большая... Спустить нефть в протоку — тоже полбеда. На природу начхать! Он не собирается здесь долго задерживаться. Главное — сколотить денег и убраться в теплые края.

Верно говорят: такой человек страшнее зверя. Для Севера, куда отпускается немало и где всего еще так много, — это страшный бич. Тут большая проблема стоит перед всеми...

Головченко, сам того не подозревая, во многом повторил рассуждения Константинова о людях, мягко скажем, нежелательных для Севера. Неожиданно вспомнилась встреча за несколько дней до прилета на буровую с директором оленеводческого совхоза «Антипаютинский» Василием Филипповичем Мудрицким. «У нас в хозяйстве три миллиона гектаров пастбищ, — рассказывал директор, — кажется, очень много... На них пасется сорок тысяч оленей. Так вот: через десять — пятнадцать лет оленей в наших краях не будет. Если, конечно, не изменится отношение к тундре геологов и промысловиков... Это абсолютно точно. Мы уже подсчитали, какими скорыми темпами будет сокращаться поголовье от не менее быстрого сокращения пастбищ. По сути, безвозвратного сокращения... А ведь освоение месторождений в наших краях только начинается. Можно представить, как загудит, застонет скоро тундра».

«Как же быть?» — спросили мы. «Я оговорился вначале, — ответил Мудрицкий, — что невеселые прогнозы могут сбыться, если не изменится отношение к природе пришедшего сюда человека. Остановить разработку полезных ископаемых нельзя. Штрафовать, преследовать по закону тех, кто не щадит природу, — полумеры. За каждым не уследишь, а организациям все равно, в какой карман переложить деньги. Выход, повторяю, видится в изменении отношения человека к окружающему миру. Правда, это слишком общо сказано. И все же единственное, самое надежное убежище, где еще может спастись природа, — это наше сознание...»

Об этой встрече я рассказал Головченко.

— Похоже, директор совхоза не зря носит свою фамилию — Мудрицкий, — пошутил Володя. И уже серьезно добавил: — Правильно рассуждает мужик. Если мы сейчас не покончим с рвачеством, иждивенчеством, то загубим Север. Да и дело, ради которого пришли сюда, тоже пострадает. Не может человек разумно хо-

зяйствовать, если он печется только о своей персоне. Растратит он быстро все богатства Севера и пустит по ветру. А надо, чтоб их хватило не только нашим детям, но внукам и правнукам. Иначе ради чего мы здесь так размахиваемся.

ЗДЕСЬ БУДЕТ ЯМБУРГ

Уверен, что своей последней фразой Головченко подразумевал и строительство нового города Ямбурга. Слишком у многих он здесь на языке. И слишком много с ним связано надежд и упований. На то свои причины. Одна из них такая: с дальнейшим наступлением на Север вахтовый метод все больше обнаруживает свою непригодность для работы в здешних чрезвычайно сложных условиях. Здесь пурга неделями: из Обской губы дует, как из аэродинамической трубы. Естественно, на авиацию надежда плохая. Только город с постоянным населением даст возможность быстро освоить месторождение.

Мы были в Ямбурге — пока еще небольшом поселке газиков, — когда там пускалась первая эксплуатационная скважина. Но уже в конце зимы сюда должны приехать шесть буровых бригад.

— Дела разворачиваются... Люди едут, — вводил нас в курс начальник производственно-диспетчерской службы объединения «Надымгазпром» Григорий Павлович Заценко, — все теперь упирается в переброску оборудования и стройматериалов. Только в этом году мы должны сдать жилья на десять тысяч человек. По плану же население города удвоится.

— А сколько сейчас живет в поселке?

— По сравнению с тем, что будет, смешно сказать: двести человек... Но и большие реки начинаются с ручейков. Сейчас бьем зимник, пойдут грузы. Все оживет, закрутится стремительно. Летом начали строить порт, уже есть первые десять метров причальной стенки. Так что будет здесь Ямбург — современный город далеко за Полярным кругом... Но надо спешить. С поставками пока трудно. В навигацию не все успели завезти. А через два года мы должны уже давать промышленный газ. Впереди горячие деньки... Захочешь, нарочно не замерзнешь.

Заценко улыбнулся своей шутке. Но, взглянув за окно, где надсаживал грудь разбойничьим свистом ветер, озабочился:

— Как бы вам не застрять. Погода портится. Я и так удивился, когда услышал ваш вертолет: что, думаю, за сумасшедшие летят в такую выю... Вы приезжайте к нам летом, года через три. Будет что посмотреть тогда.

Мы пообещали приехать. Очень хочется увидеть новый город в тундре. Встретиться и послушать людей, которые здесь будут жить и работать. Узнать, что их радует и огорчает. Пожить их заботами, окунуться в их проблемы. Разочароваться или вернуться с радостью, что не зря когда-то подолгу толковал с хозяйственным взрывным Константиновым, совестливым трудягой Головченко, заботливым владельцем своей земли Мудрицким... Взглянуть на тундру... Какой она станет? Не будем гадать сейчас. Время покажет.

Уренгой — Газ-Сале — Ямбург.

Мария вновь у себя дома.

Фото автора

**СОВЕТСКИЕ ВРАЧИ ВЕРНУЛИ ЗДОРОВЬЕ
12-ЛЕТНЕЙ ГРЕЧЕСКОЙ ДЕВОЧКЕ.
КАК ЭТО ПРОИЗОШЛО?**

Исцеление

**Г. ЛИТВИНОВА,
доктор экономических наук**

Так случилось, что я оказалась с начала до конца свидетелем этой истории. И теперь, когда я побывала в Греции и убедилась, что счастье вновь поселилось в доме Филиппатосов, я хочу рассказать все по порядку...

Как-то вечером мне домой позвонила председатель советской женской комиссии Международной ассоциации юристов-демокра-

гов Нина Сергеева. «Послушай, — сказала она, — не можешь ли ты встретить приезжающего из Афин Константина Филиппатоса с 12-летней тяжело больной дочерью: греческие врачи оказались бессильны помочь девочке. Их надо отвезти в Центральную стоматологическую клинику. Учти: ни отец, ни дочь ни слова не знают по-русски, но оба говорят по-английски».

И вот я встречаю их. Тоненькая прелестная девочка с длинными волосами и любознательными глазами. Она ничего не знает ни о своей обреченности, ни даже о болезни. Знает только, что одна щека у нее немного опухла и больше другой. Озабоченный худощавый мужчина лет 40—45 — ее отец. Он все знает о болезни дочери. У нее сосудистая опухоль нижней челюсти, которая через несколько лет может привести к самому печальному исходу. Об этой болезни он прочитал всю доступную ему литературу, консультировался с европейскими специалистами и знает, что для спасения жизни девочки необходима сложнейшая операция. Такого рода операции делают только в США и в Советском Союзе. Но в США за лечение надо заплатить огромную сумму. Таких денег простой рабочей семье никогда не достать. Что же делать?

При содействии Советского комитета защиты мира и женской комиссии Международной ассоциации юристов он обратился в Министерство здравоохранения СССР: не помогут ли советские врачи, не спасут ли его Марию? И вот он здесь. Надеется на спасение девочки, но еще не верит, что пребывание Марии в больнице и ее лечение бесплатно.

Консилиум в госпитале длился более двух часов. А потом профессор Н. Н. Каспарова и А. А. Колесов не только и даже не столько спрашивали Константина Филиппатоса о болезни дочери, сколько терпеливо отвечали на его многочисленные вопросы. Им были понятны тревоги семьи Филиппатосов с тех пор, как те узнали о болезни дочери.

Какова степень риска операции? Специалисты говорили, что сейчас, когда девочке нет и 12 лет, делать операцию опасно. Так ли это? Не приведет ли операция к обезображению лица? Да, он боится, что дочь потом ему скажет с упрямством: «Папа, зачем ты спасал мне жизнь, если я при этом стала некрасивой».

Отцу объяснили, что операция действительно очень опасна, и именно сейчас, в 12 лет, но тем не менее откладывать ее нельзя. Успокоили, что проведенная по методу Н. Н. Каспаровой операция не лишит Марию красоты. Деформация лица не только не усилится, но, возможно, совсем исчезнет, так как спадет имеющаяся сейчас опухоль щеки.

Консилиум затянулся. Филиппатос понимал, что операция неизбежна, но надо обсудить детали, они тоже важны. Он — единственный кормилец в семье — должен вернуться на работу в Афины, но как оставить здесь больного ребенка, не знающего ни слова по-русски, не имеющего в Москве ни родных, ни друзей? «Друзья у Марии в Москве найдутся», — заверили мы отца. — Члены советской женской комиссии будут поочередно навещать девочку».

Послеоперационный период ожидается длительным и сложным, потому желательным, чтобы рядом с девочкой была ее мать, решили врачи. «Но ведь проживание в Москве моей жены, Хрисафо Филиппатос, потребует больших материальных затрат, нужны деньги на дорогу, гостиницу, — волновался отец Марии. — Кроме того, жена окончила лишь начальную сельскую школу и не знает ни русского языка, ни английского». Но и эту проблему мы решили. Хрисафо приезжает в Москву по моему приглашению и живет в моем доме.

Через день Филиппатос уехал в Афины, поручив дочь заботам медицинского персонала детского отделения Центральной стоматологической клиники.

Начиналась подготовка к операции. Она была сложной и длительной: Мария прошла курс облучения, что несколько снизило риск операции. Девочка подружилась с детьми, тоже находившимися на лечении в детском отделении. Так появились у нее первые советские друзья-сверстники, с которыми она начала разговаривать. Почти ежедневно ее навещали взявшие над ней шефство советские женщины.

Вскоре в Москву приехала мать Марии. Поселилась у меня. Объясняться нам помогали друзья, знавшие греческий. Но главным переводчиком стала сама Мария. Каждый день она звонила мне из больницы, и я по-английски объясняла, что надо передать маме, а затем брала трубку Хрисафо, и Мария переводила ей мои слова на греческий, а то, что хотела сказать Хрисафо, — мне — на английский. После операции этот способ общения был исключен. Мария несколько дней не могла говорить. Мы с Хрисафо должны были без переводчика понимать друг друга. Так появился у нас свой собственный русско-греческо-англий-

ский язык, на котором мы с Хрисафо объяснялись довольно бойко.

Я уже и раньше замечала: случается, что два человека говорят каждый на своем языке, а понимают друг друга, потому что велико желание понять. А порой говоришь с человеком на одном языке — и никакого понимания. Так тоже бывает. Мы с Хрисафо обе женщины, обе матери, и понять друг друга нам было не сложно.

Как мы волновались накануне операции! Хрисафо вздрагивала от каждого телефонного звонка. Хотя нас предупредили, что раньше 12 часов дня нам вряд ли стоит приезжать в больницу, мы отправились туда с самого раннего утра.

Операция длилась 6 часов — сложная, ювелирная. Снизу, под челюстью, делаются надрезы, через которые убирается пораженная ее часть. Образовавшиеся пустоты заполняются особой имплантированной тканью и как бы обшиваются петельным швом. Впоследствии все это должно срастись... и образоваться новая челюсть. Разрезы в низу челюсти, а также на шее зашиваются косметическим швом, который со временем почти не будет заметен.

Наконец, хирург профессор Н. Н. Каспарова вышла из операционной. Вид у нее был чрезвычайно утомленный. «Операция закончилась благополучно», — устало сказала она нам спасительные слова. Потом, когда Нина Николаевна немного пришла в себя и мы стали повторять слова благодарности, она, словно оправдываясь, говорила, что операция не только ее заслуга, что прекрасно поработал весь медицинский персонал, особенно анестезиологи, ведь от них жизнь девочки зависела не меньше, чем от хирурга. «Какая она добрая и скромная!» — восхищалась потом мама Марии.

В первое время после операции тревога не покидала нас, но через полтора месяца стало ясно, что все идет хорошо, осложнений не предвидится. Хрисафо, ставшая уже моей подругой, почти сестрой, вернулась в Грецию, оставив выздоравливающую девочку на попечение врачей и приобритенных в Москве общих друзей. Мария теперь уже неплохо понимала русский язык, но говорить почему-то стеснялась. Однажды я попросила своего сына навестить Марию и рассказать ей о разговоре с ее родителями, звонившими накануне из Афин. Увидев, каких трудов ему стоит разговор на английском (он в нем не очень силен), Мария вдруг произнесла: «Саша, говори по-русски», — и застенчиво засмеялась. Оказывается, она могла уже довольно свободно объясняться на нашем родном языке.

Лечение подошло к концу. Я приезжаю в институт, где Мария проходила курс послеоперационного облечения, и сообщаю радостную весть: билет на самолет Москва — Афины у меня в кармане и дня через два Мария будет дома. Я хотела ее обрадовать, но реакция на мое сообщение самая неожиданная: Мария заплакала. «Я не могу уехать из Москвы: здесь друзья», — повторяла она. Да, она не может расстаться с мальчиком, который, выписавшись из больницы, регулярно навещал Марию, приносил любимое мороженое; с подружками,

которые навещали ее и писали письма. «Вы еще увидите, ты будешь писать им из Афин», — утешаю я девочку.

Накануне отъезда из Москвы мы отправились погулять по городу. Ходили по Кремлю, катались на теплоходе по Москве-реке. Погода для мая была ужасно холодная: дождь со снегом и ветер. У Марии на глазах были слезы, от холодного ветра или потому, что прогулка наша прощальная? «У нас такая погода зимой, а у вас и летом зима», — говорила Мария, но добавила: «Все равно у вас хорошо»...

А недавно я снова встретила с девочкой. Семья Филиппатос пригласила меня провести отпуск у них в Греции...

Корабль «Лев Толстой» входит в порт Пирея. Еще издали вижу Марию с огромным букетом роз. Ее легко узнать — хорошенькую, с теми же длинными, распущенными по плечам волосами. Рядом ее отец. Мария уже нашла меня в толпе пассажиров, что-то взволнованно кричит. Пока корабль швартуется, мы машем руками, Мария при этом еще и подпрыгивает. Стоящая рядом со мной соседка по каюте, которой я в пути рассказала историю моего знакомства с греческой семьей, даже прослезилась, умиленно глядя на нас. Наконец-то можно сойти на берег. Объятия, поцелуй! Мы встретились, как самые родные люди.

За праздничным столом нас ожидала Хрисафо, тоже похорошевшая и помолодевшая за этот год. С нее свалилась самая тяжелая ноша — тревога за жизнь младшей дочери.

Естественно, первые вопросы — о здоровье Марии. Девочка чувствует себя хорошо. Правда, стала еще более упрямой, но это, видимо, издержки переходного возраста. Очень много занимается. Помимо гимназии, где она, несмотря на длительную болезнь, не пропустила ни одного года, Мария ходит в вечернюю русскую школу, организованную при обществе дружбы «Греция — СССР». Я волнуясь: целесообразны ли для девочки, перенесшей такую тяжелую операцию, столь многочисленные нагрузки? «Нам пришлось покориться», — отвечают родители, — дочь серьезно заявила, что скорее бросит гимназию, чем русскую школу». Ходит она туда с радостью, тем более что там же, в обществе «Греция — СССР», можно посмотреть советские кинофильмы, встретиться с людьми, интересующимися Советским Союзом — страной, где у нее теперь столько друзей.

Видимо, в мире существует закон сохранения доброты. Правда, не всегда человек, которому ты сделал добро, вернет его тебе же. Нередко он расплачивается за полученное добрыми делами для других. Но важно, что доброта не пропадает. Сделай доброе дело, и мир станет чуточку добрее.

Семья Филиппатос подарила мне прекрасную возможность познакомиться с Грецией и ее народом, делала все, чтобы мое пребывание в этой стране было интересным, незаслуженно вознаграждая меня и за талант хирурга Н. Каспаровой и за душевность других женщин, помогавших Марии, заботившихся о ней в Москве, за всех моих друзей, за доброту моей большой страны.

Профессор Н. Н. Каспарова ведет прием.

Фото А. Козьмина.

В. Сварог. 1883—1946. ПОРТРЕТ ДЕВОЧКИ.

Омский музей изобразительных искусств.

Ф. Васильев. 1850—1873. ПЕЙЗАЖ.

Омский музей изобразительных искусств.

ЗА ИСКУССТВО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ

Е. ЗАЙЦЕВ,
кандидат исторических наук

Путь развития и становления советского изобразительного искусства — сложный, порой противоречивый, но в конечном итоге всегда поступательный, предстает перед читателем на страницах книги «Русская советская художественная критика». Это сборник документов — партийных постановлений, статей В. И. Ленина, А. В. Луначарского, а также художников и теоретиков искусства. Он подготовлен Научно-исследовательским институтом теории и истории изобразительных искусств Академии художеств СССР и стал своеобразным продолжением издания «Русская прогрессивная художественная критика второй половины XIX — начала XX века», вышедшего ранее.

Хрестоматия открывается работами В. И. Ленина по вопросам культурного строительства. В статьях «Задачи союзов молодежи», «Успехи и трудности Советской власти», «Странички из дневника» Владимир Ильич четко сформулировал эстетические основы социалистического искусства. «Без ясного понимания того, что только точным знанием культуры, созданной всем развитием человечества, только переработкой ее можно строить пролетарскую культуру — без такого понимания нам этой задачи не разрешить», — говорил Ленин, выступая перед молодежью. И далее: «Пролетарская культура должна явиться закономерным развитием тех запасов знания, которые человечество выработало под гнетом капиталистического общества, помещичьего общества, чиновничьего общества. Все эти пути и дорожки подводили и подводят, и продолжают подводить к пролетарской культуре так же, как политическая экономия, переработанная Марксом, показала нам то, к чему должно прийти человеческое общество, указала переход к классовой борьбе, к началу пролетарской революции».

Ленинские мысли стали своеобразным фундаментом для понимания характера, направленности и содержания искусства народа, совершившего Великую Октябрьскую социалистическую революцию. Они были маяком в борьбе против формалистических, вульгаризаторских, субъективистских реакционных течений.

Декрет «О памятниках республики», постановление «Об утверждении списка памятников великим людям» и «Список лиц, коим предположено поставить монументы в г. Москве и других городах РСФСР», резолюция ЦК РКП(б) от 18 июня 1925 года «О политике партии в области художественной литературы», выдержки из постановления ЦК ВКП(б) от 15 августа 1931 года «Об издательской работе»... Во всех партийных документах четко определена воспитательная роль литературы и искусства, их место в общем строю «социалистической стройки и классовой борьбы», задачи формирования нового человека. При выдвижении программы монументальной пропаганды в молодой Стране Советов имелось в виду не просто создать и установить скульптурные изображения великих деятелей социализма, революционного движения, науки и культуры, а сопроводить их художественно-решенными текстами и музыкальным оформлением. Как подчеркивал первый нарком просве-

щения А. В. Луначарский, «Комиссариат просвещения, по инициативе Председателя Совета Народных Комиссаров тов. Ленина, приступит скоро к агитации нового образца, к агитации и пропаганде монументальной... Памятники будут открываться по воскресеньям. Открытие будет сопровождаться речью о значении данного лица, иногда чтением отрывков из его произведений и, конечно, музыкой. К участию будут приглашаться рабочие, культурно-просветительные организации и все учебные заведения. Вечером в тот же день в каком-нибудь из больших театров будет устраиваться спектакль или концерт, посвященный чествуемому лицу... Такие памятники будут служить местом паломничества для разного рода курсантов, учеников школ и т. д.».

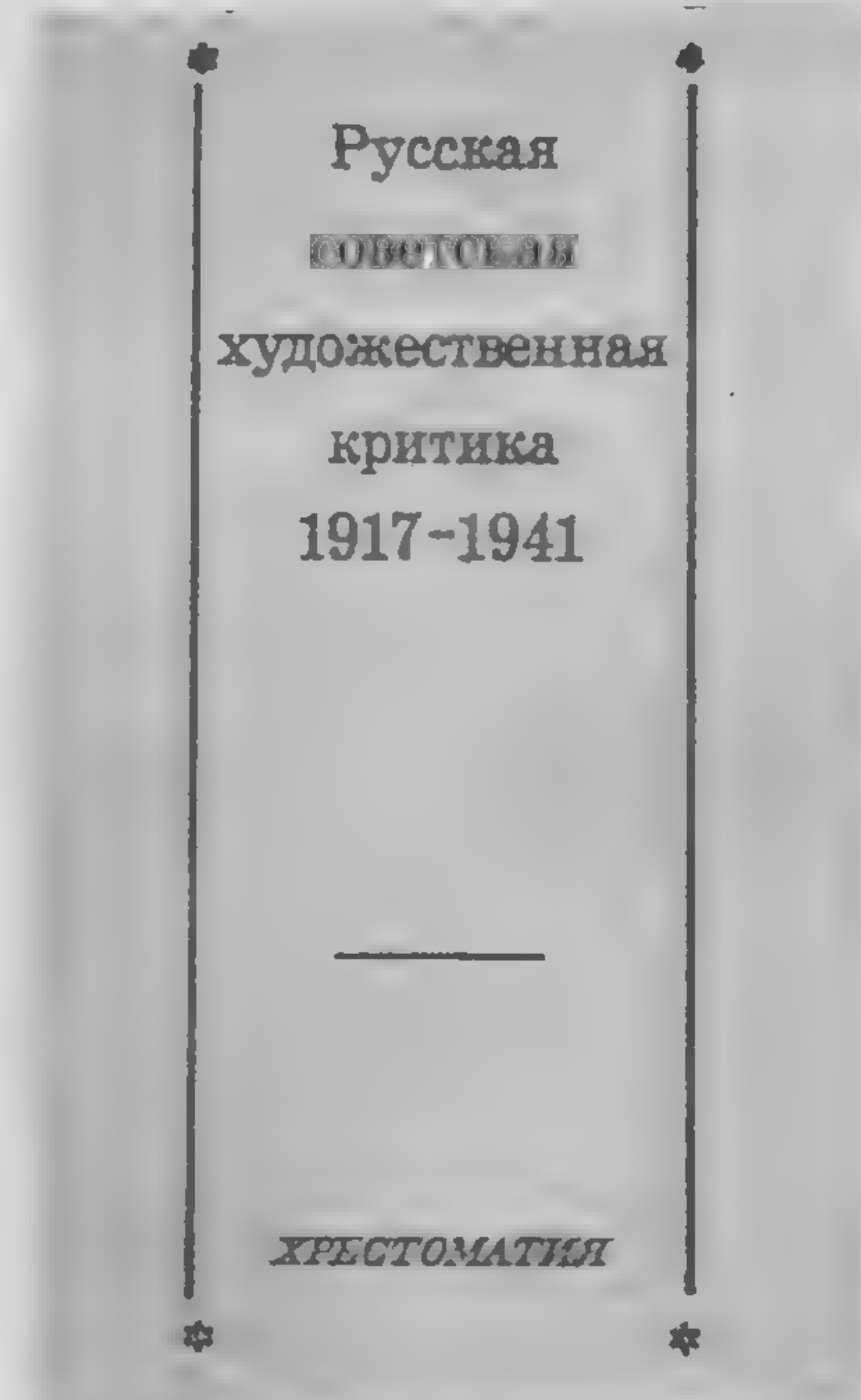
Эти соображения, рекомендации, пожелания и сегодня не потеряли своего значения, могут и должны широко использоваться.

Составители распределили все материалы по двум временным периодам — от Великой Октябрьской социалистической революции до времени перестройки литературно-художественных организаций, которая началась в 1932 году, и затем — до начала Великой Отечественной войны. В сборнике приведено историческое постановление ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 года «О перестройке литературно-художественных организаций», оказавшее существенное влияние на художественную жизнь, сориентировавшее ее на активное участие в социалистическом строительстве.

Издание было бы еще более ценно, если бы в нем были опубликованы и некоторые другие важные партийные документы предвоенного периода, относящиеся к художественному творчеству, в частности постановления ЦК партии «Об издательстве детской литературы» от 9 сентября 1933 года, «О литературной критике и библиографии» (1940 год).

В материалах и документах, включенных в хрестоматию, речь идет о самых насущных, принципиальных проблемах теории и практики искусства. Самые первые годы — это необходимость поставить культуру на службу революции. И почти одновременно — разъяснения о Пролеткульте, о проблемах художественного наследия, критика «левого» искусства и борьба за реализм, против вульгарной социологии. Здесь же критические обзоры выставок, творческие дискуссии, публикации о мастерах советского искусства.

Составителям удалось скрупулезно отобрать, изучить, систематизировать огромный материал, содержащийся в статьях и выступлениях искусствоведов, философов, политических и государственных деятелей, журналистов, публицистов. Они включили достаточно широкий круг авторов, отражавших различные точки зрения. В дискуссиях по проблемам социалистического реализма участвуют нарком просвещения А. В. Луначарский, философ-эстетик М. А. Лифшиц, историк-публицист, видный государственный и партийный деятель А. С. Бубнов, М. Горький, художники В. А. Фаворский, И. И. Бродский, Б. В. Иогансон, Н. П. Крымов, В. И. Мухина и многие другие — более семидесяти деятелей культуры. В сборнике выступают также И. Э. Грабарь, В. С. Кеменов, писатель И. Г. Эренбург, историк и журналист П. М. Керженцев, старейший искусствовед и музейный работник А. С. Галушкина. (К сожалению, некоторые другие статьи, вошедшие в книгу, не имеют принципиального значения и потому, на наш взгляд,

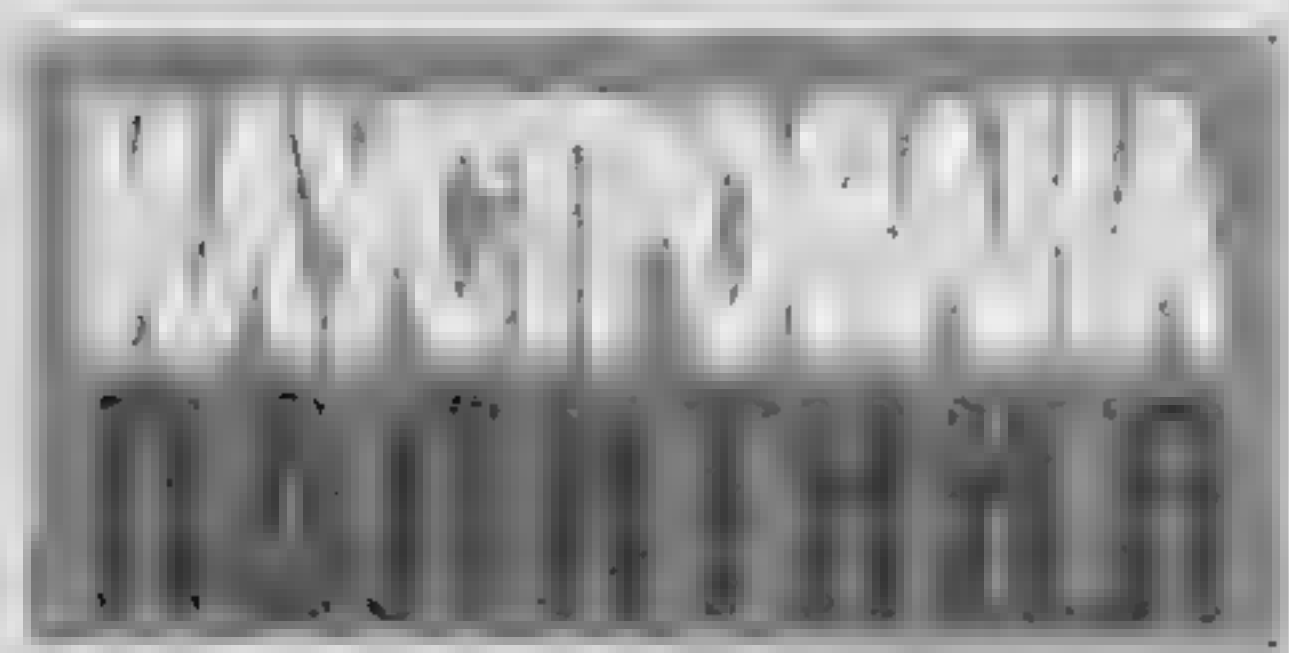
не носят обязательного характера.) В целом возникает широкая картина становления и развития советской художественной критики, ее диалектическое движение, стремление к глубокому, объективному исследованию искусства. Реально представляешь магистральный путь — совсем не простой, с завоеваниями и утратами — борьбы за марксистско-ленинскую эстетику, полный революционного энтузиазма и глубоких драматических коллизий. Видишь мучительные поиски объективной истины в художественном познании новой динамичной действительности.

«Именно социализм, — подчеркивает Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Ю. В. Андропов, — устраняет вековые барьеры, разделявшие труд и культуру, создает высокой прочностью союз рабочих, крестьян, интеллигенции, всех работников физического и умственного труда, при ведущей роли рабочего класса. Он приобщает трудящиеся массы к достижениям науки и техники, литературы и искусства, обеспечивает небывалое общественное признание творческой деятельности интеллигенции».

Многое из опубликованного ранее было разбросано по различным малодоступным современному читателю и исследователю газетам, журналам, каталогам, сборникам. Хрестоматия удачно скомпонована, хорошо издана и выпущена тиражом в 30 тысяч экземпляров. Все это делает книгу важным пособием студентам и преподавателям художественных вузов, искусствоведам и критикам, художникам и работникам музеев, всем, кто живо интересуется изобразительным творчеством.

Для многих теоретиков и практиков она станет мудрым, добрым советчиком, приобщая к глубоким размышлениям, серьезным философско-этическим обобщениям, связанным с современной отечественной культурой.

Русская советская художественная критика. 1917—1941. Под редакцией Л. Ф. Денисовой и Н. И. Беспаловой. «Изобразительное искусство». Москва, 1982, 896 стр.

ЗВЕЗДНЫЙ ЧАС АНДРИИ СТОЯНОВИЧА

Этой публикацией мы открываем новую рубрику, которая познакомит читателей с интересными материалами из братских журналов. Сегодня на страницах «Огонька» — югославский еженедельник «Илюстрована политика».

**Мирко БОИЧ, главный редактор
югославского журнала «Илюстрована политика»**

В Бодайбо я полетел искать не золото. Целью моей поездки было дополнить необычную биографию одного красного комиссара и командира, оставившего здесь незабываемый след. Звали его Андрия Стоянович. Наш земляк. Серб.

В ожидании нас недалеко от самолета стояла «Волга». Улыбаясь, к нам подошли два человека. Старший из них, немного сутуловатый, протянул руку со словами: «Добро пожаловать на нашу бодайбинскую землю!» Знакомимся. Его зовут Иннокентий Павлович Макаров. Он секретарь городского комитета партии, инженер-геолог. Другой — Владлен Тимофеевич Тюрнев, главный редактор местной газеты «Ленский шахтер», издающейся в Бодайбо с 1920 года.

Проезжая через город, хозяева объясняют: вот это Дом культуры, это — здание мощного «Лензолота», а вот самая старая в Бодайбо рубленая изба, а вот улица вдоль реки, когда-то главная. Еще с времен революции она носит имя Андрии Стояновича. Я слушаю, и у меня перед глазами встает давнее прошлое, когда на берегах Витима и Лены жил и боролся наш земляк, незаурядный человек, учитель, боец, красный комиссар.

ФОТОГРАФИЯ В МУЗЕЕ

Владимир Федорович Верещагин, директор музея, останавливается перед одной фотографией: «Да, это он. Единственный снимок, который нам удалось после долгих поисков приобрести». В голове директора уважение.

Со старой, переснятой и увеличенной фотографии на нас смотрит человек с немного взлохмаченными волосами и небрежно завязанным галстуком. Самое выразительное в его лице — широко открытые, уверенные глаза. Взгляд твердый, решительный.

Рядом — снимки друзей, его статьи, приказы и решения, вырезанные из давних газет.

Директор музея рассказывает: — Этот высокий, смуглый, стройный серб провел здесь, в Бодайбо, всего лишь год. Затем был арестован и после освобождения из тюрьмы уехал на Дальний Восток, чтобы там продолжать борьбу. Трудно передать, как уважали его люди. Пользовался большим авторитетом. Мне довелось говорить со многими, кто знал его. Об Андрии Стояновиче вспоминали с воодушевлением. Он был образованный человек. Прекрасный оратор и автор замечательных статей. Решительный и смелый командир. В этом крае не встретишь ребят, которые не знали бы об Андрии Стояновиче: о нем рассказывают в школе, его имя носят пионерские отряды.

Да, Бодайбо бережно хранит память об этом революционере. Андрия Стоянович родился в 1891 году в городе Призрен. Окончил богословскую школу, а затем Киевскую духовную академию. Наступают трудные времена — Европа в огне первой мировой войны. Сведений об этом периоде жизни Стояновича не много. Он попадает в Россию, печатается в газетах и журналах. В статьях, проникнутых боевым духом, отчетливо сказываются его социалистические, антишовинистические, революционные настроения.

Наступает 1917 год. В России — революция, царь свергнут. О том, что тогда произошло с Андрией Стояновичем, можно лишь догадываться. Известно, что он обращается с просьбой в министерство просвещения в Петрограде о направлении в Сибирь на преподавательскую работу. Ему предлагают Бодайбо. Сразу же соглашается. Говорит: «Если в Сибирь, то уж в самую даль!»

Андрия Стоянович и не предполагал, что здесь откроются перед ним двери, через которые ему суждено войти в историю.

ВОЕННЫЙ КОМИССАР

В то время Бодайбо — город шахтеров, город золота. Шахтеры живут на приисках. Город растет, создается газета, работают школы. Андрия Стоянович получает место преподавателя в женской школе и в реальной гимназии. Преподает русский язык. Создает литературный кружок, который пользуется большой популярностью. Открыто пропагандирует передовые идеи. Стремится ввести в школе демократические порядки. Печатается в газете «Ленская тайга», читает лекции. Молодой педагог тесно связан с Советом рабочих депутатов. Выступает с пламенными речами о революции и Советской власти.

Ранней весной 1918 года в крае поднимает голову контрреволюция. Советская власть в опасности. Вместе с Машурьянцем и Алымовым 5 апреля 1918 года Стоянович назначается членом военной коллегии, а затем комиссаром по военным делам. Он призывает рабочих вступать в Красную Армию и 12 апреля обращается к населению: «Объявляю, что 10 апреля я вступил в исполнение своих обязанностей военного комиссара Ленско-Витимского горного округа. Товарищи! Контрреволюция не дремлет. На помощь к ней спешат капиталисты всех стран. Они идут под флагом друзей! Но вы их не приглашали. Они союзники

буржуазии. Они отнимут у вас и землю, и волю, и ваши организации, и вашу свободу. Мы сильны своей правдой. Нам необходимо организовать свои силы. Ускорьте запись в Красную Армию. Помните, товарищи, что сила — в единении!»

ПОХОД НА ЯКУТСК

В своих воспоминаниях А. Л. Курочкин пишет: «Андрия Стоянович возглавлял военно-революционный комитет, в руках которого была сосредоточена реальная власть в Ленско-Витимском округе».

Весной 1918 года контрреволюция набирает силу. Появляются все больше отрядов белых, которые рыщут по Сибири, занимают города, расстреливают коммунистов, свергают Советскую власть. В руках белых и расположенный далеко на севере Якутск. Андрия Стоянович получает задание освободить город. В середине июня 1918 года отряд в 250 человек под командованием Андрии Стояновича двинулся на Якутск. Прямо скажем, затея безумная. По европейским масштабам расстояние большее, чем от Белграда до Берлина или Парижа. Но ни командир Стояновичу, ни кому-либо из его бойцов оно не кажется чем-то непреодолимым. Весь Бодайбо — на пристани, играет духовой оркестр, произносятся речи. Отряд грузится на суда и отплывает вниз по Витиму.

По пути, в одном из прибрежных сел, к нему присоединяются 150 красноармейцев во главе с поляком Аполлинием Рыдзинским. Дни и ночи длится совместное путешествие. Среди бойцов — русские, украинцы, а также поляки, мадьяры, немцы и один серб.

Примерно километрах в двадцати перед Якутском, в селе Табага, отряд высаживается и пробивается через тайгу, чтобы вечером 30 июня внезапно напасть на город. Бой длится всю ночь. На рассвете 1 июля над Якутском взвизгивает красное знамя. Об этих событиях вспоминает Клавдия Середкина:

«Разведка донесла, что Бондалетов укрывался в таежном хуторе, примерно в пяти километрах от города. Окружив врага, Стоянович требует сдаться. Из небольших походных палаток стали появляться с поднятыми руками наши враги. Все были взяты в плен, и отряд с песней двинулся назад. Всю дорогу до Якутска Стоянович устраивал митинги. Выступал убежденно, страстно, словно в экстазе. Так, как может лишь человек, до конца преданный идеям, определившим его жизненный путь».

ВПЕРЕД!

Но со дня на день положение усложняется. Белые занимают Иркутск, к югу от Бодайбо, Киренск на западе — в устье Киренги и перерезают красным пути снабжения. Стоянович и поляк Рыдзинский покидают Якутск и плывут

вверх по Лене к Киренску, туда же направляется из Бодайбо по Витиму Тимофей Алымов. У белых превосходящие силы. Они неудержимо наступают. Стремясь захватить весь край и золото. Свыше 600 пудов его находилось в подвалах Бодайбинского банка.

Одно из решающих сражений должно было произойти у села Змейново. Медсестра Дарья Сырцова вспоминает: «Стоянович обратился к бойцам: «Товарищи бойцы, выступаем, вперед!» Отдав команду, с ручным пулеметом в руках первым поднялся в атаку. За ним — остальные. Внезапный огонь из винтовок и пулеметные очереди застали белых врасплох. Они труслили и начали отступать... Откуда-то выскочил белый офицер, выстрелил в Стояновича и ранил его в грудь. Копылов выстрелил в офицера и убил на месте. Помощник врача Ружицкий и я подбежали к Стояновичу и оказали ему первую помощь. С нами были и санитары, которые быстро уложили Стояновича на носилки и отнесли к судну. А это было неблизко. Вечерело, и товарищ Алымов приказал эвакуировать Стояновича рано утром в Бодайбо. Наши заняли Змейново».

ТЮРЬМА

Контрреволюция получает подкрепление — отряд белых казаков есаула Красильникова. Красные терпят в боях поражение. Едва оправившись от серьезного ранения, Андрия Стоянович на корабле «Якут» отправляется на помощь своим. Во всем этом крае Бодайбо остается единственным красным островком, который готовится к отпору. Стоянович возвращается в Бодайбо и со своими бойцами готовится встретить врагов на речном острове. В ночь на 16 августа белые, прикрывшись фальшивым флагом, на пароходе «Альфред» вплотную подошли к защитникам и открыли убийственный пулеметный огонь.

С уцелевшими бойцами Андрия Стоянович уходит в тайгу. Есаул

Андрия Стоянович.

Красильников, известный своей жестокостью, занимает Бодайбо, празднует победу. Но она не может быть полной, пока не будет схвачен Андрия Стоянович. Казаки ищут его. На рассвете в конце августа 1918 года они внезапно нападают на маленький лагерь. Андрия пытается встать, но от сильного удара винчестером по голове теряет сознание. Очнулся он со связанными руками.

С большой группой арестованных революционеров Стояновича отправили в Иркутск, занятый белыми. В иркутской тюрьме он просидел год.

Почему же Андрия Стоянович не был расстрелян белыми? Те, кто находился с ним в заключении, свидетельствуют, что он был само спокойствие и уверенность, а от властей требовал освободить его как иностранца. Это произошло 3 ноября 1919 года при условии, что он покинет Россию. Стоянович направился во Владивосток.

Далеко на севере остался Бодайбо. Туда он больше не вернулся. Но и из России никуда не уехал. Революция стала частью его жизни, и лишь смерть могла заставить его отказаться от участия в ней. Так и случилось.

БУРЯ НАД ЗЕЕЙ

Едва прибыв во Владивосток, он направился в областной комитет партии, где его с радостью встретили. Такие люди были нужны. В одном из номеров гостиницы «Версаль» его сразу же принял прославленный уже тогда товарищ Лазо. Стоянович получил новое задание. Часть, комиссаром которой он был назначен, двинулась на Хабаровск и заняла город. В Хабаровске Андрия занимался политической работой, публиковал статьи в газете «Коммунист», читал лекции. После предательского нападения японских интервентов он занимался организацией нового фронта на левом берегу Амура, а в конце апреля 1920 года был послан в Благовещенск, в Амурский ревком. На этом сведения об Андрии Стояновиче обрываются. Известно лишь, что он погиб в апреле 1921 года, когда пытался во время сильной бури переправиться на плоту через реку Зею.

...Ночь. Из окна виден уснувший Бодайбо. Небо прояснилось. Мерцают звезды. Тихо. Лишь вдалеке шумит Витим. Завтра напряженный день: хозяева подготовили поездку на золоторазработки. Но и Витим, и далекие звезды, и то, что сейчас конец августа, время, когда в 1917 году сюда приехал, а в 1918 году навсегда покинул эти места Андрия Стоянович, не дают мне покоя.

О чем он думал, вслушиваясь в шум реки? Может быть, он смотрел на запад, туда, где за несколько тысяч километров шелестят кукурузные поля, зреет виноград и звучит родная речь? Какая сила заставляла его рисковать жизнью в сибирской глуши и почему, освободившись из тюрьмы, не уехал со своей женой и дочерью в опустошенную, но мирную Сербию, а продолжал отдавать всего себя борьбе на берегах Усури, Амура и Зеи?

Ответ ясен: он был революционером.

Среди сувениров, взятых из Белграда, — несколько нассет с музыкальными записями. Одна из них — с игрой трубачей из села Драгочево. Вилочаю пленку, и вот уже приглушенно гремят военные трубы драгочевских крестьян. Пусть это будет салютом Андрию Стояновичу с далекой родины!

Публикуется с сокращениями.

Бодайбо — Белград.

К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Д. Ф. ОЙСТРАХА

Лучезарный талант

Детские и юношеские годы Давида Ойстраха прошли в Одессе, в одном из самых музыкальных городов нашей страны. Ему не было и пяти лет, когда в его руках оказалась маленькая скрипка. Уже тогда на него обратил внимание профессор П. С. Столярский, и суждено было случиться так, что Столярский отыграл будущего знаменитого скрипача, а Ойстрах сделал имя своего учителя известным всему миру.

Д. Ойстрах рано познал радость большого творческого успеха. В 15 лет он уже играл Концерт Баха с оркестром, а через год дал свой первый сольный концерт, в котором звучали произведения Тартини, Паганини, Сарасате... Памятной в те дни была встреча молодого скрипача с маститым композитором А. К. Глазуновым, который доверил ему исполнение своего скрипичного концерта. Глазунов, стоявший за дирижерским пультом, был поражен игрой Ойстраха. Его концерты с Глазуновым в Одессе и Ленинграде стали подлинным триумфом скрипача.

Окончив блестяще Одесскую консерваторию, Ойстрах переезжает в Москву. Здесь он обближается с известными профессорами Московской консерватории скрипачами А. Ямпольским, К. Моцарсом, Л. Цейтлинским. В те дни он не пропускал ни одного сольного концерта таких пианистов, как К. Игумнов, А. Гольденвейзер, Г. Нейгауз. В дальнейшем у Ойстраха начнутся с ними совместные концертные выступления.

«Я, — вспоминал Ойстрах, — как каждый молодой артист, с удовольствием ездил, играл, очень часто мои концерты проходили по новостройкам. Я был в Кузнецкое, на Днепротэсе, в Донецком бассейне; выступал перед шахтерами, а потом получил возможность играть в таких городах, как Ленинград, Тбилиси, Баку, Ереван. Вот этот концертный опыт дал мне очень много». С 1931 года Ойстрах часто выступал с сольными концертами в Москве. В 1933 году он впервые в один вечер сыграл в Большом зале консерватории три концерта с оркестром — Чайковского, Моцарта, Мендельсона. Дирижировал профессор Александр Иванович Орлов.

Тридцатые годы ознаменовались для скрипача большими творческими событиями. Это победы на Втором Всесоюзном конкурсе музыкантов-исполнителей, международных конкурсах имени Г. Венявского в Варшаве, имени Э. Изаи в Брюсселе. Он становится профессором Московской консерватории. Пройдут годы, и его питомцы И. Ойстрах, В. Климов, В. Пикайзен, О. Крыса, Л. Исакадзе, Р. Гвасалия, О. Пархоменко, М. Секлер, О. Каган, А. Михлин будут с честью представлять советскую скрипичную школу на международной арене, станут лауреатами первых премий многих международных конкурсов.

В исполнительской деятельности Д. Ойстраха значительное место занимала камерная музыка. Широкую известность приобрели его

ансамбли с пианистами Л. Оборин, С. Рихтером.

В годы Великой Отечественной войны скрипка коммуниста Ойстраха часто звучала по московскому радио. Незабываемы его концерты в осажденном Ленинграде. В это же время создается трио: Д. Ойстрах (скрипка), Л. Оборин (фортепиано), С. Кнушевицкий (виолончель), трио, которому суждено было завоевать мировое признание. Славной страницей намерного исполнительства Д. Ойстраха стал уникальный дуэт с сыном, Игорем, просуществовавший около тридцати лет. Весной 1945 года концерты Ойстраха слушали в только что освобожденных странах — Болгарии, Румынии, Австрии, Чехославии, где скрипачу был оказан восторженный прием. В его лице Европа приветствовала тогда не только музыканта, но и представителя искусства народа-освободителя.

В 1954 году состоялись выступления Ойстраха в Аргентине, они были приурочены к проходившему там международному кинофестивалю. Тогда в городе Мар-дель-Плата его слушали сорок тысяч человек. К пятнадцати тысячам, разместившимся в концертном зале под открытым небом, прибавилось еще несколько тысяч человек, стоявших на прилегающих улицах и площадях. В этом же году он выступил в Англии. Большое впечатление на английских слушателей произвело исполнение концерта А. Хачатуряна в сопровождении Лондонского симфонического оркестра под управлением автора. Затем — блистательные гастрольные выступления в Японии, дебют в США. Большой зал «Карнеги-холл» не смог вместить всех желающих услышать советского скрипача. В последующие годы он не раз гастролитировал в Соединенных Штатах Америки, и всегда его выступлениям сопутствовал неизменный успех. На гастрольях в ФРГ талантливый музыкант выступал с Ленинградским симфоническим оркестром под управлением Е. Мравинского, впервые познакомил любителей музыки с посвященным ему 1-м концертом Д. Шостаковича. В год, когда Австрия праздновала 200-летие со дня рождения своего гениального композитора Моцарта, на фестиваль в Вену приехали крупнейшие солисты, оркестры и хоровые коллективы Европы. Выступление Д. Ойстраха на этом фестивале стало подлинной сенсацией.

Ойстрах был первым советским артистом, выступившим в Аргентине, Австралии, Уругвае, Новой Зеландии, Испании, Португалии.

Во многих странах мира он известен не только как великий скрипач века, но и как выдающийся ансамблист и дирижер. Он почетный член многих зарубежных академий и обществ.

«История советской культуры, — писал Т. Хренников, — богата славными именами. Но и среди самых славных из них Д. Ойстрах занимает совершенно особое место. Сын простого одесского служащего и скромной хористки оперного театра, Д. Ойстрах получил от Советской власти максимум возможностей для всестороннего раскрытия своего замечательного дара».

За его восхождением к вершинам мировой славы пристально следила вся страна. Он платил за эту заботу сторицей. С беззаветной самоотдачей возвращал он советскому народу все свои знания и силы, весь свой лучезарный талант.

«Я всегда поражался его мастерству, — вспоминал Д. Шостакович, — масштабу и глубине мышления. Необычайная музыкальность, красота звука, великолепная техника естественно не могли пройти мимо меня, и, видимо, все это нашло отражение в моих сочинениях, тем более что писал я их, предполагая, что первым исполнителем будет Д. Ойстрах». Это подчеркивал и другой выдающийся советский композитор, А. Хачатурян: «Когда в 1940 году я задумал написать скрипичный концерт, у меня в ушах пела скрипка Ойстраха». На протяжении многих лет, еще с детства, по собственному признанию Ойстраха, в нем жила мечта дирижировать симфоническим оркестром. Он пронес эту мечту через всю свою творческую жизнь. Дирижировать скрипач стал после того, когда перешагнул рубеж своего пятидесятилетия. «Дирижирование для меня, — говорил Ойстрах, — больше, чем удовольствие, больше, чем отдых от привычного; оно расширяет горизонты, ставит новые задачи, открывает новые миры. А что может быть прекрасней и на старости познавать новое». В дирижерских программах Д. Ойстраха звучали произведения Моцарта, Вебера, Брамса, Шуберта, Чайковского, Малера, а также симфоническое творчество советских композиторов: Шостаковича, Прокофьева...

«Давида Федоровича Ойстраха, — говорит известный дирижер Е. Светланов, — привело к дирижерскому пульту страстное желание самовыражения в новой для него всепоглощающей области музицирования. Ему мало было одной скрипки. Ему хотелось поделиться со слушателями личным отношением к тому или иному любимому симфоническому произведению. Будучи признанным во всем мире лидером скрипичного искусства, Д. Ойстрах встал за дирижерский пульт сложившимся дирижером, со своими взглядами и стилем, со своим репертуаром. Встречаясь в совместном музицировании с лучшими дирижерами мира, Ойстрах многое почерпнул для себя».

Советское правительство высоко оценило творческую деятельность Ойстраха. Он награжден орденами Ленина и «Знак Почета», ему присвоено звание народного артиста СССР. В 1960 году ему первому из советских музыкантов-исполнителей была присуждена Ленинская премия.

Искусство Д. Ойстраха бессмертно. Скрипка великого музыканта, вписавшего много ярких страниц в историю советского музыкального искусства, в сокровищницу мировой музыкальной культуры, продолжает жить в уникальных записях на пленках и грампластинках.

Н. ЗАРАХОВИЧ, — заслуженный работник культуры РСФСР

«В редакцию пришло письмо...» Так начинаются многие материалы, посвященные письмам читателей, вопросам, которые в них поднимаются. У этого письма обратный адрес таков: Краснодарский край, Крымский район, хутор Новотроицкий, школа. На этом адрес обрывается, хотя, конечно, хотелось бы продлить его до имен и фамилий. Но на нет и суда нет. Письмо приводим почти полностью, за исключением нескольких незначащих строк...

«На чердаке нашей школы испокон века селились голуби, но вот в октябре этого года директор школы решила от них избавиться и самым жестоким и подлым образом».

Забрала все чердачные окна, тем самым обрекла на гибель всех голубей, оставшихся на чердаке, и птенцов (около сотни!).

Жуткое зрелище имела школа: птенцы жалобно пищали, взрослые голуби стучали клювами по крыше, пытались пробить шифер, оставшиеся на свободе уныло сидели на крыше.

Сердобольные мальчишки открыли чердак, но директор заставила их вновь забить окна. Мы, учителя, виновато опустив глаза, ходим по школе, не глядя в детские глаза, молящие о помощи. Детишки ходят убитые, нервные.

Что делать?

Ребята и учителя, став невольными свидетелями этой жестокости, пытались вступить за жертву, но эти попытки тут же грубо были подавлены директором.

Как же теперь нам воспитывать у детей любовь к животным и окружающей среде?

Журнал «Огонек» просим дать юридическую оценку этому факту. К сожалению, назвать свои фамилии не можем.

Группа учителей».

Дать событиям юридическую оценку вряд ли возможно, поскольку Уголовный кодекс не предусматривает наказания за уничтожение голубей, но в оценке нравственной этот случай явно нуждается. Вообще от учителей хотелось бы получить письмо, написанное более грамотным языком, но не будем придирааться,

связаны представления о просторе, синем небе, свободе. И даже у тех мальчишек, которых никогда не тревожил шелест голубиных крыльев, чьи сердца никогда не замирали от одного вида стаи, уносящейся к облакам, даже у них голубь занимает в душе особое место. Что-то есть в этой птице близкое мальчишеским устремлениям, мальчишескому представлению о счастье. Есть, никуда не денешься. Голубей носят за пазухами, как самое большое сокровище. Вам знакомо ощущение голубя за пазухой? Ими обмениваются, пытаются переманить друг у друга, завлечь в свою стаю, посадить на свою крышу. О, это целый мир со своими законами, условностями, правилами приличий! Нарушить эти законы значит навлечь на себя гнев голубятников всей округи. А это очень серьезно. Но во всем сложном и многозначном написанном голубином кодексе даже не предусмотрено наказание за уничтожение голубей, поскольку и преступления такого быть не может.

Оказывается, может.

Администраторское рвение — сила необузданная, непредсказуемая, неодолимая. Даже возмущение окружающих радует иных авторов волевых решений, потому что убеждает их в собственной значимости, в способности влиять на чужие судьбы. Давайте прикинем: избавиться от голубей на школьном чердаке, если уж возникла такая хозяйственная необходимость, не так уж и сложно. Их можно было переловить и вынести с чердака, а уж потом его заколачивать. Можно было дожидаться, пока подрастут птенцы, но уничтожать вот так, массово, с чувством правоты, с привлечением власти и авторитета директора...

Ни в какие ворота. Группа учителей, приславшая письмо, права: на детей такой случай может про-

письмо писал, кто пытается пакостить.

В народе такое поведение называется и кратко и красочно: кукиш в кармане. Это все, на что хватает решимости у труса и приспособленца, когда душа его трепещет от обиды и возмущения, когда попираются его самые возвышенные представления о справедливости, благе, о самом себе. И он, мужественно свернув кукиш, засунув его поглубже в карман, даже испытывает некоторое уважение к самому себе — худо-криво, а протест выразил.

Наверно, не стоило об этом писать так подробно, будь поведение группы новотроицких учителей такой уж редкостью. Приходят время от времени письма в редакцию, где вместо фамилий и адресов стоят невнятные загогулины. Вроде правду пишет человек, сообщает о действительных недостатках, несправедливостях, а вот не хватает мужества подписаться, прячется за какой-нибудь иероглиф.

Разумеется, столь робкая гражданственность имеет свои объяснения. Можно понять последовательного и убежденного карьериста, который опасается испортить с кем-то отношения, недополучить каких-то благ и льгот, боится репутации бунтаря. И он сознательно отказывается от своего мнения, от активного к чему бы то ни было отношения. Для него приятельство и взаимовыгодность куда важнее. Здесь все понятно. Но много ли стоит самая обостренная порядочность, самое страстное неприятие подлости, если единственное, на что решается человек, — это в знак протеста свернуть кукиш в кармане? Много ли стоят самые лучшие его качества, самые высокие достоинства, если он все готов стерпеть, «виновато опустив глаза», как пишут новотроицкие учителя?

чисто декоративным мероприятием, призванным украсить разве что отчетную ведомость. А самые отчаянные спорщики и бунтари сидят в зале, не вынимая руки из кармана.

Мы-то знаем, что они там прячут.

Наверно, немало за последний месяц-два прошло в Новотроицкой школе всевозможных воспитательных мероприятий, классных собраний, бесед, встреч и прочего. Но если посмотреть на всю эту деятельность трезво, то можно сказать, что вряд ли они принесли много пользы. Боюсь, они просто показали пустоту казенных мер перед лицом живого дела. Чего стоят самые красивые и со вкусом произнесенные слова о любви к ближнему, если все знают — чердак завалендохлыми птенцами? И все прислушиваются не столько к голосу учителя, сколько к поскребыванию там, над потолком...

А ведь была у новотроицких учителей прекрасная возможность преподавать своим воспитанникам урок настоящей твердости в отстаивании своих убеждений, своего понимания мира. Они же преподали урок угодничества и покорности. О, как они осуждают директорскую жестокость, как они возмущены и оскорблены в своих чувствах, они даже «не глядят в детские глаза, молящие о помощи». Вот до чего чисты и непорочны! Не выдержав, они решаются на крайний шаг — пишут письмо в Москву. Пусть придет кто-то добрый и всемогущий, пусть восстановит справедливость и покарает нечестивца. Судя по письму, ни один из учителей не решился возразить директору, и, кто знает, возможно, голуби и поныне «уныло сидят на крыше» и долбят шифер, пробиваясь к своим уже бездыханным птенцам, заставляя сжиматься чувствительные педагогические сердца. Не исключено, что кто-то из них и

Виктор ПРОНИН

КУКИШ В КАРМАНЕ

объясним огрехи взволнованным состоянием пишущих, их гневом и болью. Тут уж, как говорится, не до падежей.

Факт действительно вопиющий.

В конце концов есть десятки способов показать, кто в школе хозяин, кто принимает решения, а кто им подчиняется. Можно, например, образцово поставить весь учебный процесс, добиться показательной дисциплины и этим прославиться на весь район, можно испытывать свои педагогические силы в новых методах обучения, что сейчас отнюдь не порицается. А можно использовать для этого дела и безгласную птицу, которая и закричать-то по-настоящему не умеет. Надо признать, что уничтожение голубей — новое слово в поднятии начальственного авторитета. Приходилось слышать о замурованных в подвалах котах, о массовом отстреле собак среди бела дня, на глазах собравшихся школьников, но голуби, конечно, находка.

Это тем более важно сказать, что в мальчишеском восприятии голубь — птица особая, это не курица и не индюк. С голубями

известно гнетущее впечатление, вызвать чувство протеста, которое не всегда поддается контролю, некоторые потеряют доверие к педагогам. Другими словами, уничтожение голубей если и скажется на учебном и воспитательном процессе, то отнюдь не положительно.

Так, с голубями все ясно. С ними поступили плохо. Но письмо оскорбленных учителей заслуживает гораздо большего внимания, если взглянуть на него с другой стороны. Ведь не подписались учителя-то. Директора назвали по имени-отчеству, фамилию разборчиво написали, должность чуть ли не печатными буквами. Дескать, осрамите нашего директора на всю страну, чтоб неповадно ему было над птицами издеваться.

Подобный способ борьбы за справедливость очень удобен тем, что, написав в редакцию письмо, изложив, так сказать, свою позицию письменно, можно тут же одобрить директора устно. И тем самым заслужить его улыбку, похвалу, дружеское расположение. А там пусть догадывается, кто

Да, рискованно портить отношения с людьми, от которых в чем-то зависишь, боязно подонка назвать подонком, противопоставить свое мнение точке зрения «большого человека». Наверно, не стоит всех призывать к такому вот «безрассудному» мужеству и твердокаменной принципиальности — это доступно не всем, не всем и по душе. Каждый сам решает, каков он, как далеко готов пойти в отстаивании своих святынь, самого себя. Да и вообще готов ли он к этому.

Наверно, всем нам помнятся яркие схватки перед каким-либо собранием — в курилках, коридорах, на лестничных площадках. Дело, случается, доходит до криков, до крепких слов и долгих обид. Но вот начинается собрание — и словно бы наступает полнейший штиль. Уже нет разногласий, противоречий, исчезает сам предмет разговора. Он словно бы растворяется в осторожных словах, обтекаемых выражениях, вежливых обращениях, бесконечных заверениях во взаимном уважении. И в конце концов даже необходимое собрание может оказаться

слезу смахнет непрошеную, прервав урок, у окна постоит, не в силах совладать со скорбью, а заодно и на дорогу посмотрит — не едет ли из Москвы тот самый, добрый и всемогущий...

С одной стороны, дети получили урок жестокости и пренебрежения к ближним, с другой стороны, не менее убедительный урок покорности и беспомощности. Самое печальное — оба эти урока они получили не на каких-то задворках, у пивных или распивочных, нет, эти уроки они получили в священных стенах школы. И преподали эти уроки любимые наставники, учителя. Суть их заключается в том, что все великие истины, открытые человечеством — великодушие, благородство, мужество, — все это, оказывается, нечто второстепенное, а главное — указание начальства. Выполнишь — молодец, слушаешься...

Никто не ослушался.

Остается только надеяться, что выводы, к которым придут ребята, не станут окончательными, что весь образ нашей жизни, нравственная атмосфера общества помогут им разобраться что к чему.

Самобытный мастер

Виталий НЕХАЕВ

На фасаде старого деревянного дома, что стоит на одной из тихих улочек древнего Малоярославца, белораморная доска со словами: «Здесь жил с 1914 по 1949 год художник Афанасий Ефремович Куликов».

В газетных и журнальных статьях Куликов предстает перед нами прежде всего как мастер лубка. При этом меньше говорится о его живописных полотнах. Но вот что писал, например, замечательный композитор Д. Кабалевский.

«Превосходны многие живописные работы, особенно портрет жены — прекрасной, благородной русской женщины и ранний автопортрет, светящийся жизнелюбием и добротой — чертами, присущими всему его творчеству, тоже жизнелюбивому и тоже доброму...»

Не пускаясь в подробный биографический экскурс, скажу, что Афанасий Ефремович родом из бедной крестьянской семьи, из села Исакова близ Малоярославца. Родился он 11 января 1884 года и в 12 лет был отдан «в люди» в Москву. Работал на фабрике, потом учеником у иконописцев, затем тоже учеником, но уже в другой мастерской — стенолазной: расписывал стены церквей и соборов. Вечерами, после работы, посещал частную студию, а в 1906 году поступил в Московское училище живописи, ваяния и зодчества. Его учителями стали А. Архипов, К. Коровин, Н. Касаткин, который одним из первых русских художников обратился к теме быта и труда пролетариата. Но истинным кумиром юноши был Валентин Серов. «Работать, как Серов» — становится мечтой начинающего живописца. Занятия в классе выдающегося мастера продолжались недолго — всего один год: в 1909 году художник ушел из училища. Однако школа Серова чувствуется во многих портретных работах Куликова, особенно в небольшом «Этюде женской головы», написанном в 1911 году.

В доме Афанасия Ефремовича есть два запоминающихся портрета жены; они написаны в 1915 и в 1939 годах. Одна из дочерей художника, говоря о дореволюционном времени, к которому относится первый холст, вспоминает: «Жили бедно. Перед праздниками стук швейной машинки затихал только под утро. Из старых вещей мама шила нам обновки». Хотела, чтобы были не хуже других».

Вот такая она на полотне: спокойная, с задумчиво-уставшим лицом, руки, знающие цену труду, отдыхают на коленях. И тем не менее изображение пронизано духом молодости, силы. А в позднем портрете взгляд печально-задумчивый, тревожный: сыновья ушли в армию. Это время — Халхин-Гол, финская

кампания, начало второй мировой войны. Вернутся ли?

Не вернулся старший, Николай. Карандашный набросок на пожелтевшем от времени картоне оставляет его молодым среди уже немолодых братьев и сестер, собирающихся в отцовском доме в дни семейных торжеств.

...«Я изображаю, не мудрствуя лукаво. Я хотел изучить нашу природу, подметить в ее явлениях и мгновениях самое неуловимое, схватить неповторимую выразительность каждого дерева, как на человеческом лице». Это строки из дневника художника, в них — суть его отношения к пейзажу.

Детство художника прошло среди природы. Они поныне прелестны, эти живописные места под Малоярославцем. Лес да поля, пересекаемые отлогими оврагами, с глубины которых кажется, будто могучие ели заостренными своими макушками касаются облаков, плывущих в голубом поднебесье. Зеленые луга, речки, тихо несущие свои воды под шатрами плакучих ив... Пейзажи родного края, поэтические, написанные реалистической кистью, занимают особое место в творчестве художника. В 1934 году он пишет несколько великолепных холстов, где игра красок и в то же время их сдержанность, мягкость точно передают настроение природы: атмосферу раннего тихого утра, наполненного ярким солнечным светом, или буйное цветение черемухи — здесь белизна цветов и зеленая сочность листвы еще больше подчеркиваются затемненной стеной дома...

В годы Великой Отечественной войны погибла и не дошла до нас диорама «Бой у Чонгарского моста» — часть панорамы «Штурм Перекопа», над которой А. Е. Куликов работал вместе с известными художниками Г. К. Савицким, Б. В. Иогансоном, В. П. Ефановым, П. П. Соколовым-Скалей и другими. Вдохновленный беспримерным подвигом советского народа в борьбе с гитлеровскими захватчиками, он обращается к историческим темам прошлого, и появляются большие полотна «Александр Невский», «Александр Невский на Новгородском вече», а также исполненные углем портреты Дмитрия Донского, Козьмы Минина, Дмитрия Пожарского.

В работах «Город занят фашистами», «Артиллерия на боевой позиции», «Налет партизан на штаб немецкой части», «Первый немец», «Партизаны» отражены события грозных военных лет, пережитая уже пожилым художником оккупация.

В 1944 году мастер обращается к темам, навеянным народной поэзией. За два года он создал множество иллюстраций к былинам, сказкам, песням, пословицам, загадкам, предельно лаконичным, точно раскрывающим самую

суть поэтического творчества народа.

На персональной выставке художника в Москве в 1951 году в книге отзывов среди других была оставлена запись: «Особенно ценны работы Афанасия Ефремовича в области лубка и народной картинки. Они народны по существу, как музыка Глинки, Римского-Корсакова, Мусоргского, как поэзия Кольцова, Никитина, басни Крылова, как народен был революционный плакат эпохи гражданской войны, исходивший от традиций лубка и народной картинки».

Лубок в творчестве А. Е. Куликова занял особое место. А началось это увлечение так. Летом 1917 года он проходил военную службу в одном из полков, который стоял в лагерях на Ходынском поле в Москве. Готовились празднества, которые должны были проводиться по инициативе Московского Совета солдатских депутатов. Потребовались плотники, маляры, художники для оформления скакового круга. В эту группу и попал ратник II разряда, живописец Куликов. В культотделе Московского Совета солдатских депутатов встретился с группой известных московских художников, которые проявили интерес к его работам. Он был отозван из полка и сделал несколько лубков на революционные темы. Лубочные картинки стоили дешево, темы, которые в них затрагивались, волновали людей, а в основе сюжета был «текущий момент». В таких рисунках Куликов разъяснял широкому зрителю смысл событий, происходивших в стране, показывал, какое зло причинял трудовому народу царизм и что принесет с собой свержение самодержавия. По агитационной силе воздействия лубочные произведения были сродни «окноростовским» плакатам В. Маяковского, М. Черемных, С. Малютина. Недаром лубок, возродившийся во время революции как политическое искусство, как средство массовой пропаганды, продолжал существовать в этом качестве до начала тридцатых годов.

К некоторым лубкам Куликов сам писал стихотворный текст: озорной, как рисунок, и яркий, как краски на нем. Лаконичный, образный художественный язык этих картинок привлек Куликова к созданию лаковых миниатюр и росписи подносов для Музея кустарной промышленности. За эскизы подносов на Всемирной выставке в Париже он получил золотую и бронзовую медали.

На вопрос, обращенный к самому себе, который Афанасий Ефремович вынес однажды в заглавие своих литературных заметок «Художник ли я?», он мог бы твердо и уверенно ответить — «да!» Добавим: художник самобытный, яркий, оставивший заметный след в истории советского изобразительного искусства.

ДЕЛАЙ С НАМИ?

К. БАРЫКИН

Никаких эмоций — только факты! И ссылки — на официальный приказ, на товарный ярлык и на Владимира Ивановича Даля, лицо, как вы понимаете, беспристрастное...

...Вы, вероятно, смотрите эту популярную телевизионную передачу «Делай с нами, делай, как мы, делай лучше нас»? Может, буду прав и тогда, когда предположу, что эта передача заинтересовала и руководителей мебельного комбината, что в поселке Правдинский Московской области (комбинат подотчетен, судя по товарной этикетке, производственному объединению «Центромебель» — К. Б.). Заинтересовала особенно в первой своей части: «Делай с нами!»?

На комбинате освоили выпуск простенького и небольшого стола (стол письменный однотумбовый, индекс Ж22-1581/1, 1а, артикул в недавнем прошлом Н-40-7р/6, а ныне — 40021046/108х4 ОЦ2 — продолжаю цитировать товарную этикетку — К. Б.). И все же простота стола, видимо, не давала покоя кому-то из руководящих рационализаторов. Тогда они и вспомнили телевизионную программу «Делай с нами!»? И тут же распределили обязанности: ящики будем штамповать на комбинате, а ручки и ним прикрепить доверим покупателю. (Цитирую еще один документ: «Продажа мебели в разобранном виде (если это не предусмотрено проектом на изделие), а также в упаковке запрещается». Это из приказа — № 55, параграф 5, пункт 22 — Министерства торговли СССР, документа столь важного, что он вошел в сбор-

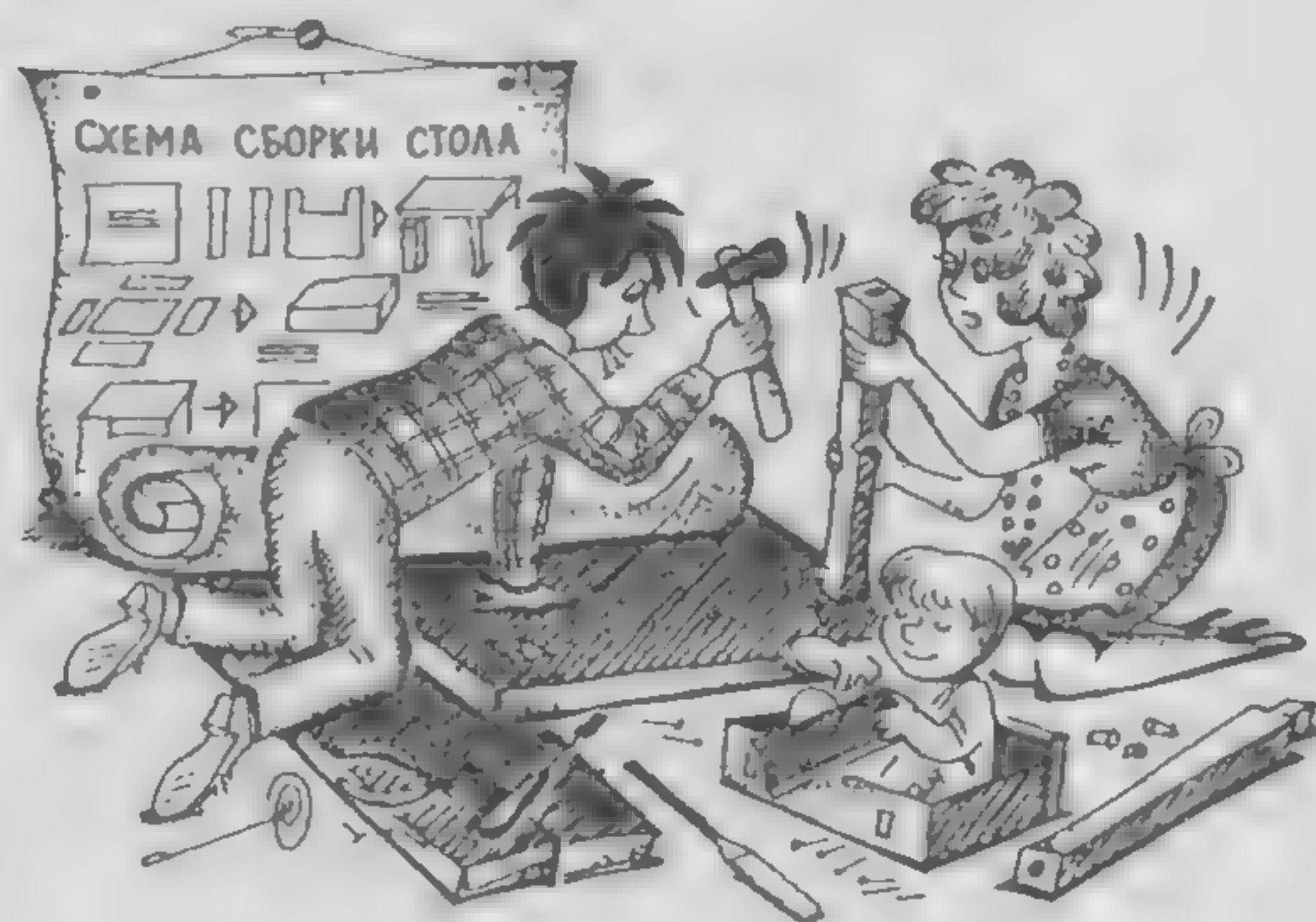
Помнится, у Даля есть такое определение брана: «товар, оказавшийся негодным, порченным или ниже должной доброты». Может, это высказывание заинтересует дирекцию комбината, да и в ОТК в него вчитаются?..

Итак, делай с нами! Но третья часть формулы надо бы изменить: делай вместо нас. А также: делай лучше нас. Впрочем, это несложно...

Вот только одно я не выяснил: пытался ли кто-либо из комиссии, санкционировавшей выдачу этому письменному столу Знака качества, пытался ли кто-либо сам прикрепить к ящикам стола ручки? Если нет, поручим комиссии эту часть столлярной работы как поощрение за доброту и столу и за неуважение к покупателю.

И не надо рационализировать популярную телеигру — она хороша и без новаций, коэффициент вредного действия которых мы просим вывести руководство объединения «Центромебель».

Когда этот небольшой фельетон был подготовлен и печати, мы получили еще одно свидетельство энергичной самодеятельности мебельщиков. Мы получили «Инструкцию по сборке (покупателем, конечно! — К. Б.) дивана-тахты; ее эксплуатации и уходу за ней». Специ-

ник «Основные правила торговли!» — К. Б.)

Итак, начали... Сначала оторвите от стола пластиковый мешочек с мебельной фурнитурой. Одна ручка уже сломана? Позвоните в магазин — в тот же, скажем, Дом мебели, где приобретен стол. И вы услышите спокойное и обнадеживающее: «Приезжайте, заменим; не вы первый...» Еду, меняют, но я спрашиваю:

— Брак-то куда денете?

— Есть договоренность с комбинатом. Мы им отсылаем этот брак, они присылают замену...

Но не проще ли, не логичнее ли, не перепоручая свою работу покупателю, прикреплять ручки на комбинате? Не проще! Это я понял, когда попытался ручки привинтить — сделать это сложно: шурупы не подогнаны, а на одном ящике болт просто не подходит. Пустить в ход дрель? Но оценят ли эту находчивость мебельщики? Да и как быть тем, у кого нет дрели или необходимых навыков?

альная схема «монтажа и сборки дивана-кровати» сложна, разобраться в ней не просто. Рано или поздно схему эту мы, надеюсь, освоим, а вот кто разберется с создателями сего произведения, которые работают на Сходненском (тоже Московская область) мебельно-сборочном комбинате? «Благодарим Вас за покупку и надеемся, что при соблюдении наших советов и рекомендаций диван-тахта будет долго служить Вам», — пишут они. Если, добавим мы, тахту удастся собрать в домашних условиях — силами покупателя... А пока идет сборка, мы хотели бы получить ответ и из Минлесабумпрома: кто, где и когда решил, что купленную мебель должен собирать покупатель? Представьте, что будет, если этот опыт заимствуют швейники? Тогда они будут продавать не готовые пальто или туфли, а всего лишь раскроенную ткань или кожу? И прилагать к ним инструкцию по пошиву пальто и штиблет?

Дескать, делай с нами!

ФРАЗЫ

Любовь с первого вклада.

У жениха было обручальное лицо.

Язык мой — брак мой.

На своем поле — футбол, на чужом — футноль.

Бег в трусцах.

Какая проза без шипов!..

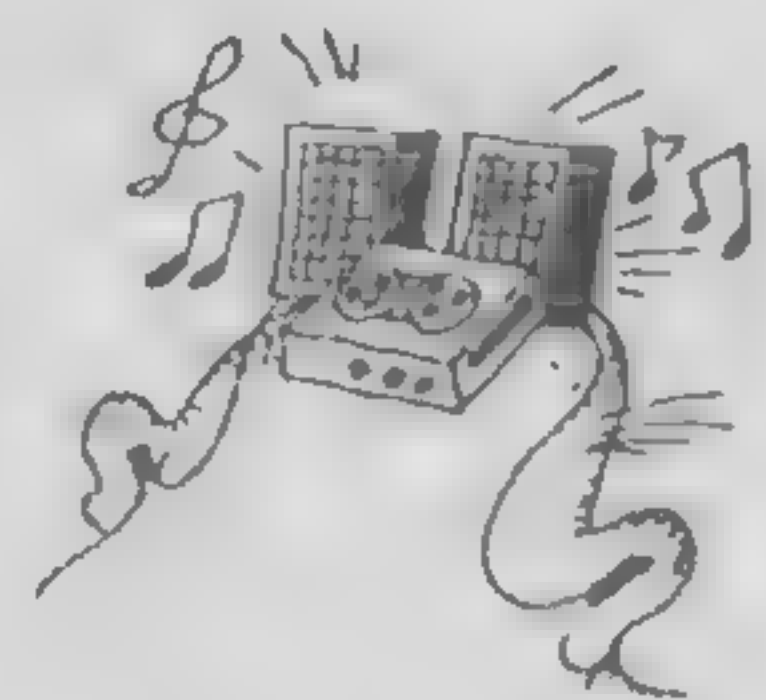
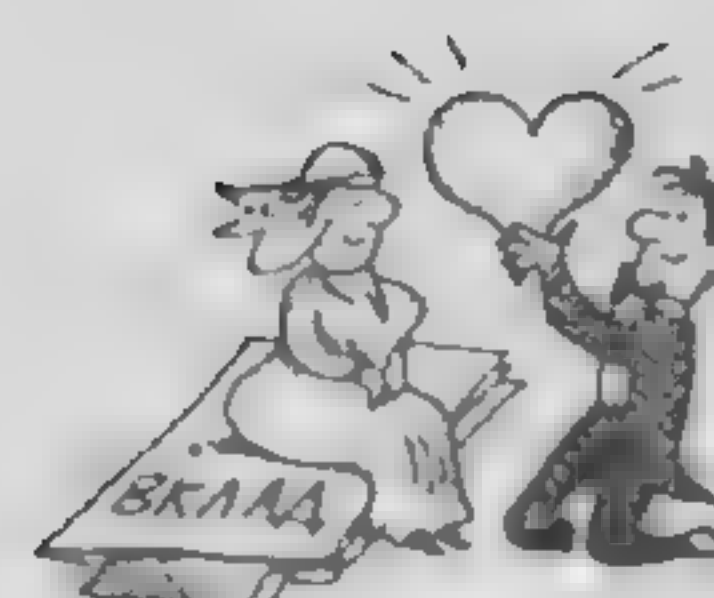
Муж, футбольный судья, никак не мог поставить «стенку».

Шабаш — дискотека на Лысой горе.

Трафарет на автомашине: «Не уверен — не угоняй!»

Приглашение: «Приезжай на дачу (показаний)»

Н. БЫКОВ

КРАЖА

А. В А Н Ы Ш Е В

Юмореска

В конторе шел ремонт. Переставляли перегородки, обновляли наличники, красили панели, полы... Крали краску, олифу, доски, фанеру, гвозди, стекло, дверные петли, шурупы...

Все к этим закономерностям привыкли и смотрели на воровство сквозь пальцы. Смотрела сквозь пальцы и уборщица баба Саня, и бригадир строителей Иван Иванович, и начальник злосчастной конторы Василий Васильевич. Все молчали, не замечали ничего. До тех пор, пока не украли двери в кабинете Василия Васильевича.

Случай экстраординарный. Сначала не поняли, не поверили — думали, что двери ремонтируют. Но вот проходит день, другой, а Василий Васильевич без дверей! А что значит начальник без дверей? И вообще

никто не может жить без дверей.

Начались поиски. Двери как в воду канули. Люди, наделенные чувством юмора, помирали со смеху, смеялись от души над необыкновенным приключением с дверями. Многие терялись в догадках. Вдруг до слуха начальника дошла весть — двери нашлись! И где? На даче у самого Василия Васильевича. И обнаружили сие народные контролеры.

Василий Васильевич сделал вид, что он ничего об этом не знал. Во всем обвинил заместителя — Никишина. В результате не только Никишин вылетел за двери, но и самого Василия Васильевича выставили вон. Вылетел из кабинета как пробка. Благо в кабинете не было дверей.

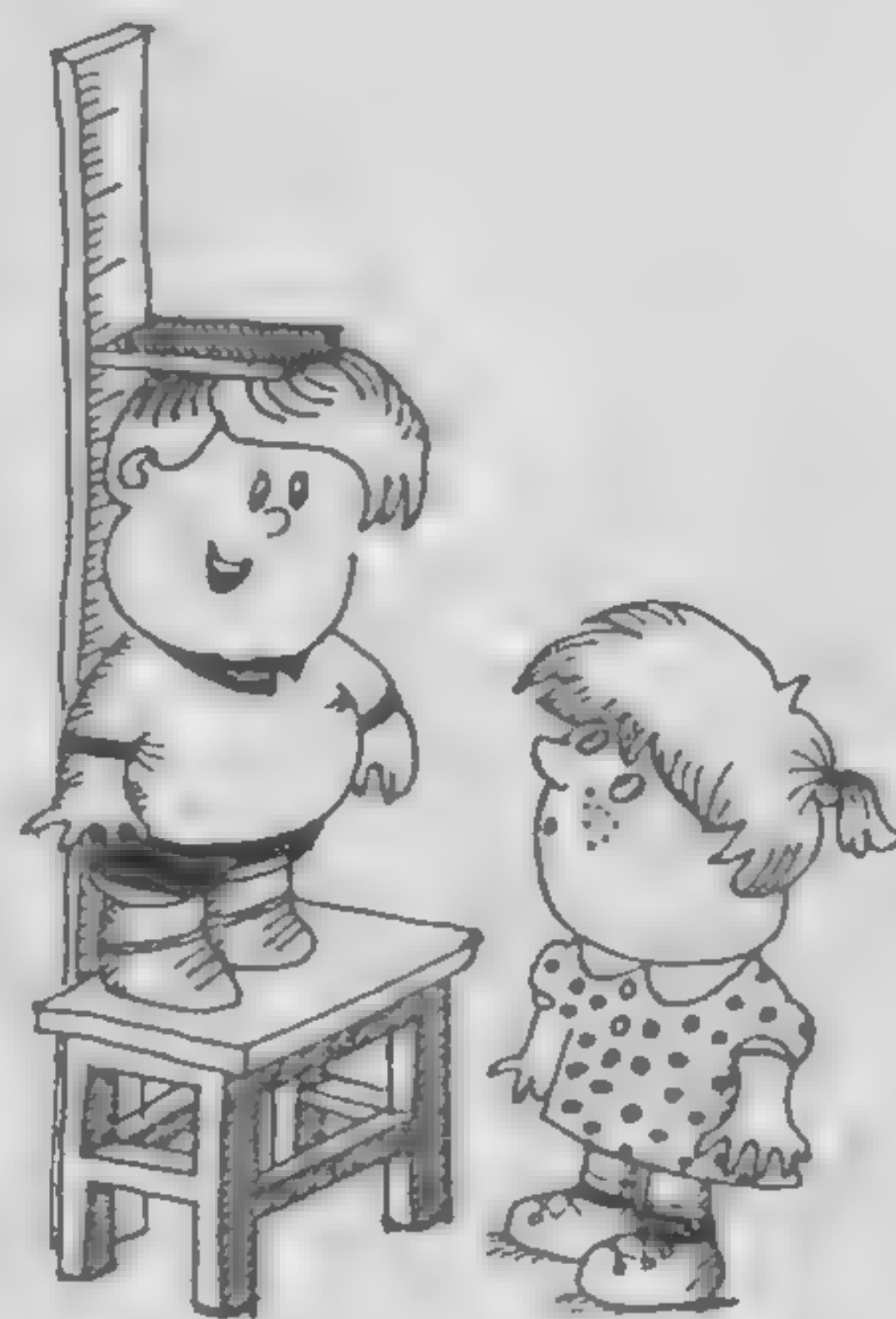

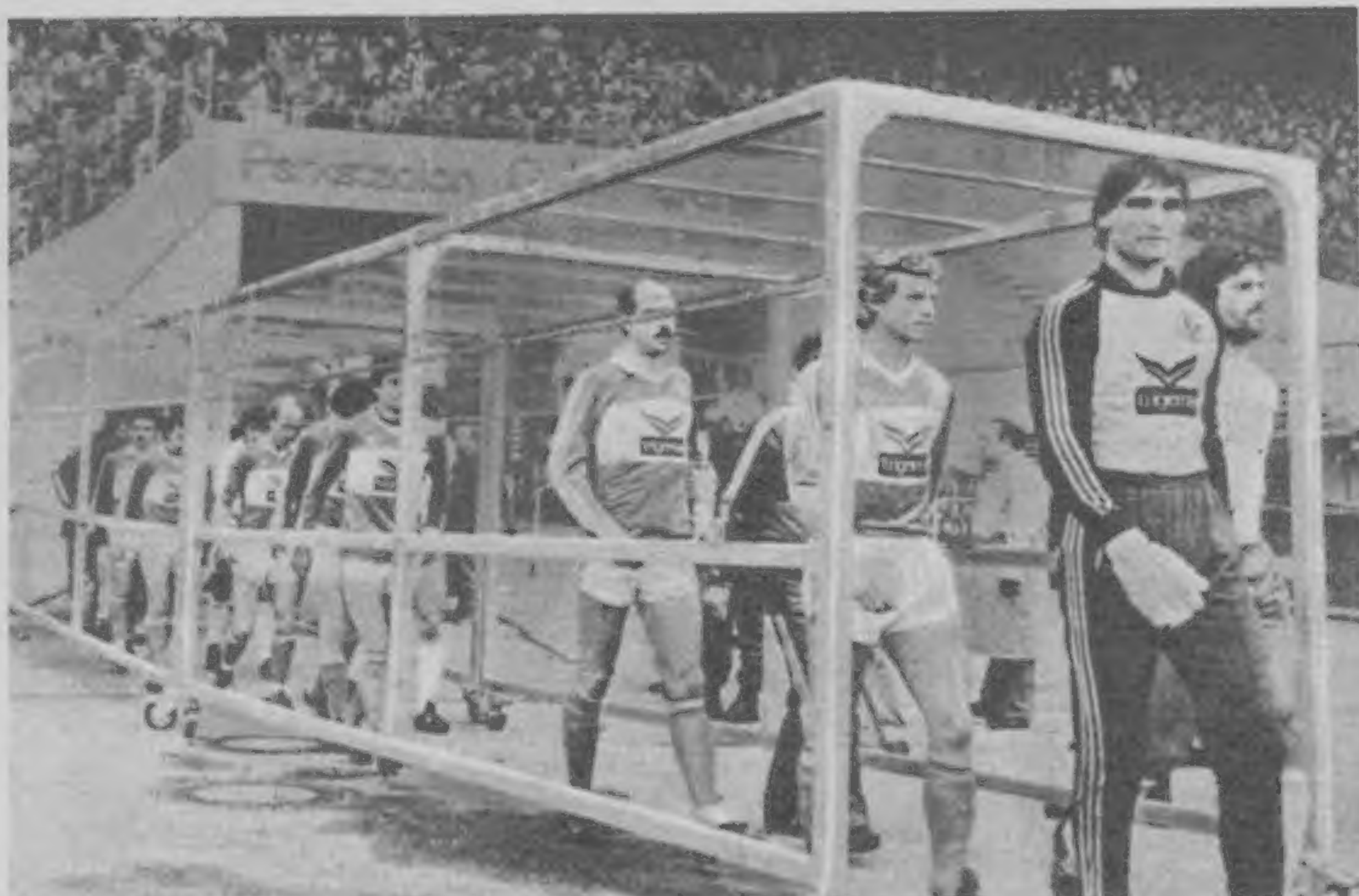
Рисунок Э. ДЕСЯТНИК.

Без слов. Рисунок В. ТАМАЕВА.

ПЕСТРАЯ СТРАНИЦА

ЧЕШСКИЕ СОКОЛЬНИКИ

Говорят, что соколиную охоту в Европу в XII веке завезли крестоносцы, возвращавшиеся из восточных походов. Так это или иначе, но уже много веков не пропадает увлечение охотой с хищными птицами. В наши дни Сокольный клуб в Чехословакии насчитывает 240 активных членов, среди которых есть и женщины. Чешские сокольники воспитывают соколов, ястребов, орлов, кобчиков. И не только для охоты, а и с тем, чтобы защитить этих птиц от полного вымирания.

ЧТО ЖЕ ДАЛЬШЕ?

Разнузданность хулиганствующих болельщиков стала бичом популярных видов спорта в западных странах. «Мы вывозим после матча горы всякой дребедени, — жалуются служители стадионов. — Футбольное поле сплошь и рядом напоминает свалку для мусора...» Во время игры в игроков и су-

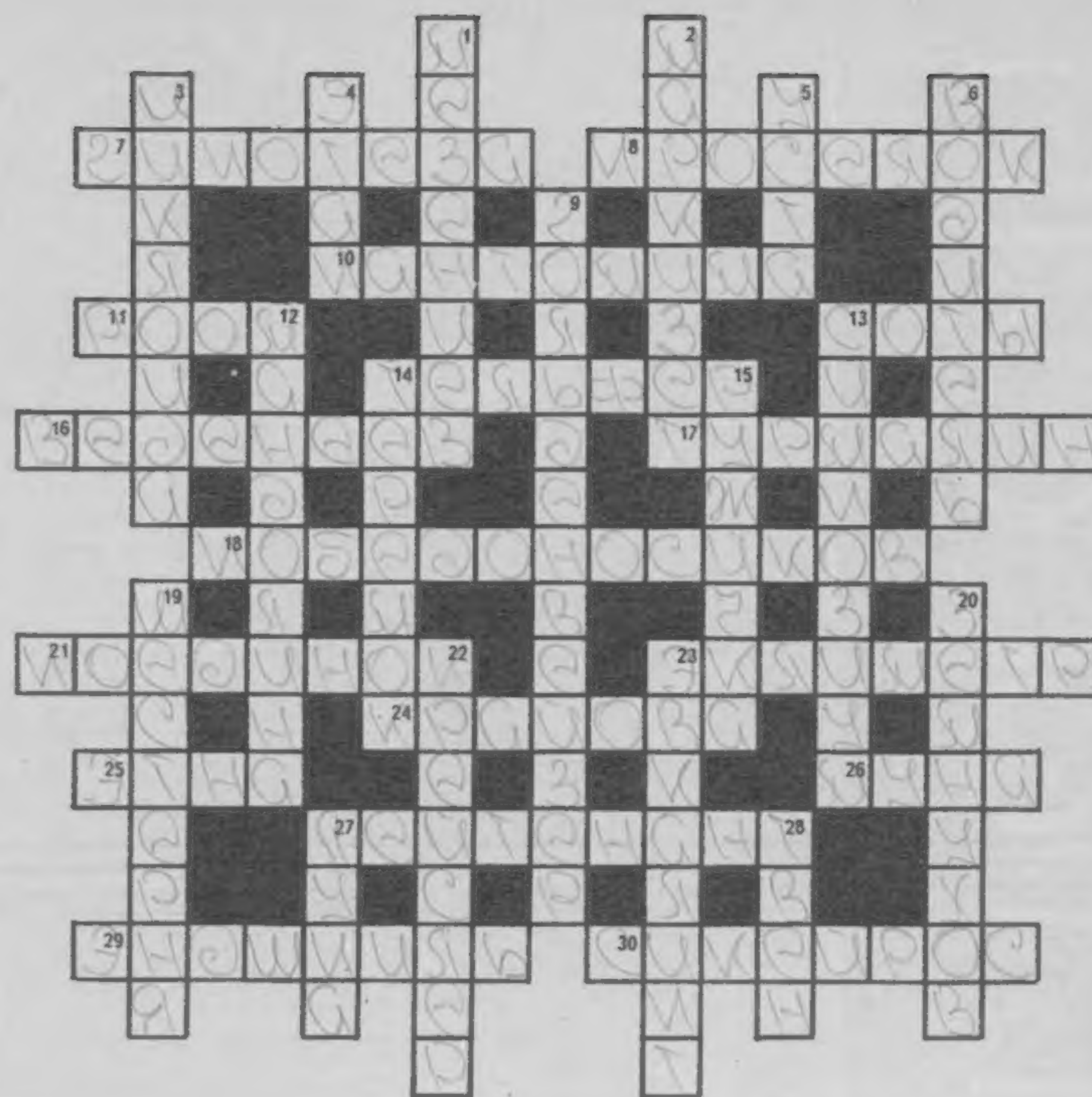
дей летят бутылки, банки, упаковки, камни, палки... Это ведь не только мусор, это угроза для тех, кто находится на поле. И вот изобретаются меры защиты. Такие, например, как в западногерманском городе Гельзенкирхен. Там изготовлен передвижной тоннель, через который игроки и судьи выходят и уходят с поля.

САМЫЙ—САМЫЙ...

«Сити бой», то есть «городской мальчик», — так назвал автомобиль своей конструкции Адальберт Фриес из ФРГ. Он утверждает, что это самый легкий и самый миниатюрный ав-

томобиль в Западной Европе. Этот мини-автомобиль потребляет очень мало горючего, а для стоянки ему нужна площадка шириной всего в полтора метра.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Научное предположение. 8. Картина А. К. Саврасова. 10. Вид сценического искусства. 11. Кинорежиссер, народный артист СССР. 12. Восковые ячейки пчел. 14. Грузоподъемное устройство. 16. Гидроэнергетик, академик, участник составления плана ГОЭЛРО. 17. Минерал, драгоценный камень. 18. Действующее лицо пьесы В. В. Маяковского «Баня». 20. Повесть А. И. Куприна. 23. Портативный геодезический прибор. 24. Город в Румынии. 25. Действующий вулкан в Италии. 26. Приток реки Лены. 27. Военское офицерское звание. 29. Заключительная стадия в шахматной партии. 30. Мексиканский живописец, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами».

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Архитектор, лауреат Ленинской премии. 2. Легкая прозрачная ткань. 3. Плоская кривая. 4. Часть дистанции в эстафете. 5. Приток Ветлуги. 6. Шофер, тракторист. 9. Пианист, композитор, народный артист СССР. 12. Струнный музыкальный инструмент. 13. Международное совещание по определенному научному вопросу. 14. Русская народная сказка. 15. Швейцарский химик-органик, иностранный член Академии наук СССР. 19. Зубчатое колесо. 20. Один из героев романа А. А. Фадеева «Молодая гвардия». 22. Австрийский скрипач, композитор. 23. Южное вечнозеленое дерево. 27. Линза увеличительное стекло. 28. Автор книги для детей «Приключения Тома Сойера».

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 1

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Переплас. 7. Саксофон. 9. Куранты. 10. Концерт. 11. Биатлон. 12. Чететка. 13. Делиб. 15. Вилка. 17. Синкопа. 19. Изморозь. 20. Хлебосол. 23. Пикколо. 25. Жюней. 26. Судак. 28. Сюрприз. 30. «Арсенал». 31. Ударник. 32. Германн. 33. Клоунада. 34. Анколада.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Альбенис. 2. Сказание. 4. Рекорд. 5. Скetch. 6. Матрешка. 7. Сырба. 8. Федора. 14. Елизавета. 16. Куколка. 17. «Стопп». 18. «Алеко». 21. Экспромт. 22. Вернисаж. 24. Куманика. 25. Жерико. 27. Квинта. 28. Слега. 29. Журна.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Тюменская область. В Тазовской геологоразведочной экспедиции * Полярной ночью на буровую прилетел вертолет * Геологи связаны с большим миром * Начальник экспедиции В. М. Константинов. (См. в номере материал «За Уренгоем — Ямбург»).

Фото Г. Копосова

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: А. Куликов. Автопортрет. 1915 * «Ох, не страданье, а только мученье...» — частушка. 1926—1928 * Семья художника. 1929 * Как наши в городе проживают. 1917. (См. в номере материал «Самобытный мастер»).

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление при участии Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Поэзии — 250-51-45; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорт — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформление — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 19.12.83. Подписано к печати 03.01.84. А 00773. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 10,87. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 685 000 экз. Изд. № 256. Заказ № 1821.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

дебют книги

Как замечательно, когда работа искусствоведов и реставраторов становится поистине популярной, имеет выход в широкий свет, и не просто выход, но освещенный фундаментальным и прекрасным изданием. Как замечательно, когда новые произведения жанра, казалось бы, камерного, почти интимного, предназначенного художником или заказчиком одному лишь лицу или узкому кругу близких, мастерством и талантом живописца разрывают рамки этого узкого круга, несут идеи и формы большого искусства и, таким образом, принадлежат многим.

Русский акварельный портрет — целый пласт отечественной культуры. Рассыпанные в старину по именным и городским усадьбам, эти небольшие листы, отмеченные стильным тонким рисунком и нежными красками, виртуозные по живописной технике или, наоборот, топорные и неумелые, одухотворенные прикосновением кисти наших великих мастеров или несущие пример лишь старательности и усидчивости безвестных дилетантов, — листы эти стали своеобразным снимком «дофотографической» России начала прошлого века: купцы и чиновники, светские красавицы и кавалергарды, извозчики и дипломаты, поэты и музыканты, — калейдоскоп образов, типов, лиц.

Они стали теперь соседями в великолепном альбоме «Русский акварельный и карандашный портрет первой половины XIX века из музеев РСФСР», изданном «Изобразительным искусством» (авторы-составители и авторы вступительных статей С. М. Горбачева и С. В. Ямщиков). Воплощению же этого альбома предшествовал большой и трудный путь, тридцатилетняя работа специалистов отдела графики Всероссийского художественного научно-реставрационного центра имени академика И. Э. Грабаря, поиск, отбор и сложнейшее восстановление сотен графических листов из двадцати девяти музеев России: большая, включившая в себя лучшие из этих сотен листов выставка, с успехом прошедшая в Москве, Ленинграде, Париже и Флоренции.

Думаю, не ошибусь, назвав этот альбом исключительным по своему полиграфическому и оформительскому достоинству из вышед-

ших у нас за последние годы художественных альбомов. Размещение текстов, шрифты и виньеты, рамки, в которые заключены собственно портреты и тексты, то, как решена обложка и футляр особой выделки, — все заслуживает самых высоких похвал в адрес художника А. Ф. Быкова, с тонким вкусом, ненавязчиво и в то же время изысканно оправившего эти хрупкие живописные драгоценности.

В альбоме воспроизведены портреты, исполненные Орестом Кипренским, Александром Орловским, Карлом и Александром Брюлловыми, Петром Соколовым, Павлом Федотовым, Михаилом Теребеневым и художниками менее значительными — Николаем Тихообразовым, Кириллом Соколовым, Карлом Гампельном, Иваном Григорьевым — все они могли затеряться, истлеть, выгореть и потерять живость и прозрачность колорита, наконец, погибнуть, если бы не упорный труд реставраторов-графиков, давший им вторую жизнь и дыхание.

Хочется особо сказать о серьезной изыскательской работе, которую провели составители как дотошные и квалифицированные историки, снабдив издание точнейшим научным аппаратом: каждый портрет scrupulously аннотирован, описан и представлен таким образом, что мы узнаем не только о его происхождении и авторстве, но и многое о портретируемом лице — биографию, общественные связи и окружение, культурную или социальную роль. Все это делает альбом еще и важным справочником, своеобразной энциклопедией русской эпохи первой половины XIX столетия.

В атмосфере интенсивной духовной жизни, обостренного чувства гражданственности и национального самосознания, пронизавшего наше отечество времен 1812 года, декабризма и Пушкина, сложился новый жанр искусства — акварельный и карандашный портрет, и мы благодарно всматриваемся теперь в лица давно ушедших людей, стараясь увидеть, как сквозь магический кристалл, свою историю, ее бури и будни, свою родину прошлых времен.

Дмитрий БИСТИ,
член-корреспондент
Академии художеств СССР

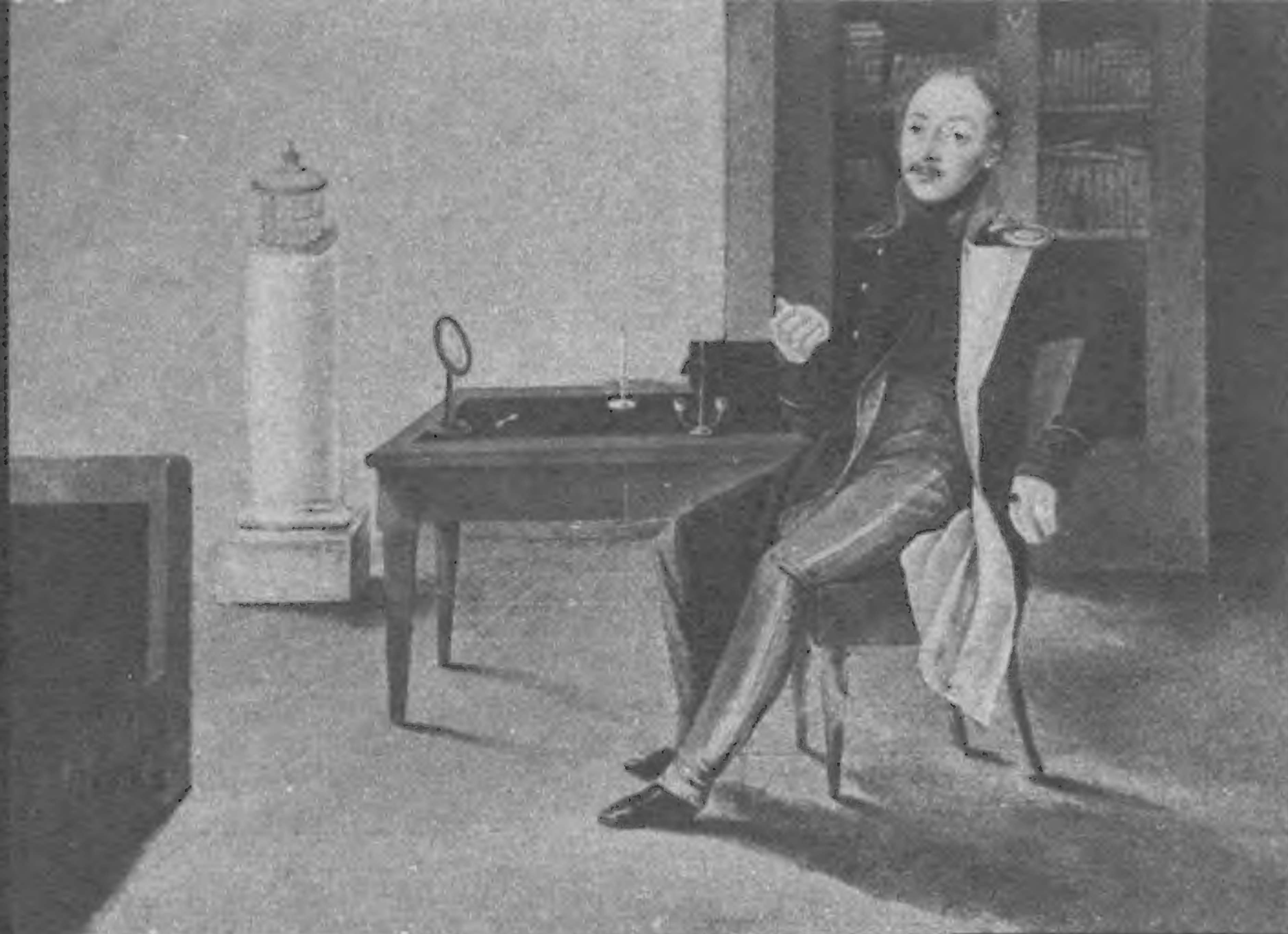
Карл Гампельн. Портрет композитора А. Н. Верстовского, автора оперы «Аскольдова могила».

Иван Нечаев. Групповой портрет.

Вера Мейер. Портрет революционера-петрашевца Н. А. Спешнева.

Неизвестный художник. Портрет А. С. Талызина, основателя Московского училища живописи, ваяния и зодчества.

Неизвестный художник. Портрет Н. А. Волконской, дочери А. И. Мусина-Пушкина, замечательного археолога и историка, открывшего «Слово о полку Игореве», сестры героя 1812 года, декабриста, близкого друга Пушкина.

Карл Гампельн. Портрет О. Н. Талызиной.

Неизвестный художник. Семейный портрет.

Петр Соколов. Портрет И. Г. Полетики.

Неизвестный художник. Семейный портрет.

